

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2023. № 11(179)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНЖиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2023
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диэго Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

8 ХЛУТКОВ А. Д.

Пределы управленческих эффектов:
российский и европейский опыт 2023 года

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

9 КИРИЛЕНКО В. П., ШАМАХОВ В. А., АЛЕКСЕЕВ Г. В.

Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность
государства

25 ШУМИЛОВ М. М.

Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской
стратегии США (Часть 1)

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

46 ТЯПУХИН А. П.

К вопросу о концепции управления цепями создания ценностей

60 КОННИКОВ Е. А., РОДИОНОВ Д. Г.

Моделирование системных импульсов развития онлайн-торговли
в условиях пандемии COVID-19

69 АРГАТОВ М. А., ДЕСЯТНИЧЕНКО О. Ю.

Новые возможности и новые вызовы для участников ВЭД,
возникающие в процессе цифровизации системы электронного
документооборота ФТС России

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

82 ЕЛСУКОВ М. Ю., ИСАЕВ А. П.

Трансформация подходов к оценке инвестиционного потенциала
и инвестиционной привлекательности регионов России

96 ЯФАСОВ А. Я., КИБАЛЬНИКОВ С. В., МЕРКУЛОВ А. А., ПОСКОННЫЙ Д. А.

Цифровые технологии в экономике туризма: проект «Путь Ломоносова»

114 ДЗГОЕВА Д. Т., РОМАНОВ И. С.

Общественное участие в бюджетном процессе: теория и методология

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

122 ГУРКИНА Н. К.

Ушинский и советская школа
(из исторического опыта создания отечественной системы образования)

A LINEA**132 МИСЬКО О. Н., ДАРВИШ А. Ш.**

Совершенствование энергетического сектора и возобновляемых источников энергии в Египте (проблемы, достижения и наиболее важные проекты)

140 ЗОРИНА И. А.

Роль наставника в современном обществе: обзор социологических исследований

149 ЛЯЛИКОВ А. А.

Развитие теоретико-методологических подходов государственного управления: от «железной клетки» бюрократии до цифрового управления и клиентоцентричности

НОВОСТИ**161** Новости РАНХиГС Санкт-Петербург

A LINEA**132 OLEG N. MISKO, ALAA SH. DARWISH**

Improving the Energy Sector and Renewable Energy Resources in Egypt
(Challenges, Achievements, And Most Important Projects)

140 IRINA A.ZORINA

The Role of a Mentor in Modern Society: A Review of Sociological Research

150 ALEXANDER A. LYALIKOV

Development of Theoretical and Methodological Approaches to Public
Administration: From The “Iron Cage” Bureaucracy
to Digital Governance and Client-Centeredness

NEWS**161 News of RANEPА Saint Petersburg**

Пределы управленческих эффектов: российский и европейский опыт 2023 года

Limits of Management Effects: Russian and European Experience in 2023

Глобальная экономика прожила сложный год, худший по сравнению с 2022-м, который, в свою очередь, был хуже 2021-го. Вопрос о мировой экономической рецессии постепенно входит в круг ключевых тем.

Текущая экономическая ситуация в Европе и России обсуждается существенно меньше, чем вопросы военного и политического характера. Для этого есть причины. Экономическая ситуация в Европе, как минимум, напоминает об экономическом кризисе 2007–2009 гг. Сегодня уже официально признан экономический спад в десяти странах ЕС. Падение ВВП — не единственный показатель кризиса, растут безработица, инфляция, продолжается перемещение как высокотехнологичных, так и сырьевых отраслей за пределы Европы.

На этом фоне прогнозы экономического развития России не могут не радовать нас и наших друзей и, наоборот, не пугать наших оппонентов. Всемирный банк обновил оценку ВВП стран мира на конец 2022 г. По оценкам этой авторитетной организации, российская экономика вошла в пятерку самых крупных экономик мира. Ведущие экспертно-аналитические структуры признают, что 3% роста для России в 2023 г. — вполне реальная перспектива. Безработица в России в целом практически отсутствует. Инфляция как проблема присутствует, однако 7% к концу декабря нельзя признать системной проблемой в свете последних десятилетий развития. Валютный курс стабилизирован на психологически важном рубеже. Очевидно то, что российская экономика уже адаптировалась к феноменальным санкциям и избавилась от заведомо недружественных «экономических партнёров».

Рассмотрим собственно управленческий аспект проблемы. Стабилизация экономического развития России — результат, полученный без принятия чрезвычайных решений в управленческой сфере. Экономическая эффективность российской системы управления успешно проходит проверку в условиях уникального внешнего давления и специальной военной операции. Регулирование «в ручном режиме» не совсем приемлемо в мирное время и могло быть критикуемо, но в текущих условиях абсолютно закономерно.

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, председатель редакционного совета*

Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства*

Кириленко В. П. *, Шамахов В. А., Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В условиях цифровой трансформации обеспечение национальной безопасности в медиасфере становится многоплановой задачей, связанной с реализацией культурного суверенитета России. Стратегическое планирование развития национального медиапространства предполагает внутриполитические и дипломатические решения концептуального плана, которые способны обеспечить единство международного информационного пространства при противодействии угрозам: (1) пропаганды насильственного экстремизма, (2) популяризации деструктивной идеологии, (3) снижения уровня культурного капитала власти и оппозиции. Оперативные планы по обеспечению медиабезопасности государства достаточно часто следуют логике ситуационного реагирования на угрозы, исходящие от противников, и рассчитывают на использование охранительных мер в отношении медиапространства на национальном уровне. В методологическом плане медиабезопасность государства характеризуется системными практиками обеспечения информационной безопасности (при формальном юридическом анализе) и анализом угроз когнитивной и ноосферной безопасности (при естественно-научном исследовании коммуникативных процессов). Методика исследования предполагает использование свойственного ноэтики метода включенного наблюдения для классификации угроз, исходящих от средств массовой коммуникации.

Среди основных задач статьи: анализ современных российских политических и правовых документов, нацеленных на обеспечение медиабезопасности и противодействие экстремизму, характеристика российской политики по секьюритизации социальных проблем в медиасфере, отграничение легальной политической борьбы от криминальных (экстремистских и деструктивных) практик политического общения. В задачи исследования входит анализ зарубежного опыта по обеспечению национальной медиабезопасности в условиях цифровизации и роста угрозы насильственного экстремизма. Логика конкуренции в цифровом культурном пространстве практически исключает использование государственными органами секретности, цензуры и принуждения аудитории к просмотру пропаганды в процессе обеспечения медиабезопасности. Публичные отношения в медиасфере предполагают выбор медиаконтента аудиторией глобального информационного пространства, а значит защита отечественных духовно-нравственных ценностей реализуется в либеральной парадигме и требует открытого диалога партии власти и оппозиции по актуальным вопросам национальной безопасности.

Ключевые слова: суверенитет, когнитивная безопасность, деструктивная идеология, свобода слова, оппозиция, радикализация

Для цитирования: Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 9–24

Countering Extremist Ideology and Media Security of the State

Viktor P. Kirilenko*, Vladimir A. Shamakhov, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы № 122112800080-3 «Глобальный индекс экстремизма: социальная функция и методики измерения».

ABSTRACT

National security in the media sphere is becoming a multifaceted task related to the implementation of Russia's cultural sovereignty in the context of digital transformation. Strategic planning for the development of the national media space involves domestic political and diplomatic decisions of a conceptual nature that can ensure the unity of the international information space while countering threats: (1) propaganda of violent extremism, (2) popularization of destructive ideology, (3) reduction of cultural capital level of the party in power and opposition. Operational plans for ensuring media security quite often follow the logic of situational response to threats posed by enemies and implement protective measures in relation to the media space at the national level. In methodological terms, the media security of the state is characterized by systemic practices of ensuring information security (in formal legal analysis), and analysis of threats to cognitive and noospheric security (in the natural science study of communication processes). The research methodology involves the use of the method of participant observation inherent in noxology to classify threats emanating from the mass media. Among the main objectives of the article: analysis of modern Russian political and legal documents aimed at ensuring media security and countering extremism, characterizing the Russian policy of securitization of social problems in the media sphere, delimiting legal political struggle from criminal (extremist and destructive) practices of political communication. The objectives of the study include the analysis of foreign experience in ensuring national media security in the context of digitalization and the growing threat of violent extremism. The logic of competition in the digital cultural space practically excludes the use of secrecy, censorship and forcing the audience to watch propaganda in the process of ensuring media security. Public relations in the media sphere involves the choice of media content by the audience of the global information space, which means that the protection of national spiritual and moral values is implemented in the liberal paradigm and demands open dialogue between the party in power and the opposition on topical issues of national security.

Keywords: sovereignty, cognitive security, destructive ideology, freedom of speech, opposition, radicalization

For citing: Kirilenko V. P., Shamakhov V. A., Alekseev G. V. Countering Extremist Ideology and Media Security of the State // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 9–24

Президент Российской Федерации В.В. Путин в интервью ТАСС 17 марта 2020 г., защищая плюрализм в Парламенте, отметил, что «государство обязано создать условия для того, чтобы человек любых взглядов, каких бы он ни придерживался, имел возможность эффективно работать»¹. Вместе с тем политические позиции сторон российского парламентского диалога солидарны в осуждении идеологии насилия и экстремизма. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» исходит из сложившегося в мировом сообществе консенсуса в отношении того, что насильственный экстремизм угрожает плюрализму и свободе слова, которые необходимы в правовом государстве.

В условиях цифровой трансформации традиционные российские духовно-нравственные ценности подвержены влиянию глобального информационного пространства, где наряду с прогрессивными творческими практиками распространяется деструктивная и экстремистская идеология. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. относит информационную безопасность и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуру и историческую память к *стратегическим национальным приоритетам*, на которых концен-

¹ Об оппозиции — системной и не только. Интервью ТАСС 17 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/62997> (дата обращения: 24.04.2023).

трируются усилия и ресурсы органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества (п. 26)¹.

Национальные интересы в информационной сфере в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации 2016 г.² (далее — Доктрина) включают в себя защиту «исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации» (пп. а п. 8). Теоретически защита традиционных духовно-нравственных ценностей относится к области медиабезопасности, так как в системе информационной безопасности (которая включает в себя институты защиты информации (секретности), кибербезопасности и медиабезопасности) морально-нравственные принципы и нормы являются социально-открытыми и общедоступными [14, с. 57]. Вместе с тем отдельное упоминание на уровне Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. традиционной культуры и духовности порождает неизбежную юридическую научную дискуссию.

С одной стороны, духовность, культура и историческая память — значимые национальные интересы и «власть озабочена информационно-психологическими диверсиями и „вестернизацией“ культуры, усиливающими угрозу утраты нашей страной культурного суверенитета» [25, с. 36], с другой стороны, «понятие „нравственность“, используемое для ограничения прав и свобод, вызывает массу споров и дискуссий, так как либеральные, консервативные и коммунистические идеологии, партии, общественные деятели, общественные организации имеют различное представление о ней» [23, с. 37].

Отнесение идеологических вопросов национальной политики к области национальной безопасности, их секьюритизация, требует (1) формализации конкретной идеологической парадигмы, (2) обоснования необходимости использования сил и средств государственной безопасности для решения идеологических задач, (3) создания механизма защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как приоритета политики медиабезопасности.

Формализация современной российской идеологической парадигмы производится в *Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 г.* (далее — Основы).

В Основах к традиционным ценностям относятся нравственные ориентиры из области экономики политики и права среди которых, как представляется, для медиабезопасности особое значение имеют: права и свободы человека, патриотизм, гуманизм, историческая память и единство народов России (п. 5)³.

В плане медиабезопасности Основы для решения проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей предполагают (1) развитие и совершенствование форм и методов противодействия рискам, связанным с распространением деструктивной идеологии в информационном пространстве (пп. г. п. 19); (2) повышение эффективности просвещения и совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи (пп. д, е п. 19) и совершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии (пп. ж п. 19). В Основах под деструктивной идеологией понимается «чуждая рос-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 24.04.2023).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

сийскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей, которая основана на культивировании эгоизма и т. д.» (п. 14), при этом сами духовные ценности основаны на «коллективизме», который оказался в одном ряду с правами человека и весьма абстрактным «милосердием» (п. 5).

Наблюдения за медийными практиками показывают, что все пользователи смотрят одни и те же новости, играют в одни и те же онлайн-игры и только официальные интерпретации в информационном поле стремятся создать параллельные нормативные измерения медиапространства на национальном уровне, защищающие граждан от проявлений деструктивной идеологии. Существование деструктивной идеологии, угрожающей национальной безопасности, не вызывает сомнений. Криминализация проявлений насильственного экстремизма и терроризма представляется рациональной в силу угроз, исходящих от экстремистских сообществ, деструктивных религиозных сект, групп смерти и террористических организаций. Глобальный характер экстремистской угрозы в условиях цифровой трансформации требует международного сотрудничества при противодействии расизму, ксенофобии и другим экстремистским практикам [2]. В контексте Основ возникает небезыңтересный вопрос о том, как соотносятся «деструктивная идеология» (п. 14 Основ) с нормами Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и положениями ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности».

Согласно Основам «угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России» (п. 13). Очевидно, что Основы определяют понятие «деструктивная идеология» шире, чем Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года понимает термин «экстремистская идеология» (совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов) (пп. в п. 4).

Представляется, что адепты деструктивной идеологии — (1) террористы и экстремисты, (2) недружественные государства и ТНК и (3) маргинальная оппозиция внутри России — руководствуются различными интересами и в разной степени угрожают национальной безопасности. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с деструктивной идеологией в рамках пп. ж п. 19 Основ необходима в отношении террористов и экстремистов, ограничена правами и свободами человека при общении государства с маргинальной оппозицией, и ограничена юрисдикцией государства (как территориальной, так и предметной) при противодействии зарубежной «деструктивной идеологии». Весьма дискуссионными представляются попытки российского законодателя формализовать эгоизм, коллективизм и милосердие в контексте положений Основ о правах человека, гуманизме и патриотизме. В то время как права человека, гуманизм и патриотизм являются фундаментальными императивами, на которых основано правовое государство, о пределах допустимого эгоизма, снобизма и индивидуализма в обществе должна идти открытая моральная дискуссия, так как эти проявления индивидуальности (возможно негативные) в здоровом обществе неизбежны. Если патриотизм и защита отечества для всякого дееспособного гражданина государства представляются нормой и обязанностью, то заставить гражданина стать коллективистом по духу и воспитать всех граждан коллекти-

вистами нерационально, так как фундаментальной социальной ценностью является разнообразие, поставленное в рамки естественного права [5].

Коллективистам свойственно преувеличивать роль государственных институтов в экономической жизни общества, оперируя интересами безопасности. Коллективистская стратегия исходит из того, что «приношение в жертву личной свободы ради коллективной безопасности в силу исторических причин было принято именно государством» и поскольку «обеспечение безопасности как затратное, хлопотное и касающееся всех дело всегда сосредотачивалось в руках некоего коллективного образования (рода, общины, общества в целом)» [8, с. 62], постольку государство легитимно ограничивает свободу конкретных граждан в интересах национальной безопасности. Индивидуалист, напротив, будет всегда ставить под сомнение легитимность ограничения личных свобод неэкономическими методами, так как небезосновательно полагает, что политический класс может использовать инструмент обеспечения безопасности для сохранения собственного господства (domination) [41].

В условиях неолиберального экономического порядка набирает силу деструктивная идеология, наблюдается разобщенность и цифровой разрыв. С одной стороны, по точному наблюдению профессора А. В. Бузгалина, «в сфере политики развитие отношений *глобальной гегемонии капитала* (курсив наш — В. К., В. Ш., Г. А.) приводит к постепенному вытеснению отношений классической буржуазной демократии массовым политическим производством, в рамках которого политическая активность гражданина замещается политическими технологиями. [В итоге] <...> акторы, контролирующие экономико-политические процессы, производят при помощи политтехнологов из пассивных объектов (электората) необходимые результаты — голоса» [4, с. 158]. С другой стороны, в условиях, когда роль участия рядового гражданина в принятии политических решений снижается, «России сегодня главное не растерять потенциал личностных идеалов, ориентирующих на приоритетность общечеловеческих, гуманистических ценностей, демонстрирующих возвышение над эгоизмом и уважение к представителям других культур» [18, с. 200].

По логике Основ природа идеологического конфликта России и США уходит корнями в интерпретации античной философии, где «Чары Платона» (The Spell of Plato) выступают обоснованием сильного государства, а либеральные учения стремятся защитить индивида от произвола со стороны «лжепророков», действующих от имени или во имя сильного государства [37]. Формально конфликт сводится к тому, что мировоззрение очень небольшого числа граждан США (особенно в элитах) строится на таких нравственных ориентирах, как «приоритет духовного над материальным» и «коллективизм» (п. 5 Основ). Элиты США воспринимают такую риторику российских Основ как враждебную демагогию в отношении велфаристической и гуманистической рациональной логики глобального миропорядка. В России согласно Основ «приоритет духовного над материальным» в контексте коррупционных проявлений актуализирует проблему лицемерия.

С косвенной критикой неуважения к представителям других культур и безосновательного шельмования иностранных государств как «недружественных» на ежегодном съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) 16 марта 2023 г. выступил Президент Российской Федерации В. В. Путин, отметив, что «у нас в общественное сознание и в оборот вошло такое словосочетание „недружественные страны“. Оно неточно отражает существующие реалии. Можно сказать, вообще не отражает, потому что у нас есть недружественные элиты в определенном количестве стран, недружественные правители»¹.

¹ Путин в цифрах рассказал, как складывается ситуация в российской экономике [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/03/17/s-repa-na-repu.html?ysclid=ikw6m0qzlx242260668> (дата обращения: 24.04.2023).

Представляется, что для сбалансированности Основ к традиционным российским духовно-нравственным ценностям следовало бы отнести дипломатичность и дружелюбие, необходимые для заимствования передового иностранного опыта во всех областях народного хозяйства. Не следует забывать, что многие символы России, включая Московский Кремль, построили итальянские архитекторы, «когда Россия волею Петра I решила стать морской державой, то было вполне понятным ее обращение к опыту западного кораблестроения и навигации» [26, с. 68], а индустриализация в СССР происходила не без помощи американцев, европейцев и японцев, которые, конечно, не бесплатно, но все-таки передали технологии и оборудование, необходимое для развития советского тяжелого машиностроения.

Современные проблемы безопасности в мировом сообществе обусловлены не столько конфликтом коллективистов и индивидуалистов, сколько взаимным недоверием элит в условиях меняющихся ценностных ориентиров. По справедливому замечанию Е. И. Галяшиной, трансформация системы ценностей обусловлена «модернизацией общественной жизни. Процессы глобализации в экономической, политической, культурной сферах, втягивающие население разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня, приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ и всего сообщества в целом» [7, с. 35]. В результате вооруженного конфликта, центральной идеей которого стала «денацификация»¹, более 6,2 млн беженцев с территории Украины (из которых 1,3 млн оказались в России)² демонстрируют критическую важность рациональной идеологической парадигмы на национальном уровне и разрушительные последствия этнокультурных конфликтов. Проблема враждебности и недоверия имеет морально-нравственную и экономическую природу и не сводится к идеологическим противоречиям индивидуалистов и коллективистов или либералов и консерваторов.

Президент Российской Федерации В. В. Путин как до зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 г., так и после неоднократно заявлял о своей приверженности либеральным взглядам³. В 2016 г. пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д. С. Песков специально пояснил: «недрузи — в первую очередь за рубежом, но и некоторые недрузи внутри России, — считают, что Путин скорее консерватор и такой государственный, которому чуждо слово „свобода“. Но Путин — абсолютный либерал по своей натуре. И гораздо больший либерал, нежели назывные либералы, которые именуют себя псевдоопозицией»⁴. Для справедливости наблюдений следует подчеркнуть, что никто себя «псевдоопозицией» не именует и не считает, скорее следует говорить об отрицательной оценке деструктивных практик работы несистемной оппозиции за рубежом и о недопустимости зарубежного вмешательства во внутрироссийский политический процесс за счет создания псевдоопозиции финансируемой из-за рубежа.

После начала специальной военной операции на территории Украины 27 мая 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, обращаясь к креативной молодежи Крыма, подчеркнул, что «творческой мысли, творческому поиску, без-

¹ Путин назвал денацификацию Украины одной из ключевых задач России. 16.06.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230616/ukraina-1878727166.html?ysclid=llhuffluo3697309780> (дата обращения: 24.04.2023).

² Ukraine Refugee Situation [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine>.

³ Интервью российским и иностранным СМИ. 19 января 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20080> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ Путин по своей натуре является абсолютным либералом, заявил Песков [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20161221/1484252401.html> (дата обращения: 24.04.2023).

условно, необходима свобода»¹. Безусловность свободы во многом определяет успех в деле государственного строительства, кооптации мигрантов и новых территорий. Суть российских духовно-нравственных ценностей во многом определяется тем, что секулярное государство, политический плюрализм и единство многонационального народа не имеют рациональной альтернативы в современной России.

Критического анализа заслуживают тезисы о том, что «либеральная идеология управления российским народом себя исчерпала <...>, либерализм в нашей стране схематично воплощался следующим образом: вначале его идеологи на уровне индивидуального и массового сознания ввели в „заблуждение“ так называемых топ-менеджеров от государства, выдавая пустые абстракции за подлинные человеческие ценности, за которые нашему народу предлагалось пострадать. <...> Народ не сразу обнаружил ложь» [1, с. 819]. Необходимо уточнить, что ложь состоит именно в сведении либерализма к *глобальной гегемонии капитала*. «Заблуждение», если оно вообще имело место, состояло (по точному описанию В. С. Нерсисянца) в том, что «общественное мнение, народное сознание, по сути, верно видят в кооператорах, индивидуалах, арендаторах и т. д. владельцев собственности на средства производства. И „образ врага“ здесь неизбежно появляется как выражение объективной противоположности между социалистической и частной собственностью» [19, с. 51], при этом уважение частной собственности — это моральная проблема, так как «мораль по своему генезису и правовой сути — это свобода человека от бога и государства; это человек — вне бога и государства, меж богом и государством. Моральная свобода — свобода индивида от небесной и земной власти» [20, с. 158].

Способность индивида высвободиться от власти капитала и криминального (экстремистского) авторитета и его потенциал к достижению личного успеха и семейного счастья формируется благодаря деятельности «научных, образовательных, просветительских организаций» (пп. Д, п. 19 Основ), однако Просвещение везде приводило к формированию моральной негативной свободы от государства и от церковной власти.

Государство как форма организации общества, основанная на взаимопомощи (коллективизме), нуждается в результатах индивидуального творческого труда, и поскольку без индивидуализма мотивация к инновациям в социуме слаба, либеральная мораль Просвещения не имеет альтернатив и подразумевает систему привилегий для тех индивидов, чей культурный капитал и креативный труд полезен государству.

Деятельность правоохранительных органов по борьбе с деструктивной идеологией (пп. Ж п. 19 Основ), в свою очередь, предполагает защиту граждан от неолиберальных экономических и силовых злоупотреблений естественными свободами, угрожающими коммуникативному и «либертарному» [24] правовому порядку.

Секьюритизация национальной идеологической парадигмы может быть обоснована путем расширения предметной области национальной безопасности в рамках критических исследований. Копенгагенский подход Барри Бузана (Barry Buzan) и Оле Вэйвера (Ole Wæver) к исследованию безопасности исходит из иерархии интересов и лишь констатирует тот факт, что элиты в процессе принятия политических решений о секьюритизации социальных проблем находятся под воздействием диалога о национальной безопасности, который развивается не только в парламенте, но и в социальных медиа [30]. Спектр угроз национальной безопасности,

¹ Видеообращение по случаю открытия Академии творческих индустрий в арт-кластере «Таврида» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71216> (дата обращения: 24.04.2023).

исходящий из глобального медиапространства, достаточно широк, однако большинство актуальных угроз не имеют критического характера, не несут непосредственной опасности для жизни и здоровья граждан, не расцениваются как имманентные риски для работы государственного аппарата. Поскольку на практике медиаугрозы не затрагивают верхние уровни иерархии национальных интересов, а политика по секьюритизации идеологических вопросов требует мобилизации аппаратных усилий и значительных затрат, постольку публичное реагирование на деструктивную идеологию часто строится в рамках правового поля (без введения специальных административных режимов), носит ситуационный (казуальный) характер и объясняется интересами политического класса.

Критический подход парижской школы для секьюритизации медиаконтента формирует понимание народной (*vernacular*) безопасности, в рамках которого логика криминологического исследования применяется в медийном поле политики национальной безопасности [34]. Повестка дня критических исследований в области безопасности распространяется на демонстрацию насильственного экстремизма и проявления киберпреступности [29]. Разнообразие составов киберпреступлений приводит к тому, что вопросы медиабезопасности и кибербезопасности рассматриваются совместно, так как тактические медиа существуют по общим правилам виртуального рынка в медиапространстве [33]. В итоге возникает парадокс, при котором реагирование на универсальные и разноплановые угрозы осуществляется на основе локального публичного диалога вокруг конкретных вызовов правопорядку. Такая вернакулярная логика в целом подтверждается исследованиями в сфере противодействия насильственному экстремизму и терроризму, где локальные «нарративы безопасности» определяют политику по борьбе с конкретными экстремистскими сообществами [38].

Для российской школы медиаобразования характерны исследования в области когнитивной безопасности, которые демонстрируют необходимость вмешательства государства в академические процессы для защиты психологического состояния и психического здоровья граждан [17]. В рамках педагогической логики происходит лишь косвенная секьюритизация процессов восприятия информации массовой аудиторией: влияния медиапродуктов на общество, манипулятивных и вирусных технологий в медиасфере, практики постановки повестки дня и проблемы фейкового контента в массовых коммуникациях. Научный педагогический дискурс ведется вокруг «медиабезопасности современной медиааудитории» [16, с. 42] и лишь косвенно затрагивает проблемы национальной безопасности. Так, например, справедливо отмечается, что «все более актуальной становится проблема обеспечения медиабезопасности детей», и их защиты «от влияния контента, который может ... пропагандировать деструктивные модели поведения» [15, с. 363]. Очевидно, что необходимо решить задачу защиты детей от пропаганды экстремизма и без участия государства добиться этого результата крайне сложно. В свою очередь решение гражданским обществом задачи по выработке рациональных ограничений в спорных ситуациях, где распространяется детская литература низкого качества, когда она по-разному воспринимается детьми разного возраста и воспитания, когда демонстрация обычных жизненных ситуаций в цифровых медиа вызывает стресс у детей с большой психикой, остается нерешенной проблемой. Установление четких юридических границ между вопросами политики безопасности и проблемами профессиональной педагогики — одна из перспективных задач ноксологии в условиях цифровой трансформации.

В рамках исследований в сфере международных отношений медиабезопасность рассматривается как неотъемлемый компонент национальной безопасности, который в первую очередь способствует повышению «эффективности информационного обеспечения реализации государственной политики Российской Федерации» (пп. И п. 23

Доктрины). Взаимозависимость медиабезопасности и национальной безопасности определяется качеством медиареагирования на критические внешние и внутренние угрозы национальной безопасности [28]. Качество национальных медиа является вопросом национальной безопасности, так как «деятельность СМИ <...> невозможна без креативных инструментов, которые служат для привлечения внимания потребителей» [3, с. 36], а сами медиа способны решать внешнеполитические задачи в качестве органов государства, партийных органов, институтов гражданского общества и свободных творческих коллективов. Территория распространения медиаконтента не ограничена юрисдикцией государства, и если «СМИ — это инструмент власти, такой же, как армия» [22, с. 41], то реалии «ноополитики» [22] означают неизбежность секьюритизации всей медиасферы, иначе инструменты власти могут быть использованы против национальных интересов врагами государства: специальными службами иностранных держав и криминальными элементами, а том числе экстремистскими сообществами.

В рамках теории политики американский профессор Дебора Шепли (Deborah Shapley) еще в 1982 г. приводит веские доводы в пользу того, что «в условиях демократии средства массовой информации должны играть роль в обеспечении того, чтобы избиратели были хорошо информированы, чтобы на них меньше влияла демагогия или пропаганда. Средства массовой информации — газеты и телевидение — должны найти способы более широко и подробно освещать вопросы национальной безопасности, даже если это иногда означает отказ от профессиональных ограничений...» [40, р. 207].

Другой американский ученый Робин Томпсон (Robin Thompson) в 2011 г. констатирует, что «аналитики и лица, принимающие решения, связанные с разведкой и национальной безопасностью, должны быть вовлечены в социальные сети, чтобы они могли понять нюансы того, как нечестные пользователи могут использовать преимущества социальных сетей для радикализации населения. Если террористические группы или враги государства используют социальные сети для целей управления, контроля и связи во время нападения или крупного события <...>, то государственные органы должны нейтрализовать эту угрозу» [44, р. 179].

Австралийский специалист по обеспечению национальной безопасности Сэм Роггевен (Sam Roggeveen) в 2015 г. отмечает тот факт, что «на австралийские онлайн-издания, посвященные вопросам обороны и национальной безопасности, повлияли более широкие тенденции онлайн-медиа <...> Например, одной из заметных отраслевых тенденций является появление „кликбейта“, который представляет собой легкий, тривиальный, поверхностный материал, предназначенный для привлечения трафика» [39, р. 26]. Кликбейт, как метод десекьюритизации медийного дискурса вокруг политики обороны и национальной безопасности, способствует усилению глобальной гегемонии финансового капитала, которая ставит под угрозу духовно-нравственные ценности, образующие культурный капитал.

Механизм защиты культурного суверенитета и традиционных духовно-нравственных ценностей предполагает диалог власти и оппозиции по вопросам национальной безопасности. Логика общественного диалога в основе политики безопасности использует три оперативных подхода: охранительный, реляционный и критический для противодействия деструктивной и экстремистской идеологии.

Развитие критических исследований в области безопасности британским ученым Джозефом Даунингом (Joseph Downing) отражает медийные проявления экстремизма. В частности, пользователи новых медиа, таких как YouTube (РКН: сайт нарушает закон РФ) и Twitter (РКН: сайт нарушает закон РФ), считают французские службы безопасности малоэффективными в противодействии ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) и, как это ни парадоксально, распространение преступности и насилия в Марселе показывается тактическими медиа в све-

те способности «бессильных» граждан (криминального элемента) сопротивляться «насильственным негосударственным акторам» (террористам), что, безусловно, «демонстрирует способности политической сатиры...» [32]. Есть основания полагать, что в условиях постоянной террористической угрозы в результате «изображения ислама и мусульман в западных СМИ как угрозы безопасности» [27] возникают проявления исламофобии (в том числе криминальные и экстремистские).

Итальянский ученый Альберто Тальяпьетра (Alberto Tagliapietra) приходит к выводу, что восприятие аудиторией медиаконтента имеет важное значение для процессов секьюритизации. Применяя определенные формулировки и нарративы, средства массовой информации влияют на общественное восприятие конкретного явления как вызова или экзистенциальной угрозы общественной безопасности, экономическому процветанию, социальной стабильности или культурной однородности. На примере миграционного кризиса в Европе видно, как «секьюритизация, которой подверглась миграция, привела к значительному ухудшению восприятия мигрантов общественностью и, как следствие, к большей политической привлекательности партий, сделавших антииммиграционную направленность ядром своего публичного дискурса» [42].

Реляционная социология позволяет проводить операции по защите культурного суверенитета для расширения политического участия граждан в диалоге власти и оппозиции. Оперативный диалог по актуальным вопросам национальной безопасности формирует стратегическое доверие между гражданами и политическим классом [13], определяет повестку дня и ведется через лидеров мнений [14, с. 196].

В рамках реляционной социологии рассматриваются две доминирующие исследовательские парадигмы медиабезопасности. Во-первых, анализ эффекта CNN представляет массмедиа как независимого участника процесса разработки политики. Во-вторых, СМИ характеризуются как нейтральный канал, передающий сообщения политических элит. Обе эти парадигмы исходят из того, что редакции СМИ свободны в выборе формата работы и формируют повестку дня художественными методами в интересах своей аудитории, обсуждая проблемы национальной безопасности с теми политическими лидерами и представителями элит, чье мнение интересно гражданам.

Американский ученый Адам Ласк (Adam Lusk) полагает, что реляционная социология выводит «исследования медиабезопасности (media and security studies) за пределы эффекта CNN и устраняет фундаментальные теоретические ограничения, связанные с ним» [35]. В частности, европейские исследования демонстрируют, что «инакомыслие» (dissenting), а не «разочарование в гражданстве» (disaffected citizenship), является растущей тенденцией, особенно среди многонациональной молодежи, которая стремится критически работать в рамках национальной политики и оживлять ее, чтобы защитить свой гражданский статус посредством локальных и персонализированных политических акций, так как им не интересны традиционные формы политического действия [36].

Охранительный подход к защите культурного суверенитета и традиционных духовно-нравственных ценностей связан с угрозами диффамации, обмана аудитории средств массовой коммуникации, риторики ненависти и пропагандой насильственного экстремизма.

Вокруг пределов использования государственной властью запретительного метода регулирования ведется политический и научный диалог. Индийские ученые Наганна Четти (Naganna Chetty) и Шриджит Алатур (Sreejith Alathur), отмечая «практику раздельного обсуждения риторики ненависти и терроризма», полагают, что «риторика ненависти является разновидностью терроризма и следует за инцидентом или триггерным событием терроризма» [31], а значит, она должна быть не только секьюритизована, но и признана уголовным преступлением (криминализована).

По мнению В. Д. Никишина, «в информационном поле высокотехнологичных проектов могут совершаться следующие речевые действия, составляющие объективную сторону правонарушений (преступлений): диффамация (клеветнические речевые действия), фейкинг (фальшивые речевые действия), вербальный экстремизм (экстремистские речевые действия)» [21, с. 74].

Критические исследования безопасности отмечают, что медийный дискурс, связанный с безопасностью (*media/security nexus*), имеет миметический характер. Известный американский ученый Брайан Тейлор (Bryan C. Taylor) полагает, что «современная медиакультура часто связывает безопасность с имитацией. Миметическая теория используется для критики массмедийных представлений о безопасности, поскольку это условие достигается с помощью культурных практик адаптации, маскировки и симуляции» [43, р. 48]. В итоге основной проблемой для защиты культурного суверенитета и противодействия деструктивной идеологии становится достижение консенсуса в общественном диалоге в отношении содержания традиционных ценностей и способов применения государственной власти для их защиты.

Так, например, очевидно, что религиозные секты представляют угрозу безопасности государства. Справедливо и то, что «религиозные экстремистские объединения обладают иерархичной моделью организации, функционирование которой обеспечивается религиозным фактором, воплощающим в себе символический капитал, и легитимизирующим власть» [10, с. 39], что приводит к «объяснению экстремизма как формы организованной деятельности рационально мыслящих людей...» [9, с. 111]. Даже в научном дискурсе здесь прослеживается симуляция в оценке «рациональности», так как совершенно непонятно откуда берутся последователи в явно криминальных и мракобесных сектах. Если «на практике наблюдается иррациональный экстремизм — новое социально-политическое явление деятельного и преступного протеста против самой идеи гуманизма» [12, с. 612], то решить задачу по защите культурного суверенитета только воспитательными, запретительными и уголовно-правовыми методами не выйдет. Медиабезопасность государства обеспечивается регулированием общественного диалога в средствах массовой коммуникации для придания ему рациональных, объективных и просветительских смыслов, сосредоточенных вокруг идеи воспроизводства культурного капитала посредством конкурентного и открытого общения.

В заключение хочется остановиться на следующем. Представляется, что медиабезопасность занимает в доктрине асфатроники значимое положение ввиду того, что сформировавшееся в процессе цифровой трансформации глобальное медиапространство влияет на все сферы жизни общества. Глобальная безопасность, «охватывающая все сферы человеческой деятельности» [11], требует создания «структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы» [6, с. 38], без которых неизбежны технологическое отставание, коллективные социальные травмы и активизация международного насильственного экстремизма.

В условиях демократии и цифровой трансформации медиабезопасность государства предполагает диалог власти и оппозиции в рамках законодательных норм о противодействии экстремизму. Культурный капитал участников этого диалога — основа традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Актуализация проблем, связанных с деструктивной и экстремистской идеологией, не только в России, но и на Западе, демонстрирует то, как недоверие, некомпетентность и неспособность вести диалог приводят к экстремизму и этнополитическим конфликтам. Медиабезопасность государства невозможна без усилий национального креативного класса и творческих элит, которые экзистенциально заинтересованы в искоренении практик по симуляции безопасности и диалога вокруг национальных интересов России.

Литература

1. Агутин А. В., Гошуляк В. В., Синцов Г. В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и идеология российского уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 817–823. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823.
2. Алексеев Г. В., Аргылов Н. А., Байчик А. В., Бастрыкин А. И. и др. Глобальный индекс экстремизма. СПб., 2023.
3. Аль-Имад Ф. М., Малаховский А. К. Тенденции управления креативностью в СМИ // Человек. Социум. Общество. 2020. № 4. С. 36–39.
4. Бузгалин А. В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 155–166. DOI: 10.7868/S0042874418060134.
5. Варламова Н. В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 83–124.
6. Васильев Ю. С., Кефели И. Ф., Колбанев М. О. Роль критических технологий в обеспечении глобальной безопасности // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 2 (107). С. 34–41.
7. Галяшина Е. И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 33–43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.033-043.
8. Генрих Н. В. Предмет уголовного права в контексте теоретических проблем правопонимания // Журнал российского права. 2010. № 9 (165). С. 58а–69.
9. Излученко Т. В. Методология исследования экстремизма в современном научном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 105–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-105-113.
10. Излученко Т. В. Структурно-функциональные особенности религиозной экстремистской деятельности: между иерархичностью и сетевизацией // Logos et Praxis. 2022. Т. 21. № 2. С. 33–42. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4.
11. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020.
12. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 612–628. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628.
13. Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Муйзиник Н. В. Доверие к оппозиции в условиях электронной демократии: правовые и политические аспекты // Власть. 2022. Т. 30. № 3. С. 85–96. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9050.
14. Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Свобода слова и медиабезопасность. Санкт-Петербург, 2019.
15. Колесникова О. И., Лаут Н. А. Медиабезопасность детского чтения: проектная деятельность в интернет-среде библиотеки // Библиотекосведение. 2022. Т. 71. № 4. С. 363–373. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-4-363-373.
16. Марочкина С. С., Круглова М. С., Круглова Л. Э. Медиабезопасность аудитории СМИ в современном информационном пространстве // Вопросы безопасности. 2023. № 1. С. 42–50. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.1.39836.
17. Мезяная К. Н., Корневский К. М., Яшин К. Д., Лик С. К. и др. Анализ компьютерной зависимости и характера сновидений у студентов // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2016. № 1 (23). С. 57–64.
18. Мозжилин С. И., Устьянцев В. Б. Идеалы культуры и цивилизационный код России // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 198–202. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-198-202.
19. Нерсесянц В. С. «Образ врага» — автопортрет общества // Платон. 2014. № 4. С. 51–52.
20. Нерсесянц В. С. Кант и Сократ: концепция морали // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 198–216.
21. Никишин В. Д. Репутационная безопасность и медиабезопасность компаний и проектов в контексте целей устойчивого развития и ESG-принципов // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 9 (142). С. 73–82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.073-082.
22. Никонов С. Б. Генезис трансформации медиакратии в ноополитику // Власть. 2014. № 7. С. 39–42.
23. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета

- Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4.
24. Поляков А. В. Либертарное правопонимание и коммуникативный подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 6–16.
 25. Слобожанова В. С. Общественно-политические ориентиры религиозного сообщества современной России в контексте обеспечения национальной безопасности // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 29–40. DOI: 10.26516/2073-3380.2022.40.29.
 26. Чешев В. В. Технический прогресс в культурно-историческом контексте // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 64–78.
 27. Ahmed Khan R. A., Umbreen F., Ahmad N. ul B. Media Representation of Islam and Muslims as a Security Threat. // Annals of Human and Social Sciences. 2022. Vol. 3. N 2. P. 255–263. DOI: 10.35484/ahss.2022(3-II)24.
 28. Al-Emad F. M. Media security in achieving national security // StudNet. 2020. Vol. 3. N 12. P. 1620–1635. DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10316.
 29. Bubandt N. Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds // Security Dialogue 2005. Vol. 36, Iss. 3. P. 275–296.
 30. Buzan B., Wæver O. Slippery? contradictory? sociologically untenable? The Copenhagen school replies. // Review of International Studies 1997. Vol. 23. Is. 2. P. 241–250. DOI: 10.1017/S0260210597002416.
 31. Chetty N., Alathur S. Hate speech review in the context of online social networks // Aggression and Violent Behavior. 2018. Vol. 40. P. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003.
 32. Downing J. Memeing and Speaking Vernacular Security on Social Media: YouTube and Twitter Resistance to an ISIS Islamist Terror Threat to Marseille, France // Journal of Global Security Studies 2021. Vol. 6. Is. 2. DOI: 10.1093/jogss/ogz081.
 33. Downing J. Social Media and Vernacular Security in the Digital Age // Critical Security Studies in the Digital Age. New Security Challenges. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-20734-1_5.
 34. Jarvis L. Toward a Vernacular Security Studies: Origins, Interlocutors, Contributions, and Challenges // International Studies Review. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 107–126, DOI: 10.1093/isr/viy017.
 35. Lusk A. Moving Beyond the CNN Effect or Stuck in the Middle? How Relational Sociology Remaps Media and Security Studies // International Studies Review. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 1–11. DOI: 10.1093/isr/viy003
 36. O'Loughlin B., Gillespie M. Dissenting Citizenship? Young People and Political Participation in the Media-security Nexus // Parliamentary Affairs 2012. Vol. 65, Iss. 1. P. 115–137. DOI: 10.1093/pa/gsr055.
 37. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies (1945). Princeton, 2013.
 38. Richards J. Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach. Palgrave Macmillan Cham, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-55203-3.
 39. Roggeveen S. New Media and Australia's National Security Debate // Security Challenges. 2015. Vol. 11. N 1. P. 21–28.
 40. Shapley D. The Media and National Security // Daedalus. 1982. Vol. 111. N 4. Print Culture and Video Culture. P. 199–209.
 41. Szelenyi I. Weber's theory of domination and post-communist capitalisms // Theory and Society. 2016. Vol. 45. P. 1–24. DOI: 10.1007/s11186-015-9263-6.
 42. Tagliapietra A. Media and Securitisation: The Influence on Perception // IAI Papers. 2021. N 21/34. 16 p.
 43. Taylor B. C. Imitation (In)Security: Cultivating Mimetic Theory to Critique the Media/Security Nexus // Communication Theory. 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 48–69. DOI: 10.1111/comt.12104.
 44. Thompson R. Radicalization and the Use of Social Media // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4. N 4. P. 167–190. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.8.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vaas@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Шамахов Владимир Александрович, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3460-5038>

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

References

1. Agutin A. V., Goshulyak V. V., Sintsov G. V. Strategy of national security of the Russian Federation and ideology of the Russian criminal proceedings // All-Russian criminological magazine. 2017. Vol. 11. N 4. P. 817–823. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823 (in Rus.).
2. Alekseev G. V., Argylov N. A., Baychik A. V., Bastrykin A. I., etc. Global index of extremism. St. Petersburg, 2023 (in Rus.).
3. Al-Imad F. M., Malakhov A. K. Trends of management of creativity in media // Person. Society. Community. 2020. N 4. P. 36–39 (in Rus.).
4. Buzgalin A. V. People in the world of alienation: to criticism of liberalism and conservatism. Reaktualization of Marxist heritage // Philosophy Questions. 2018. N 6. P. 155–166. DOI: 10.7868/S0042874418060134 (in Rus.).
5. Varlamova N. V. Basic unity of the right and human rights // Works of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. N 4. P. 83–124 (in Rus.).
6. Vasilyev Yu. S., Kefeli I. F., Kolbanyov M. O. A role of critical technologies in ensuring global safety // News of the Russian academy of rocket and artillery sciences. 2019. N 2 (107). P. 34–41 (in Rus.).
7. Galyashina E. I. The concept of information (world outlook) security in Internet media in aspect of rechevedchesky examinations // Bulletin of the University of O. E. Kutafin (MGYuA). 2020. N 6 (70). P. 33–43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.033-043 (in Rus.).
8. Heinrich N. V. A subject of criminal law in the context of theoretical problems of right understanding // Magazine of Russian law. 2010. N 9 (165). P. 58a–69 (in Rus.).
9. Izluchenko T. V. Extremism research methodology in a modern scientific discourse // Humanitarian vector [Gumanitarnyi vektor]. 2020. Vol. 15. N 4. P. 105–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-105-113 (in Rus.).
10. Izluchenko T. V. Structurally functional features of religious extremist activity: between hierarchy and a setevization // Logos et Praxis. 2022. Vol. 21. N 2. P. 33–42. DOI: 10.15688/lp.jvol-su.2022.2.4 (in Rus.).
11. Kefeli I. F. Asfatronika: on the way to the theory of global safety. SPb., 2020 (in Rus.).
12. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Extremists: criminals and victims of radical violence // All-Russian criminological magazine. 2019. Vol. 13. N 4. P. 612–628. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628 (in Rus.).
13. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Muzyznik N. V. Trust to opposition in the conditions of electronic democracy: legal and political aspects // Power. 2022. Vol. 30. N 3. P. 85–96. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9050 (in Rus.).
14. Kirilenko V. P., Shamakhov V. A., Alekseev G. V. Freedom of speech and media safety. SPb., 2019 (in Rus.).
15. Kolesnikova O. I., Laut N. A. Mediabezopasnost of children's reading: design activity in an Internet environment of library // Russian Journal of Library Science. 2022. Vol. 71. N 4. P. 363–373. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-4-363-373 (in Rus.).
16. Marochkina S. S., Kruglova M. S., Kruglova L. E. Media safety of audience of media in modern information space // Safety issues. 2023. N 1. P. 42–50. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.1.39836 (in Rus.).
17. Mezyanaya K. N., Korenevsky K. M., Yashin K. D., Lik S. K. et al. The analysis of computer dependence and nature of dreams at students // Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology. 2016. N 1 (23). P. 57–64 (in Rus.).
18. Mozhilina S. I., Ustyantsev V. B. Ideals of culture and civilization code of Russia // Philosophy Questions. 2021. N 2. P. 198–202. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-198-202 (in Rus.).
19. Nersesyants V. S. "An image of the enemy" — a self-portrait of society // Platon. 2014. N 4. P. 51–52 (in Rus.).

20. Nersesyants V.S. Kant and Socrates: concept of morals // *Historical psychology and sociology of history*. 2015. Vol. 8. N 1. P. 198–216 (in Rus.).
21. Nikishin V.D. Reputation safety and media safety of the companies and projects in the context of sustainable development goals and the ESG principles // *Current problems of Russian law*. 2022. Vol. 17. N 9 (142). P. 73–82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.073-082 (in Rus.).
22. Nikonov S.B. Genesis of transformation of videocracy in a noopolitka // *Power*. 2014. N 7. P. 39–42 (in Rus.).
23. Ovchinnikov A.I. National security and traditional spiritual and moral values: questions of legislative providing // *Messenger law department of Southern Federal University*. 2022. Vol. 9. N 1. P. 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4 (in Rus.).
24. Polyakov A.V. Libertarian right understanding and communicative approach // *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 2014. N 3 (314). P. 6–16 (in Rus.).
25. Slobozhnikova V.S. Social and political reference points of religious community of modern Russia in the context of ensuring national security // *News of the Irkutsk state university. Ser.: Political science. Religious studies*. 2022. Vol. 40. P. 29–40. DOI: 10.26516/2073-3380.2022.40.29 (in Rus.).
26. Cheshev V.V. Technical progress in a cultural and historical context // *Philosophy Questions*. 2017. N 12. P. 64–78 (in Rus.).
27. Ahmed Khan R.A., Umbreen F., Ahmad N. ul B. Media Representation of Islam and Muslims as a Security Threat. // *Annals of Human and Social Sciences*. 2022. Vol. 3. N 2. P. 255–263. DOI: 10.35484/ahss.2022(3-II)24.
28. Al-Emad F.M. Media security in achieving national security // *StudNet*. 2020. Vol. 3. N 12. P. 1620–1635. DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10316.
29. Bubandt N. Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds // *Security Dialogue* 2005. Vol. 36, Iss. 3. P. 275–296.
30. Buzan B., Wæver O. Slippery? contradictory? sociologically untenable? The Copenhagen school replies. // *Review of International Studies* 1997. Vol. 23. Is. 2. P. 241–250. DOI: 10.1017/S0260210597002416.
31. Chetty N., Alathur S. Hate speech review in the context of online social networks // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 40. P. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003.
32. Downing J. Memeing and Speaking Vernacular Security on Social Media: YouTube and Twitter Resistance to an ISIS Islamist Terror Threat to Marseille, France // *Journal of Global Security Studies* 2021. Vol. 6. Is. 2. DOI: 10.1093/jogss/ogz081.
33. Downing J. Social Media and Vernacular Security in the Digital Age // *Critical Security Studies in the Digital Age. New Security Challenges*. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-20734-1_5.
34. Jarvis L. Toward a Vernacular Security Studies: Origins, Interlocutors, Contributions, and Challenges // *International Studies Review*. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 107–126, DOI: 10.1093/isr/viy017.
35. Lusk A. Moving Beyond the CNN Effect or Stuck in the Middle? How Relational Sociology Remaps Media and Security Studies // *International Studies Review*. 2019. Vol. 21. Is. 1. P. 1–11. DOI: 10.1093/isr/viy003
36. O’Loughlin B., Gillespie M. Dissenting Citizenship? Young People and Political Participation in the Media-security Nexus // *Parliamentary Affairs* 2012. Vol. 65, Iss. 1. P. 115–137. DOI: 10.1093/pa/gsr055.
37. Popper K.R. *The Open Society and Its Enemies* (1945). Princeton, 2013.
38. Richards J. *Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach*. Palgrave Macmillan Cham, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-55203-3.
39. Roggeveen S. New Media and Australia’s National Security Debate // *Security Challenges*. 2015. Vol. 11. N 1. P. 21–28.
40. Shapley D. The Media and National Security // *Daedalus*. 1982. Vol. 111. N 4. Print Culture and Video Culture. P. 199–209.
41. Szelenyi I. Weber’s theory of domination and post-communist capitalisms // *Theory and Society*. 2016. Vol. 45. P. 1–24. DOI: 10.1007/s11186-015-9263-6.
42. Tagliapietra A. Media and Securitisation: The Influence on Perception // *IAI Papers*. 2021. N 21/34. 16 p.
43. Taylor B.C. Imitation (In)Security: Cultivating Mimetic Theory to Critique the Media/Security Nexus // *Communication Theory*. 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 48–69. DOI: 10.1111/comt.12104.
44. Thompson R. Radicalization and the Use of Social Media // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. N 4. P. 167–190. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.8.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Vladimir A. Shamakhov, Research Supervisor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru

Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США

(Часть 1)

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Глобализация способствовала развитию экономических отношений Европы и Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Вместе с тем после 2011 г. они оказались под влиянием американского «разворота в Азию» и переключения внимания США с противодействия международному терроризму на соперничество с «ревизионистскими» державами — Россией и Китаем. В 2019 г. с принятием Индо-Тихоокеанской стратегии США их главным региональным соперником стал Китай. Соперничество с ним предусматривало объединение американцами своих азиатских союзников в сети управляемых формальных альянсов, а также подключение к решению стратегических задач Великобритании и Франции. 11 февраля 2022 г. появилась новая Индо-Тихоокеанская стратегия США. В этом документе особо подчеркивалась стратегическая ценность и возрастающая роль в ИТР Великобритании, Франции, ЕС и НАТО и ставилась задача по наведению мостов между Индо-Тихоокеанским и Евроатлантическим регионами. Главная роль в ее решении отводилась AUKUS — трехстороннему военному альянсу США, Великобритании и Австралии, созданному 15 сентября 2021 г. Примерно тогда же Франция, Германия, Нидерланды и Евросоюз утвердили собственные стратегии в ИТР. Общим для них было нежелание видеть в Китае главного противника в контексте американо-китайского соперничества. Вместе с тем документы не свидетельствовали о равноудаленности Европы от глобальных соперников. С одной стороны, являясь частью коллективного Запада, ЕС демонстрировал Америке свою поддержку, с другой, будучи важнейшим экономическим партнером Поднебесной, он отказывался видеть в ней экзистенциальную угрозу своей безопасности. На этом фоне выделялся опубликованный в марте 2021 г. аналогичный британский документ, отличавшийся враждебным отношением к Китаю. Однако существенные различия в стратегиях европейских стран нивелировались их членством в НАТО. На саммите альянса в Мадриде в июне 2022 г. европейцы вместе с другими союзниками провозгласили стратегический курс на «системное соперничество» с КНР в контексте взаимосвязи безопасности Евроатлантики и развития ситуации в ИТР. С подписанием 10 января 2023 г. в Брюсселе совместной декларации НАТО и ЕС произошло дальнейшее сближение двух западных структур на антикитайской основе, а также полное подчинение Европы интересам американской глобальной политики.

Ключевые слова: соперничество великих держав, Индо-Тихоокеанский регион, Южно-Китайское море, территориальные споры, АСЕАН, AUKUS, Quad, Евросоюз, НАТО

Для цитирования: Шумилов М. М. Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США (Часть 1) // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 25–45.

Engagement of European Countries in the Implementation of the US Indo-Pacific Strategy (Part 1)

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

Globalization has contributed to the development of economic relations between Europe and the Indo-Pacific. However, after 2011 they were influenced by the American “pivot to Asia” and the

shift of US attention from countering international terrorism to rivalry with the “revisionist” powers — Russia and China. In 2019, with the adoption of the US Indo-Pacific Strategy, China became their main regional rival. The rivalry with him provided for the Americans to unite their Asian allies in a network of managed formal alliances, as well as to connect Great Britain and France to solving strategic tasks. On February 11, 2022, a new Indo-Pacific strategy of the United States appeared. This document emphasized the strategic value and increasing role of Great Britain, France, the EU and NATO in Indo-Pacific and set the task of building bridges between the Indo-Pacific and Euro-Atlantic regions. The main role in its solution was assigned to AUKUS, a trilateral military alliance of the United States, Great Britain and Australia, created on September 15, 2021. At about the same time, France, Germany, the Netherlands and the European Union approved their own strategies in Indo-Pacific. They had in common an unwillingness to see China as the main opponent in the context of the US-Chinese rivalry. At the same time, the documents did not indicate that Europe was equidistant from global rivals. On the one hand, being part of the collective West, the EU demonstrated its support to America, on the other, being the most important economic partner of the Celestial Empire, it refused to see it as an existential threat to its security. Against this background, a similar British document published in March 2021 stood out, characterized by a hostile attitude towards China. However, significant differences in the strategies of European countries were offset by their membership in NATO. At the Alliance summit in Madrid in June 2022 the Europeans, together with other allies, proclaimed a strategic course for “systemic rivalry” with the PRC in the context of the interconnection of the security of the Euro-Atlantic and the development of the situation in the Indo-Pacific. With the signing of the NATO-EU joint declaration in Brussels on January 10, 2023, there was a further rapprochement of the two Western structures on an anti-Chinese basis, as well as the complete subordination of Europe to the interests of American global policy.

Keywords: Great-Power Competition, Indo-Pacific, The South China Sea, Territorial disputes, ASEAN, AUKUS, Quad, European Union, North Atlantic Treaty Organization, NATO

For citing: Shumilov M. M. Engagement of European countries in the implementation of the US Indo-Pacific Strategy (Part 1) // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 25–45.

Введение

Ученые, эксперты, аналитики всех стран сегодня с озабоченностью отмечают тектонические сдвиги в мировой политике, обусловленные кризисом глобализации, которая после экономических потрясений 2007–2009 гг. продолжается по нисходящей траектории. В результате разрушения неолиберальной модели капитализма, которая ранее обеспечивала беспорное американское лидерство и однополярный мир, происходит переход к многополярной конструкции международного порядка. «Пик американской гегемонии, — утверждает старший научный сотрудник Стэнфордского университета Фрэнсис Фукуяма, — продлился менее 20 лет — от падения Берлинской стены в 1989 г. до финансового кризиса 2007–2009 гг. В то время страна господствовала во многих сферах власти — военной, экономической, политической и культурной. Кульминацией американского высокомерия стало вторжение в Ирак в 2003 г., когда они рассчитывали переделат не только Афганистан (куда вторглись двумя годами ранее) и Ирак, но и весь Ближний Восток... Степень однополярности в тот период была невиданной в истории, а теперь мир возвращается к своему привычному состоянию многополярности: Китай, Россия, Индия, Европа и другие центры набирают силу по сравнению с Америкой»¹. Это мнение разделяют адъюнкт-профессор по-

¹ Будущее американской мощи: Фрэнсис Фукуяма о конце гегемонии США // The Economist, Великобритания. 2021. 19 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210819/250340786.html> (дата обращения: 01.07.2023).

литологии в Университете Брауна Джефф Д. Колган¹, обозреватель хорватского издания Advance Д. Марьянович² и многие другие авторы.

По мере деглобализации происходит снижение доли США и Европы в глобальном ВВП. На пленарной сессии Восточного экономического форума 7 сентября 2022 г. Президент России В. В. Путин отмечал, что в период последнего 10-летия ВВП стран Азии ежегодно увеличивался на 5%, тогда как мировой — на 3%, в США — 2%, в ЕС — на 1,2%³. Вскоре затем он вновь указал на необратимость наметившихся в мировой политике и экономике фундаментальных изменений, связанных, прежде всего, с возрастающей ролью новых центров силы⁴. Свидетельствуя в пользу данной тенденции, экс-государственный секретарь МИД Даниел Йорген Эрстрем Меллер обращает внимание на то, что в 1985 г. на США приходилось 34% мирового ВВП, а на ЕС — еще 21,4%. По состоянию же на 2022 г. доля США сократилась до 21,9%, а ЕС — до 16,9%⁵. Американский экономист Джефффри Сакс, ссылаясь на расчетные данные МВФ в международных ценах (скорректированных закупочных ценах), отмечает, что в 2022 г. доля США в мировом производстве составляла всего 15,5%, а КНР — 18%; доля G7 в совокупном мировом ВВП — 31%, а БРИКС — 32%⁶. По сведениям американского политика Ро Ханны, на Китай сегодня приходится 57% мирового рынка стали и столько же мирового производства алюминия, «76% мировых поставок литиевых батарей и 60% мировых поставок редкоземельных металлов, необходимых для производства электромобилей, ветряных турбин и гелиоустановок. На долю США приходится 8 и 15,5% соответственно... Через Китай проходит 25% стоимостной цепи Apple iPhone. Более 80% импортируемых Соединенными Штатами сотовых телефонов имеют компоненты, собранные в Китае»⁷.

В поисках выхода из сложившейся ситуации политический класс США демонстрирует отказ от неолиберальных принципов, которые еще недавно имели абсолютный приоритет в теории и практике хозяйственной деятельности. Сегодня уже сам советник президента Джо Байдена по национальной безопасности Джейк Салливан объявляет о смерти Вашингтонского консенсуса. В своем выступлении в Брукингском институте 27 апреля 2023 г. он провозгласил «новый Вашингтонский консенсус» (включает в себя жесткое отношение к Китаю, проведение национальной промышленной политики, а также инвестиции в своей стране для

¹ Колган Д. Энергетический кризис в Европе уничтожает многополярный мир // Foreign Policy, США. 2022. 28 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220928/krizis-256391911.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Марьянович М. Биполярный мир рождается на наших глазах. Россия и ЕС отпали в качестве мировых держав. Остаются США и Китай // Advance, Хорватия. 2022. 30 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220930/bipolyarnyy-mir-256436157.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Выступление Президента РФ В. В. Путина на пленарной сессии Восточного экономического форума 7 сентября 2022 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69299> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Путин указал на заседании ШОС на возрастающую роль новых центров силы // EurAsia Daily. 2022. 16 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/09/16/putin-ukazal-na-zasedanii-shos-na-vozzrastayushchuyu-rol-novyh-centrov-sily> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Меллер Й. Э. Миру грозит вселенская война за убеждения // The National Interest, США. 2023. 3 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230403/tsennosti-261793243.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ Джефффри Сакс о реальных причинах конфликта на Украине и провале санкций // День. 2023. 15 мая [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/video/2023/05/15/amerikanskiy_ekonomist_o_realnyh_prichinah (дата обращения: 01.07.2023).

⁷ Ханна Р. США должны провести реиндустриализацию экономики // Foreign Affairs, США. 2023. 15 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230115/promyshlennost-259585645.html> (дата обращения: 01.07.2023).

создания надежных рабочих мест для среднего класса) и призвал Европу присоединиться к нему¹.

Однако европейцы и другие союзники Америки не спешат с одобрением новой американской инициативы, поскольку не видят в ней выражения своих интересов. Их озабоченности обобщил известный английский журналист Эдвард Люс. В статье «Новый Вашингтонский консенсус: вчерашняя экономическая ортодоксия США сегодня стала ересью»², опубликованной в газете *Financial Times* 19 апреля 2023 г., он показал, что политические формулировки Джо Байдена относительно грядущих экономических перемен гораздо мягче в сравнении с Дональдом Трампом, однако действует он более напористо и жестко: «Политика Байдена — это трампизм с человеческим лицом»³. Представители европейского бизнеса обеспокоены многомиллиардным субсидированием американской промышленности, инвестициями в «зеленые» технологии на территории США, предусмотренными Законом 2022 г. о снижении инфляции, а также обострением торговой войны с Китаем, подрывающей международную торговлю³.

Спровоцировав Россию на проведение Специальной военной операции (СВО) на Украине, американцы ужесточили зависимость европейской экономики от своей глобальной стратегии. Во всяком случае им удалось не только выдвинуть Россию с лидирующих позиций на энергетических рынках Евросоюза, но и добиться разрыва многих исторических связей России и Европы, настроить своих трансатлантических союзников на волну русофобии, а также охладить их отношения с Китаем.

В экономическом и культурном плане Россия веками развивалась, выстраивая международные отношения как на Западе, так и на Востоке. При этом европейское направление внешней торговли почти всегда было определяющим. В условиях СВО оказались разрушенными мосты, механизмы и взаимосвязи, которые формировались веками. Сегодня Россия в процессе вынужденной самоидентификации все чаще определяет себя евразийской евротихоокеанской державой. Особенность переживаемого момента заключается в том, что «мы, — как утверждает глава МИД РФ С. В. Лавров, — не будем больше полагаться на Запад как на партнера, маломальски обладающего договороспособностью. Будем работать со всем остальным миром, готовым к этому»⁴.

«Потеряв» Россию, Евросоюз, безусловно, опасается разрыва отношений с Китаем, своим главным торговым партнером, хотя китайско-российский альянс разрушает западные представления о полной международной изоляции Москвы. Несмотря на то что в формате «Большой семерки» страны континентальной Европы — Франция, Германия и Италия — не противопоставляют себя другим представителям коллективного Запада и нацелены вместе с ними на двойное сдерживание РФ и КНР⁵, все же они проявляют неготовность фанатично следовать в фарватере

¹ Мурадоглу А. Новый период, новый консенсус. // *Yeni Safak*, Турция. 2023. 31 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230531/ssha-263288952.html> (дата обращения: 01.07.2023); Мурадоглу А. В новом консенсусе есть трещина! // *Yeni Safak*, Турция. 2023. 8 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230608/konsensus-263498470.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Luce E. The new Washington consensus. Yesterday's US economic orthodoxy is today's heresy // *Financial Times*. April 19, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/42922712-cd33-4de0-8763-1cc271331a32> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Рахман Г. Как Америка перекраивает мировую экономику // *Financial Times*, Великобритания. 2023. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230606/amerika-263461879.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова телеканалу «Царьград» [Электронный ресурс], Москва, 17 мая 2023 г. // МИД РФ. URL: https://mid.ru/foreign_policy/news/1870675/ (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Санс Х. А. Давление со стороны Запада сближает Россию и Китай и препятствует полной изоляции Москвы из-за военного конфликта на Украине // *Público.es*, Испания. 2023. 26 мая

Индо-Тихоокеанской стратегии США и подыгрывать Великобритании, создавая проблемы Китаю вдали от своих границ. Поскольку это все равно происходит, важно понимать степень вовлеченности европейских стран как непосредственно, так и через ЕС, НАТО в различные региональные проамериканские партнерства и форматы в соперничество с Поднебесной в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), все чаще именуемом Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР).

К настоящему времени российские авторы самым обстоятельным образом изучили предпосылки и сущностные моменты Индо-Тихоокеанской стратегии США, проблемные вопросы ее реализации, причины, содержание и динамику соперничества США и КНР, различные форматы и партнерства США в АТР/ИТР [1–4; 7; 9–11; 13; 16–21; 23–28; 30, 31]. Вместе с тем участие европейских стран, а также ЕС и НАТО в реализации американской стратегии еще не становилось предметом комплексного исследования. Большинство выявленных русскоязычных публикаций выполнены в публицистической манере или касаются участия отдельных стран и международных субъектов в событиях, далеких от европейской повестки [6; 8; 12; 15; 22; 29; 32].

Немногочисленные исследования западных авторов, во-первых, зачастую не учитывают изменения в мировой политике последних лет, во-вторых, преувеличивают «стратегическую автономию» Европы в геополитике АТР/ИТР, в-третьих, замалчивают тему «американизации» и «вассализации» Европы, подчинения ее стратегии США в отношении Китая¹. Так, профессор Норвежского института оборонных исследований в Осло и старший научный сотрудник-нерезидент Гудзоновского института Лизелотт Одгаард утверждала о наличии у Евросоюза и его членов в конце 2010-х годов независимой от США позиции, позволявшей им не только продвигать собственные интересы в ИТР, но и противодействовать китайским посягательствам на либеральный мировой порядок путем применения экономических, политических и военных инструментов [36].

Более взвешенным представляется подход стипендиата азиатской программы Германского фонда Маршалла в Соединенных Штатах Гаримы Мохан. Характеризуя Индо-Тихоокеанскую стратегию ЕС, она отмечала, во-первых, адекватность документа в плане конкретизации категории «ИТР», определения его роли в формировании международного порядка, фиксации точек региональной напряженности, откуда могли исходить вызовы для европейской безопасности; во-вторых, его сосредоточенность на стремлении ЕС к укреплению самостоятельных партнерских отношений не только с США, но и со многими азиатскими «единомышленниками» — Японией, АСЕАН, Тайванем, Австралией, Канадой и Южной Кореей; в-третьих, косвенное признание усиления китайской военной мощи, попыток Пекина изменить региональный статус-кво и обусловленный этим рост напряженности вокруг спорных территорий и морских зон; в-четвертых, намерение ЕС защищать свои основные интересы и ценности перед лицом проявления фундаментальных разногласий с китайской стороной в гуманитарной сфере, прежде всего, в защите прав человека; в-пятых, широкое понимание европейцами проблематики региональной безопасности, их сосредоточенность на ее экономических аспектах, развитии отношений с многочисленными азиатскими партнерами в продвижении инфраструктурных инвестиционных проектов, ужесточении правил против экономического принуждения и принудительной передачи технологий, создании устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок, обеспечении транс-

[Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230526/mishustin-263192511.html> (дата обращения: 01.07.2023).

¹ Ло А. Новая Поднебесная Соединенных Штатов // South China Morning Post, Гонконг. 2023. 28 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230628/ssha-263959539.html> (дата обращения: 01.07.2023).

фера технологий и др. При этом в отличие от Л. Одгаард, которая утверждала о готовности ЕС к силовому противодействию китайской экспансии, Г. Мохан акцентировала внимание на его стремлении к «многогранному» взаимодействию с Китаем и поощрению его играть мирную роль в регионе [34; 35].

На наш взгляд, дальше других в понимании интересов, возможностей и перспектив европейской политики в АТР/ИТР продвинулся научный сотрудник Школы международных исследований им. С. Раджаратнама (RSIS) Наньянского технологического университета (NTU) в Сингапуре Фредерик Клим. Следует признать актуальность его вывода о сознательном игнорировании разработчиками европейской стратегии в ИТР геополитических сдвигов, проявившихся в новых линиях разлома между двумя глобальными сверхдержавами — США и Китаем. Именно по этой причине он утверждал, что стратегия ЕС в ИТР, содержащая «весьма ценные политические предложения и инициативы», оставила без внимания первопричину индо-тихоокеанского дискурса, состоящего в возвышении Китая и его вызове американскому порядку в ИТР. В результате стратегия ЕС оказалась за рамками аналогичного документа США и приоритетов, продвигаемых ими в сотрудничестве с азиатскими партнерами. Принимая во внимание обострение конфликта между США и КНР, автор рекомендовал исполнительным органам ЕС подготовиться на случай непредвиденного развития событий в Тайваньском проливе, чтобы заранее иметь базовый сценарий с определением возможностей, обязательств, ограничений и «красных линий» в масштабе всего объединения. Одновременно он высказывался за большую самостоятельность ЕС в плане собственной военной защиты в свете событий на Украине, полагая, что такой поворот был бы и в интересах США, позволив им высвободить огромные ресурсы и «сосредоточиться на своих собственных стратегических приоритетах в Восточной Азии» [33].

Все изложенные позиции обоснованы в научном плане, следовательно, с ними приходится считаться. Вместе с тем ситуация в мире постоянно меняется. Несмотря на попытки европейцев дистанцироваться от обостряющегося конфликта США и КНР в АТР/ИТР, им поневоле приходится соучаствовать в американской политике. Многочисленные факты свидетельствуют о расхождении декларируемых интересов, намерений, способов их достижения с фактическими достижениями участников реальной политики, в том числе и по причине неочевидности ее механизмов. В этой связи нами была предпринята попытка выявить и детализировать побудительные причины, проявления и ограничители европейского участия в антикитайской деятельности, провоцируемой Соединенными Штатами во имя сохранения своих лидирующих позиций в АТР/ИТР.

Провозглашение Соединенными Штатами доктрины «разворота к Азии»

После экономического кризиса 2008–2009 гг. со всей очевидностью проявился и стал нарастать комплексный вызов мировому лидерству США со стороны Китая сначала в АТР, а затем и в глобальном масштабе. Именно с этого времени Пекин стал наращивать военные расходы, запускать амбициозные военно-морские программы, оперировать понятием «красных линий» (хунсянь вайцзяо) [5, с. 13].

В ответ Соединенные Штаты провозгласили в 2011 г. стратегию «разворота к Азии» (pivot to Asia), по сути, направленную на сдерживание Поднебесной¹. В начале года заместитель госсекретаря по Восточной Азии и Тихого Океана Курт

¹ Сам термин «разворот», появившийся еще в 2009 г., в 2011 г. получил официальное признание, а в 2011–2012 гг. был заменен термином «перенастройка» в американских официальных документах [30, с. 50].

Кэмпбелл заявил, что внешняя политика США нуждается в переносе фокуса с Ближнего Востока на Азию¹, а в октябре 2011 г. министр обороны США Леон Панетта сообщил о переориентации на АТР после вывода американских войск из Афганистана и стабилизации ситуации в Ираке, заверив, что новый план Пентагона будет направлен на усиление военной мощи США в регионе.

Одновременно о стратегической переориентации США на АТР и намерении здесь усилить свое влияние известила статья госсекретаря США Хиллари Клинтон «Тихоокеанский век Америки», опубликованная в октябрьском номере журнала «Foreign Policy»². Во-первых, Х. Клинтон по-новому оценила географию АТР, простирающегося, по ее словам, «от Индийского субконтинента до западных берегов Северной и Южной Америки» и охватывающего два океана — Тихий и Индийский, Во-вторых, определив АТР «ключевым фактором глобальной политики», она фактически поставила администрацию президента США Барака Обамы перед необходимостью отразить растущую связь между двумя океанами «в оперативной концепции» и приступить к решению целого ряда задач, прежде всего, связанных с укреплением двусторонних альянсов в области безопасности. Отношения с Китаем госсекретарь США определила как партнерские, но сложные. По ее словам, США не видели в КНР угрозу и не стремились ограничить ее рост. Вместе с тем она проявила серьезную озабоченность по поводу прав человека и потребовала положить конец несправедливой дискриминации в отношении американских и других иностранных компаний отменить преференции для китайских фирм, лишить их возможности присваивать чужую интеллектуальную собственность.

В ноябре 2011 г. на форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Гонолулу Х. Клинтон подтвердила намерение США сохранить лидирующую роль в АТР³. Тогда же газета The Washington Times сообщила о разработке в США новой военной концепции, направленной против Китая. Согласно ее источникам, проект предусматривал создание нового дальнего бомбардировщика, проведение совместных операций боевых самолетов и подводных лодок, применение ударных БПЛА с дальностью полета до 1000 миль, привлечение ВВС к закладке морских мин и защите военно-морских баз, отработку совместных ударов ВМС, ВВС и наземных сил по внутренним районам КНР, перехват противоспутниковых ракет противника, а также проведение кибератак⁴. В этой связи старший научный сотрудник Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН Л. Е. Васильев отмечал, что политика США в АТР «стала приобретать новую окраску» [3, с. 90]⁵.

Реагируя на «разворот» США в Азию, китайская сторона в 2013 г. приступила к созданию своих военных форпостов в Южно-Китайском море (ЮКМ). Создание искусственных островов позволило КНР претендовать на 12-мильные зоны территориальных вод и экономические зоны в пределах 200 морских миль вокруг каж-

¹ Долгожданный Тихоокеанский век Америки // Око Планеты. 2011. 12 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/93353-dolgozhdannyy-tihookeanskiy-vek-ameriki-the-national-interest-ssha.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. October 11, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Eckert P. Clinton declares "America's Pacific century" // Reuters. November 11, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-apec-usa-clinton-f-idUSTRE7AA2S120111111> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ В стиле холодной войны // Взгляд: деловая газета. 2011. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2011/11/11/537778.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Ключевые компоненты американского «разворота» были проанализированы политологами С. В. Старкиным и И. В. Рыжовым из ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского [30].

дого из них¹. В конечном счете, отмечал ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН Г. М. Локшин, Китай добивался превращения ЮКМ в «„стратегический пролив“ под своим полным контролем» [16, с. 60]. Тем не менее, несмотря на обострившуюся в связи с этим ситуацию в регионе, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН Д. В. Ефременко обоснованно утверждал, что администрация Б. Обамы, придерживаясь доктрины «разворота к Азии», пыталась сочетать сдерживание Китая с превращением его «в стратегического партнера, не угрожающего американским структурам региональной безопасности» [9].

В числе первых исследователей проблемы подключения Европы к политике американского «разворота» научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований ИСКРАН О. В. Приходько обратил внимание на то, что сдвиг американских приоритетов в АТР поставил перед европейскими союзниками США целый ряд вопросов, связанных с перспективами европейской безопасности, политики Евросоюза в АТР и трансатлантических отношений. Он справедливо отмечал, что «отправной точкой» в отношениях Европы со странами АТР было то, что она «не видела себя стороной в геополитической борьбе, которую США и другие игроки (та же Япония) вели с Китаем. Она не считала себя обязанной рассматривать события в регионе через призму такого соперничества. Евросоюз в отличие от Соединенных Штатов никогда не претендовал на роль провайдера безопасности и стабильности в АТР, не стремился к военно-политическому присутствию в регионе» [29, с. 28–29]. Аналогичного мнения придерживается сегодня старший научный сотрудник по вопросам Китая в Норвежском институте оборонных исследований Ю Инге Беккеволл, по словам которого объявленный в 2011 г. Соединенными Штатами «разворот к Азии», нацеленный на ограничение роста комплексной мощи КНР, почти не затронул Европу и НАТО: им «потребовалось еще одно десятилетие, чтобы причислить подъем Китая к вызовам безопасности»².

Индо-Тихоокеанская стратегия США в контексте обострения американо-китайского соперничества в 2017–2020 гг.

Тем временем в 2017 г. политический класс США, как утверждал руководитель Центра новой американской безопасности Ричард Фонтейн, «пришел к редкому для него двухпартийному консенсусу» о неизбежности продолжительного соперничества с Китаем и Россией, якобы стремившимися создать мир, несовместимый с американскими ценностями и интересами. В опубликованной в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США, в частности, говорилось об угрозе вытеснения Китаем Соединенных Штатов из Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)³. Одновременно в политическом и экспертном дискурсе США, Японии, большинства стран АТР, а также Индии стали циркулировать идеи ИТР.

Хотя в российских и китайских исследованиях наиболее устойчивым является термин «АТР», американский «ИТР» становится все более распространенным. Следует согласиться с и. о. научного руководителя Института Китая и современной Азии

¹ *Беляев Д.* Арена возможного конфликта Китая и США. Что нужно знать о ситуации в Южно-Китайском море // ТАСС. 2021. 30 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12236067> (дата обращения: 01.07.2023).

² *Беккеволл Ю. И.* НАТО предстоит непростая задача по распределению сил для борьбы с РФ и КНР // Foreign Policy, США. 2022. 13 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220713/nato-254990784.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ *Фонтейн Р.* Соперничество великих держав — это высший приоритет для Вашингтона, но не для общества // Foreign Affairs, США. 2019 [Электронный ресурс]. 11 сентября. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190911/245806474.html> (дата обращения: 01.07.2023).

РАН А. В. Лукиным в том, что концепция ИТР сегодня является важным элементом укрепления международного влияния Индии — стратегического партнера РФ. «Нью-Дели, — отмечает он, — интерпретирует эту концепцию не так, как Соединенные Штаты и их союзники, официально отвергая антикитайскую и тем более антироссийскую направленность. Полное отрицание такой концепции Россией в Индии воспринимают с непониманием. Более продуктивным было бы не бороться с концепцией, которая уже стала частью мирового дискурса и принята не только в Индии, но и в государствах ЮВА, но стараться наполнить ее выгодным для России содержанием, снимая антикитайские моменты и подчеркивая роль Индии, Китая и других российских партнеров в регионе. Такой подход вызвал бы в Нью-Дели большее понимание» [18, с. 136–137] Неудивительно, что отечественные авторы, не дожидаясь руководящих указаний, широко используют термины «ИТР» или «АТР/ИТР».

В январе 2018 г. Пентагон обнародовал новую оборонную стратегию США. Представляя ее, министр обороны Джеймс Мэттис объявил о смещении фокуса внимания национальной безопасности США с терроризма на «соперничество великих держав», а в апреле на встрече министров иностранных дел стран НАТО госсекретарь Майк Помпео обвинил Китай в стремлении стать «доминирующей экономической и военной силой». Тогда же в Пентагоне, по словам Р. Фонтейна, появилась «новая аббревиатура — СВД (соперничество великих держав)»¹.

Противодействуя Пекину в стремлении защитить прежний мировой порядок, основанный на американских «правилах», Вашингтон с большим вниманием стал относиться к объединению своих азиатско-тихоокеанских союзников в сети управляемых формальных альянсов, основанных на системе «оси и спиц» (hub and spokes) — двусторонних соглашениях об обороне с небольшой долей общего планирования и военной подготовки, и отдельных партнерств. Эта система стала фундаментом военно-политической гегемонии США в АТР/ИТР и «одной из важных опор глобального доминирования Америки» [20, с. 11]. Призванная противодействовать растущему китайскому влиянию, она распространилась на Японию, Австралию, Южную Корею, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Новую Зеландию, Тайвань. Причем отношения с тремя последними, считает заместитель директора ВИ — ШРМИ ДВФУ А. Л. Лукин, «правильнее называть военно-политическим партнерством или квазисоюзничеством, поскольку отсутствуют формальные договоры об альянсе с Вашингтоном» [19, с. 24–27] В 2017 г. на совещании министров обороны стран АСЕАН впервые было предложено провести совместно с США военно-морские учения (ASEAN-U. S. Maritime Exercise) AUMX. В следующем году это намерение было подтверждено².

В мае 2018 г. Тихоокеанское командование США было переименовано в Индо-Тихоокеанское командование, а 1 июня 2019 г. Министерство обороны США опубликовало доклад «Индо-Тихоокеанский регион. Готовность, партнерство и содействие региональной сети». Именуя себя тихоокеанской нацией, проявляющей естественный и устойчивый интерес к ИТР, США планировали сохранить свое стратегическое превосходство в регионе. Решение этой задачи предполагало продвигание их глобального экономического лидерства и влияния, а также усиление эффективности военных союзов в защите американских интересов в соперничестве с КНР. Документ нацеливал на стратегическое окружение КНР путем развития военно-технического сотрудничества с союзниками — Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, Таиландом и партнерами — Сингапуром, Тайванем, Новой Зеландией и Монголией.

¹ Фонтейн Р. Соперничество великих держав — это высший приоритет для Вашингтона, но не для общества.

² В Таиланде начались первые совместные морские учения АСЕАН и США // ТАСС. 2019. 2 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6831210> (дата обращения: 01.07.2023).

Предусматривалось расширение связей в области обороны и безопасности с Индией, укрепление партнерских отношений с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и др. Важно отметить, что в документе также упоминались европейские союзники США — Великобритания и Франция, которым наряду с Канадой приписывалась «решающая роль в поддержании свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹.

В 2019 г. США пытались скорректировать курс на одновременную конфронтацию с Россией и Китаем. Стремясь предотвратить дальнейшее сближение Москвы и Пекина, они определили главной угрозой своей безопасности Китай. Одновременно президент Дональд Трамп пытался нормализовать отношения с Россией. Показательна в этом плане редакционная статья в «Нью-Йорк таймс» за 22 июля 2019 г., идея которой сводилась к тому, что «основной вызов американским целям и задачам в долгосрочной перспективе — это не Россия, а Китай. А значит, президент Трамп прав, пытаясь установить более прочные отношения с Россией и увести ее подальше от Китая»².

В том же году в ЮКМ прошли первые совместные военно-морские учения стран АСЕАН и США AUMX. По словам командующего 7-м флотом США вице-адмирала Фила Сойера, они стали «новой многосторонней площадкой для совместной работы по общим приоритетам морской безопасности в регионе». В свою очередь, курирующий сотрудничество ВМС США в области безопасности в ЮВА контр-адмирал Джои Тинч увидел в AUMX продолжение тенденции к расширению многостороннего сотрудничества между военно-морскими силами в ИТР: «ВМС США вместе с нашими партнерами и союзниками давно знают о ценности совместной работы... AUMX укрепляет безопасность на море благодаря силе АСЕАН, крепости наших связей между военно-морскими силами и нашей общей вере в свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион»³.

В сентябре 2020 г. во время выступления в американском аналитическом центре Rand Corporation (Санта-Моника, Калифорния) глава Пентагона Марк Эспер определил Китай как главного стратегического соперника: «Сейчас, в эпоху соперничества великих держав, Министерство обороны США определило Китай, а затем Россию в качестве наших главных стратегических соперников. Эти ревизионистские государства используют хищническую экономическую политику, политические диверсии и военную силу в попытке изменить баланс сил в свою пользу и часто в ущерб остальным»⁴.

Пытаясь предугадать развитие мировой политики в условиях СВД, экс-генеральный директор и председатель правления Alphabet Эрик Шмидт и Роберт Уорк, занимавший посты заместителя министра ВМФ США в 2009–2013 гг. и заместителя министра обороны США в 2014–2017 гг., допускали перспективу «изнурительной многолетней борьбы», или «постоянного конфликта ниже уровня реальных военных действий, наполненного кибератаками, кражами интеллектуальной собственности и кампаниями

¹ Indo-Pacific Strategy Report Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. June 1, 2019 // The Department of Defense [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2019/jul/01/2002152311/-1/-1/1/department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

² Какой козырь нужен США на тот случай, если Россия разыграет китайскую карту? // The New York Times, США. 2019. 22 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190722/245503997.html>; Лоуренс П. Истеблишмент сменил пластинку по России // Consortium News, США. 2019. 11 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190911/245807377.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ В Таиланде начались первые совместные морские учения АСЕАН и США.

⁴ Vergun D. Esper Describes Steps to Maintaining Future Maritime Superiority // DOD NEWS. September 16, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/2350204/esper-describes-steps-to-maintaining-future-maritime-superiority/> (дата обращения: 01.07.2023).

по дезинформации, направленными на наши демократические институты»¹. По словам почетного профессора Школы перспективных международных исследований университета Джонса Хопкинса Хала Брэндса, мир вступил в период неопределенности, когда в результате СВД «следует ожидать новой волны кризисов по мере усиления геостратегической конкуренции Вашингтона с Москвой и Пекином»².

Обвиняя Пекин в милитаризации ЮВА, создании угроз для международного судоходства, а также территориальных притязаниях в ЮКМ, в 2020 г. США ужесточили антикитайскую риторику. Стремясь максимально использовать возможности своих региональных союзников в создании многостороннего формата обсуждения территориальных споров в ЮКМ, Вашингтон, придерживаясь данной логики, пытался также «подтянуть» уровень вовлеченности некоторых отдельных лояльных... государств ЕС до уровня диалогового партнерства (при том что сам Европейский союз уже имел такой статус)» [27, с. 77].

Претендуя на роль арбитра в урегулировании споров в ЮКМ под предлогом необходимости обеспечения «свободы навигации» США стали регулярно направлять туда военные корабли, игнорируя при этом протесты и возмущения Пекина. Увеличились частота и масштабы американских учений в ИТР. Так, в 2020 г. учения «Малабар» впервые прошли в составе «четверки» — США, Индии, Японии и Австралии. Отчитываясь об участии в данном мероприятии, министр обороны Индии Шрипад Наик в феврале 2021 г. заявил: «Учения подчеркивают совпадение взглядов стран-участниц по морским вопросам и их общую приверженность открытому, инклюзивному Индо-Тихоокеанскому региону и международному порядку, основанному на правилах»³.

Особенности политики США в ИТР на современном этапе (2021–2023)

Преемник Дональда Трампа на посту президента США Джо Байден фактически продолжил его курс на обострение отношений и усиление глобального и регионального соперничества с Китаем. Вскоре после вступления в должность, 5 февраля 2021 г., он недвусмысленно заявил: «Мы напрямую сталкиваемся с вызовами для нашей безопасности, процветания и демократических ценностей со стороны наиболее серьезного противника — Китая. Мы будем противодействовать нарушению Китаем правил в сфере экономики, намерены противостоять его агрессивным действиям, дать отпор атакам на права человека и интеллектуальную собственность»⁴. 24 марта 2022 г. заместитель министра обороны Соединенных Штатов по политическим делам Колин Каль уточнил, что Россия представляет для США «острую угрозу». Вместе с тем в отличие от КНР она не является долгосрочным системным вызовом для США⁵.

Раскрывая внешнеполитические намерения администрации Байдена, профессор международных отношений Гарвардского университета Стивен Уолт отмечал, что

¹ Шмидт Э., Уорк Р. Как остановить следующую мировую войну // The Atlantic, США. 2022. 12 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221212/voyna-258683005.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Брэндс Х. США: почему кризисы в отношениях сверхдержав — это хорошо // Foreign Policy, США. 2022. 14 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220814/ssha-255470782.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Rajagopalan R. P. Malabar and More: Quad Militaries Conduct Exercises // The Diplomat. December 5, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2022/12/malabar-and-more-quad-militaries-conduct-exercises/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ «Америка вернулась». Байден выступил с первой речью по внешней политике // ТАСС. 2021. 5 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10629677> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Россия будет названа угрозой в обновленной стратегии нацбезопасности США // EurAsia Daily. 2022. 25 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/25/rossiya-budet-nazvana-ugrozoy-v-obnovlennoy-strategii-nacbezopasnosti-ssha> (дата обращения: 01.07.2023).

ее стремление нанести военное поражение России, как и попытки ограничить доступ Пекина к новейшим технологиям были продиктованы исключительно заботой о сохранении лидерства США¹. Яркий представитель глубинного государства старший научный сотрудник Института Брукингса Роберт Каган, опубликовавший накануне СВО в журнале *Foreign Affairs* статью с претенциозным названием «Мы сверхдержава, нравится вам это или нет» тоже объяснял претензию США на ведущую роль в мировой политике их фактическим статусом единственной силы, способной обеспечить существование либерального мирового порядка внутри страны и за ее пределами². Именно в гегемонистском менталитете Запада, опирающемся на колоссальный военный потенциал, влияние в мировой экономике и глобальных СМИ, презрение к другим членам мирового сообщества руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований факультета Мировой экономики и мировой политики НИУ — ВШЭ Т. В. Бордачев видел «главную преграду на пути формирования справедливого международного порядка»³.

В своем первом выступлении в Конгрессе в качестве президента Соединенных Штатов в апреле 2021 г. Джо Байден заявил о намерении сохранить сильное военное присутствие в ИТР «не для развязывания конфликта, а для его предотвращения»⁴. В августе 2021 г. в акваториях Атлантического, Индийского и Тихого океанов США провели крупнейшие с 1981 г. военные учения *Large Scale Exercise 2021 (LSE 2021)*. Одновременно Индо-Тихоокеанское командование вооруженных сил США провело учение *Large Scale Global Exercise 21 (LSGE 2021)* с участием США, Великобритании, Австралии и Японии⁵. Тогда же в знак протеста против китайской экспансии в ЮКМ Германия отправила в регион фрегат «Бавария»⁶, а Индия — оперативную военноморскую группу кораблей с намерением участвовать в двусторонних маневрах с кораблями ВМС Вьетнама, Филиппин, Сингапура, Индонезии и Австралии. В конце августа напомнил о себе Quad (*Quadrilateral security dialogue*) в составе Индии, Японии, Австралии и США. Военные корабли этих стран участвовали в совместных маневрах «Малабар-2021» в западной части Тихого океана⁷. Всего же, по китайской оценке, в течение 2021 г. США провели в ЮКМ по меньшей мере 95 различных учений, что, по словам директора пекинского аналитического центра «Инициатива по изучению стратегической ситуации в Южно-Китайском море» Ху Бо, свидетельство-

¹ Уолт С. Многополярный мир // *Foreign Policy*, США. 2023. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230311/mnogopolyarnyy-mir-261288324.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Kagan R. A Superpower, Like It or Not // *Foreign Affairs*. 2021. March/April [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-16/superpower-it-or-not> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Бордачев Т. Запад — «нахлебник» в системе международной безопасности // *Global Times*, Китай. 2023. 1 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230201/zapad-260207881.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ U. S. will maintain strong military presence in Indo-Pacific to prevent conflict, says Joe Biden // *The Hindu*. April 29, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/us-will-maintain-strong-military-presence-in-indo-pacific-to-prevent-conflict-says-joe-biden/article34436130>. есе (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Свиридов В. ВМС США проводят крупнейшее со времен холодной войны учение // *Красная Звезда*. 2021. 13 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://redstar.ru/pod-pritselom-mirovoj-okean-2/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ Германия отправила военный корабль для сдерживания Китая в Южно-Китайское море // *Лента.ru*. 2021. 2 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/02/germanbattleship/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁷ Корабли Индии, США, Японии и Австралии начали совместные маневры в Тихом океане // *TASS*. 2021. 26 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raznogolosa/12224223> (дата обращения: 01.07.2023). Формально Quad появился около 20 лет тому назад, но в своем нынешнем облике — Quad 2.0. — существует с 2017 г.

вало о сосредоточенности США «на подготовке к реальным боевым действиям»¹. Тем самым подтвердился прогноз российских ученых относительно обострения ситуации в ЮКМ [16, с. 71; 25, с. 11; 28, с. 365]. Последние учения «Малабар» в составе США, Японии, Австралии и Индии проводились в ноябре 2022 г. у берегов Японии.

Новая Индо-Тихоокеанская стратегия США, опубликованная 11 февраля 2022 г., подчеркивает американскую приверженность ИТР на длительную перспективу. Особую заинтересованность США в процветании и безопасности ИТР документ объясняет растущими вызовами со стороны КНР, якобы прибегающей в реализации целей своей региональной политики к мерам «принуждения и агрессии». В связи с этим предусматривается укрепление союзнических отношений с Австралией, Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Таиландом и партнерских, в первую очередь, с Индией, Индонезией, Малайзией, Монголией, Новой Зеландией, Сингапуром, Тайванем, Вьетнамом и островными государствами Тихого океана².

В нашем случае, важно подчеркнуть признание США стратегической ценности возрастающей роли в ИТР Великобритании и Франции, их намерений в дальнейшем согласовывать и совместно с ЕС и НАТО осуществлять свои региональные инициативы, «навести мосты» между Индо-Тихоокеанским и Евроатлантическим регионами, усиливать влияние Quad, оказывать поддержку АСЕАН в ее поисках решений насущных проблем региона. Особая роль в укреплении связей в области безопасности отводится AUKUS — трехстороннему военному альянсу США, Великобритании и Австралии, созданному 15 сентября 2021 г. Перед ним поставлена задача объединить азиатских и европейских партнеров США, как в ИТР, так и за его пределами³.

Директор Института международных исследований МГИМО МИД России М. А. Сучков обратил внимание на стратегическое намерение США развернуть с помощью AUKUS индо-тихоокеанскую политику Европы в направлении от «сдержанной вовлеченности» к «вовлеченному сдерживанию» Пекина под американским флагом». Если, по его словам, Quad был «ориентирован на мобилизацию региональных союзников против Китая», то задача AUKUS заключалась «еще и в развороте европейской „стратегии для сотрудничества“ (как гласит сам документ ЕС) к американской „стратегии к соперничеству“ — как видно из слов и действий Вашингтона» [31]. Характеризуя «азиатский разворот 2.0», корреспонденты Financial Times Деметри Севастопуло и Кэтрин Хилле обоснованно указывают, что США, наконец, удалось убедить своих европейских партнеров «придерживаться более резкого тона в общении с Пекином»⁴.

Политологи из Московского госуниверситета Н. С. Кулешова и Чэньи Чжан также приписали американцам намерение предоставить Тайваню неофициальное членство в формате «Индо-Тихоокеанской четверки» [13, с. 24]. Такой вывод не лишен оснований в свете заявления помощника министра обороны США по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе Эли Ратнера о том, что главная задача американской стратегии и, следовательно, всех проамериканских партнерств заключается в удержании КНР от вторжения на Тайвань в течение следующего десятилетия⁵.

¹ СМИ: США создают угрозу безопасности Китая в Южно-Китайском море // ТАСС. 2022. 29 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14211311> (дата обращения: 01.07.2023).

² Indopacific Strategy of the United States. February 2022 // White House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Indopacific Strategy of the United States. February 2022.

⁴ Севастопуло Д., Хилле К. Как США укрепляют военные союзы на «заднем дворе» Китая // Financial Times, Великобритания. 2023. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230606/tikhookeanskiy-region-263413565.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Magnier M. US deterring Taiwan invasion by naming China top national security threat and boosting alliances: Pentagon // South China Morning Post. March 3, 2023 [Электронный ресурс].

В обновленной Стратегии национальной безопасности США, подписанной президентом США 12 октября 2022 г., главную угрозу безопасности США по-прежнему олицетворяют «авторитарные» РФ и КНР, осуществляющие «реваншистскую» внешнюю политику и насаждающие нелиберальную модель международного порядка. При этом Россия называется непосредственной угрозой свободной и открытой международной системе, страной с ограниченным спектром возможностей, а Китай — наиболее значимой геополитической угрозой в глобальном и региональном (ИТР) измерении, единственным опасным конкурентом, способным задействовать всю свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для изменения международного порядка¹.

В обновленной версии Стратегии национальной обороны США, которая появилась 27 октября 2022 г., КНР фигурирует как единственный соперник США на долгосрочную перспективу, намеревающийся изменить международный порядок и реформатировать «глобальное игровое поле в свою пользу». Россия характеризуется как немедленная «острая угроза». Перед Министерством обороны США ставится задача по комплексному сдерживанию системного вызова со стороны КНР, укреплению и выстраиванию устойчивой архитектуры безопасности в ИТР с опорой на региональных союзников, прежде всего, Японию и Австралию, а также на закрытые региональные партнерства (форматы), созданные США и находящиеся под их контролем — AUKUS и Quad².

Актуализация проблемы создания азиатского НАТО

Важнейшей составной частью Индо-Тихоокеанской стратегии США является дальнейшее расширение в АТР/ИТР сети управляемых альянсов, способных противодействовать растущему влиянию КНР. Британская *The Financial Times* отмечает стремление Вашингтона усилить «военное сотрудничество и оперативную совместимость с союзниками всеми способами, которые могут оказаться критически важными в случае войны с КНР»³. Одновременно американские военные продолжают уповать на стратегию *Offset-X*, в соответствии с которой «ВС США должны подходить к боевым действиям как распределенные „сетевые“ силы. Они должны быть географически рассредоточены, а их решения и операции — децентрализованы». К преимуществам данной инициативы Э. Шмидт и Р. Уорк относят способность военных реагировать на военные вызовы со стороны КНР «с большей скоростью и стойкостью и атаковать с нескольких направлений, в том числе одновременно», защищая по сравнению с более традиционными «иерархическими» силами более обширные территории⁴.

Еще при Дональде Трампе американцы обеспокоились тем, что в их системе выстраиваемых партнерств в АТР/ИТР отсутствовали «сильные многосторонние

URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3212157/us-naming-china-top-national-security-threat-it-boosts-alliances-deters-taiwan-invasion-pentagon> (дата обращения: 01.07.2023).

¹ Новая стратегия национальной безопасности США // *The White House*, США. 2022. 14 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221014/strategiya-256796876.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² 2022 National Defense Strategy. October 27, 2022 // U. S. Department of Defense [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2022/oct/27/2003103845/-1/-1/2022-national-defense-strategy-npr-mdr.pdf> (дата обращения: 01.07.2023); Хенниган У.Дж. США обнародовали стратегию по противостоянию ядерным угрозам со стороны Китая и России // *Time*, США. 2022. 29 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221029/ssha-257313906.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Япония и Великобритания совместно готовятся к войне с Китаем — СМИ // *EurAsia Daily*. 2022. 7 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/11/07/yaponiya-i-velikobritaniya-sovmestno-gotovyatsya-k-voyne-s-kitaem-smi> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Шмидт Э., Уорк Р. Как остановить следующую мировую войну.

структуры». В этой связи заместитель госсекретаря США Стивен Биган не скрывал заинтересованности в том, чтобы теснее объединить и структурировать страны «Индо-Тихоокеанской четверки» и других союзников для совместной работы в регионе против «потенциального вызова со стороны Китая». Прежде всего Вашингтон стремился оформить свои более тесные отношения в области обороны с Индией, Японией и Австралией, чтобы создать в регионе систему многосторонней безопасности на основе Quad¹. В октябре 2020 г., находясь в Дели, С. Биган агитировал Индию за создание азиатского НАТО².

Отмечая политическую волю США, Японии, Индии и Австралии к развитию индо-тихоокеанского сотрудничества на основе Quad, профессор Фуданьского университета в Шанхае Чжао Хуашэн прогнозировал развитие механизма координации стран «четверки» в области безопасности в направлении создания «азиатского НАТО», расширение Quad за счет новых участников и даже «институционализацию» ИТР на основе Индо-Тихоокеанской стратегии США в процессе развития Quad³. Аналогичное мнение высказывал доцент кафедры международных отношений ДВФУ А. В. Губин, полагавший, что к формату Quad Соединенные Штаты постепенно попытаются «подключить других участников, о чем свидетельствует активизация контактов с Сингапуром, Вьетнамом, Филиппинами, Индонезией»⁴. Однако директор Азиатской инициативы по обеспечению прозрачности на море (AMTI) в Центре стратегических и международных исследований (CSIS, Вашингтон) Грегори Поллинг не разделял подобных опасений, прежде всего, из-за позиции Индии, традиционно гордящейся своим внеблоковым статусом⁵. Наверное, по этой причине до сих пор безуспешными остаются попытки вовлечь Индию в формат «НАТО плюс пять», в которую входят Австралия, Южная Корея, Новая Зеландия, Израиль и Япония, получившие широкий доступ к западным военным технологиям.

После 15 сентября 2021 г. главную роль в иерархии американских региональных приоритетов стал играть AUKUS, в который США и Великобритания планомерно вовлекают Японию, Новую Зеландию, Южную Корею и Канаду. Глава МИД РФ С. В. Лавров отмечал стремление противников Китая вовлечь в военный блок AUKUS Новую Зеландию, Канаду и Японию⁶. Подтверждая данный прогноз, глава комитета по обороне палаты общин Тобиас Эллвуд предлагал включить в состав AUKUS Индию и Японию — участников Quad — и, таким образом, превратить его в индо-тихоокеанский аналог НАТО⁷. Хотя глава Пентагона США Ллойд Остин

¹ *Delaney R.* US seeks formal alliance similar to NATO with India, Japan and Australia, State Department official says // South China Morning Post. September 1, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3099642/us-seeks-formal-alliance-similar-nato-india-japan-and-australia-state> (дата обращения: 01.07.2023).

² *Беляев Д.* Друзья в квадрате. Может ли QUAD стать азиатским НАТО? // ТАСС. 2020. 30 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10116857> (дата обращения: 01.07.2023).

³ *Huasheng Zh.* Assessing the Trend of the Indo-Pacific Strategy // RIAC. May 31, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/assessing-the-trend-of-the-indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ *Губин А.* Индо-Тихоокеанская головоломка: почему планам США не суждено реализоваться // РСМД. 2021. 6 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-tikhookeanskaya-golovolomka-pochemu-planam-ssha-ne-suzhdeno-realizovatsya/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ *Беляев Д.* Друзья в квадрате. Может ли QUAD стать азиатским НАТО?

⁶ Пресс-конференция Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам Восточноазиатского саммита, Пномпень, 13 ноября 2022 года // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1838341&lang=ru> (дата обращения: 01.07.2023).

⁷ *Singh S. V.* UK's House of Commons defence panel calls for expansion of AUKUS to include India, Japan // The Print. 29 January, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://theprint.in/>

в 2022 и 2023 гг. заверял партнеров по «Диалогу Шангри-Ла» в том, что Вашингтон не стремится к конфронтации, конфликту или расколу региона на враждебные блоки, а также не планирует создания в АТР/ИТР азиатского аналога НАТО¹, в Китае небезосновательно опасаются такой перспективы, обусловленной задачами новой Индо-Тихоокеанской стратегии США. МИД КНР открыто обвиняет США в намерении создать региональную версию НАТО².

Как бы то ни было следует согласиться с профессором МГИМО-Университета МИД РФ С.Г. Лузяниным в том, что в проектах AUKUS и Quad США удалось «институционализировать» исторические и территориальные обиды Индии и Японии против Китая и осуществить таким образом «азиатизацию» НАТО» [17, с. 9]. Обоснованным представляется и вывод заместителя директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН Н.С. Данюка о формировании архитектуры индо-тихоокеанской версии НАТО с опорой не только на AUKUS, но также на «военно-технологическое объединение Quad при координации разведывательного альянса Five Eyes, который состоит из США, Австралии, Канады, Новой Зеландии и Великобритании, а также стратегический треугольник: Соединенные Штаты — Япония — Южная Корея»³.

Вместе с тем следует согласиться с мнением директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ В.Б. Кашина о том, что и AUKUS, и QUAD — это лишь первые шаги в направлении создания в АТР/ИТР военного блока. На сегодняшний день они «еще не являются аналогами НАТО. AUKUS — это не военный союз с твердыми военными обязательствами»⁴. Сказанное, конечно, не отменяет факт сотрудничества участников AUKUS в таких критически важных сферах безопасности, как искусственный интеллект, квантовые и гиперзвуковые технологии, цифровизация и др., что придает данному формату значение основного механизма реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США в долгосрочном противостоянии с Китаем⁵. Важные аргументом в пользу AUKUS как основного

defence/uks-house-of-commons-defence-panel-calls-for-expansion-of-aukus-to-include-india-japan/1341460/ (дата обращения: 01.07.2023).

¹ Глава Пентагона отверг планы по созданию «азиатского аналога НАТО» // РБК. 2022. 11 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/06/2022/62a3edf69a794738264df7c2> (дата обращения: 01.07.2023); США заявили, что не пытаются создать НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе // ТАСС. 2023. 5 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17930667> (дата обращения: 01.07.2023).

² МИД Китая назвал главную цель индо-тихоокеанской стратегии США // РИА Новости. 2022. 7 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220307/kitay-1777011599.html> (дата обращения: 01.07.2023); В Китае заявили о попытке США создать НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе // РИА Новости. 2023. 7 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230307/ssha-1856269448.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Таран И., Комарова Е. «Дестабилизирующий фактор в регионе»: почему Китай заявил о попытках США создать индо-тихоокеанскую версию НАТО // RT на русском. 2022. 8 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/972699-kitai-ssha-strategiya-politika> (дата обращения: 01.07.2023). Другими значимыми для США военными партнерствами являются: США — Япония — Австралия; США — Индия — Япония.

⁴ Карпов А., Медведева А. Глобализация напряженности: как США пытаются создать аналог НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе // RT на русском. 2023. 8 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1120370-kitai-aziya-nato> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Пажон С. AUKUS, ИТР и роль Франции: Fluctuat nec Mergitur // РСМД. 2021. 27 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aukus-itr-i-rol-frantsii-fluctuat-nec-mergitur/> (дата обращения: 01.07.2023); Ермаков А. Долгая дорога в море. Развитие и перспективы союза AUKUS // РСМД. 2023. 27 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dolgaya-doroga-v-more-razvitiye-i-perspektivy-soyuza-aukus/> (дата обращения: 01.07.2023).

механизма в американских долговременных планах является передача ядерных технологий Австралии. В связи с этим влиятельная газета *Global Times*, входящая в структуру официального печатного органа КПК «Жэньминь жибао», предостерегала: «Если США и Британия помогут Австралии обзавестись возможностями атомных подводных лодок, это будет означать фактическую легализацию приобретения атомных подлодок всеми странами. Это также означает легализацию международного экспорта данной технологии»¹.

С такой оценкой солидаризовалась руководитель Отдела японских исследований Центра изучения стран Азии Французского института международных отношений (IFRI) Селин Пажон, по словам которой «решение США о продаже подобных стратегических вооружений создает прецедент с потенциальными последствиями в плане ядерного распространения, поскольку такие страны, как Китай, могут посчитать себя вправе продавать аналогичную технику, скажем, Пакистану или Северной Корее»². Одновременно она отмечала вред, причиненный созданием AUKUS качеству партнерских отношений США и их европейских союзников, поскольку прежде «стратегии Франции и США в Индо-Тихоокеанском регионе взаимодополняли друг друга, причем Париж выступал в качестве весьма эффективной объединяющей силы, способной координировать действия с участниками Четырехстороннего диалога по безопасности, а также АСЕАН, не желающими проявлять конфронтацию по отношению к Китаю. Такие державы Юго-Восточной Азии, как Индонезия и Малайзия, уже выражают озабоченность по поводу новой гонки вооружений в регионе, спровоцированной AUKUS»³.

Развивая эту тему, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН Д. В. Мосяков поддержал мнение индонезийского аналитика из университета Мухаммадия Фикрана Алфуркуна, о большей заостренности AUKUS на решение военных задач в сравнении с Quad, которая «нацеливалась кроме военной, еще и на всестороннюю экономическую конкуренцию с КНР. Характеризуя отношение АСЕАН к AUKUS, он определил позицию Индонезии как «сдержанную, но явно негативную; Малайзии — как «обеспокоенную»; Вьетнама — как выражавшую удивление бесцеремонностью англосаксов, не удосужившихся заблаговременно «обсудить партнерство AUKUS с АСЕАН»; Филиппины — скорее одобрительную; Сингапура — как целиком одобрительную. В любом случае, заключал автор, «появление нового военного блока оказалось для АСЕАН неожиданным» [26, с. 9, 13–14].

Свое особое мнение по вопросу также высказывал экс-гендиректор Российского совета по международным делам (РСМД) А. В. Картунов. По его словам, до 15 сентября 2021 г. на институциональном уровне разворот США из Атлантики в Тихий океан символизировал аморфный и ограниченный по своему функционалу четырехсторонний диалог по безопасности Quad. С созданием AUKUS затянувшийся разворот получил «полноценное институциональное оформление». Появился механизм, обещающий в долгосрочной перспективе настольно выигрышный ресурс в антагонистическом противостоянии с Китаем, что американцы сознательно не только пошли на риск охлаждения отношений с Францией, но и отказались от перепрограммирования неповоротливой машины НАТО «на решительное противостояние с Китаем». По этой причине эксперт скептически оценил перспективы превращения AUKUS в азиатский аналог НАТО с участием сначала Канады и Новой Зеландии, затем Японии и Южной Кореи и в конце концов Индии и Вьетнама⁴.

¹ Гасюк А. США, Британия и Австралия заключили антикитайский военный союз // Российская газета 2021. 16 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/09/16/sshabritanii-i-avstraliia-zakliuchili-antikitajskij-voennyj-soiuz.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Пажон С. AUKUS, ИТР и роль Франции: *Fluctuat nec Mergitur*.

³ Пажон С. AUKUS, ИТР и роль Франции: *Fluctuat nec Mergitur*.

⁴ Картунов А. Зарница далекой грозы. Что означает для России новый союз США, Австралии

С ним соглашался военный эксперт И. П. Коновалов по причине «весьма небольшого» списка близких союзников США в АТР¹.

Вместе с тем, как утверждает В. Б. Кашин, американцы не отказались от идеи объединения своих региональных союзников «четкими обязательствами военного характера по образцу НАТО»². В 2022 г. США, Великобритания и Австралия неофициально уговаривали Японию присоединиться к оборонному альянсу AUKUS³. Предложение Т. Эллвуда включить в AUKUS Индию и Японию главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. А. Лукьянов расценил как «заявку на азиатское НАТО»⁴.

3 июня 2023 г. в кулуарах Азиатского форума по безопасности, известного как «Диалог Шангри-Ла», состоялась встреча глав военных ведомств США, Японии, Австралии и Филиппин «в связи с растущими вызовами, создаваемыми Китаем в Южно-Китайском море и в водах вокруг Тайваня». По этой причине в СМИ распространились слухи о появлении в регионе очередной антикитайской военной структуры, нацеленной на ЮКМ, в формате «новой четверки» стран, связанных между собой формальными обязательствами. Однако помощник госсекретаря США Дэнниел Критенбринк, отрицал наличие у Вашингтона каких-либо планов по созданию «новых официальных механизмов» в ИТР⁵.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Батюк В. И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 135–153.
2. Батюк В. И. США — КНР: стратегический баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 390–404.
3. Васильев Л. Е. Юго-Восточная Азия: США и Китай от соперничества к противостоянию // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. Т. 17. № 17. С. 87–99.
4. Васильев Л. Е. Индо-Тихоокеанская стратегия США и некоторые особенности решения проблем ее реализации // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США / отв. ред.-сост. Т. М. Мамахаев. М. : Институт Китая и современной Азии РАН, 2022. С. 71–87.
5. Волошина А. В. Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 12–24.
6. Гарин А. А. Обновленная Индо-Тихоокеанская стратегия Франции: анализ ключевых положений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. IV. № 4 (53). С. 67–76.

и Британии // Московский центр Карнеги. 2021. 24 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85419> (дата обращения: 01.07.2023).

¹ Таран И., Комарова Е. «Антикитайская стратегия»: как США, Великобритания и Австралия пытаются укрепить оборонное партнерство AUKUS // RT на русском. 2022. 24 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1052920-ssha-velikobritaniya-avstraliya-aukus-atom-podlodki> (дата обращения: 01.07.2023).

² Карпов А., Медведева А. Глобализация напряженности: как США пытаются создать аналог НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

³ Бушев А. Страны AUKUS предложили Японии присоединиться к антикитайскому альянсу // Российская газета. 2022. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/13/strany-aukus-predlozhili-iaponii-prisoedinitisia-k-antikitajskomu-aliansu.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Гнатюк Р. Федор Лукьянов: Запад сделал заявку на азиатское НАТО, мы увидим гибридную мировую войну // Украина.ру. 2023. 3 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ukraina.ru/20230203/1043225257.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Heydarian R. J. Did Shangri-La give birth to a new Quad? // Asia Times. June 5, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://asiatimes.com/2023/06/did-shangri-la-give-birth-to-a-new-quad/> (дата обращения: 01.07.2023).

7. Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.
8. *Европейский союз и Китайская Народная Республика: (не) стратегическое партнерство?: рабочая тетрадь* № 65 / 2022 / [В. Б. Кашин, С. А. Шеин, Ю. Ю. Мельникова, Л. В. Красикова и др.; под ред. Е. О. Карпинской, К. А. Кузьминой, Ю. Ю. Мельниковой, И. А. Цымбал]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2022. 40 с.
9. Ефременко Д. В. Двойная ловушка Фукидида. Президентство Дональда Трампа и новая биполярность // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 4 (104). Июль/август. С. 126–147.
10. Зайнуллин Т. Р. Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе и отношения с КНР // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 2633–2637.
11. Иванов О. П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // Обозреватель. 2020. № 7 (366). С. 39–52.
12. Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 136–154.
13. Кулешова Н. С., Чжан Ч. Тайваньский вопрос в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США // Обозреватель. 2022. № 7–8 (390–391). С. 22–35.
14. Крамник И. А. Австралия и все-все-все // Россия в глобальной политике. 2021. 21 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avstraliya-i-vse-vse-vse/> (дата обращения: 25.04.2023)
15. Леонова О. Г. Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 194–211.
16. Локшин Г. М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. I. № 2 (43). С. 54–73.
17. Лузянин С. Г. Китай — США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 5–13.
18. Лукин А. В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1 (119). Февраль. С. 118–137.
19. Лукин А. Л. Альянсы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и контригра Китая // У карты Тихого океана. 2016. № 42 (240). С. 24–27.
20. Лукин А. Л., Коротич С. А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет Азиатско-Тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 5–15.
21. Мартынова Е. С. Соперничество США и Китая: чем это грозит АСЕАН? // Азия и Африка сегодня. 2014. № 2 (679). С. 4–8.
22. Мельникова Ю. Ю. Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 31–37.
23. Михневич С. В. «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 4. С. 237–255.
24. Морозов Ю. В. Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Трампа как угроза интересам Китая и России в АТР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М. : ИДВ РАН, 2018. С. 107–120.
25. Мосяков Д. В. Обострение обстановки в Южно-Китайском море как вызов Вьетнаму и странам АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. I. № 1 (46). С. 7–12.
26. Мосяков Д. В. Новый военный блок — новые угрозы миру и безопасности в Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. III. № 3 (52). С. 5–17.
27. Новосельцев С. В., Рыжов И. В. Внешнеполитические приоритеты США в АТР: влияние концепций «поворота в Азию» и «Америка прежде всего» на ситуацию в Южно-Китайском море // Конфликтология / nota bene. 2021. № 4. С. 71–80.
28. Понька Т. И., Куклин Н. С., Дубровский И. Р. Формат «Китай — Вьетнам — Индия» в Южно-Китайском море в контексте региональной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 354–371.
29. Приходько О. В. США и ЕС в АТР: согласованная политика или конкуренция подходов? // Обозреватель. 2015. № 5 (304). Май. С. 15–34.
30. Старкин С. В., Рыжов И. В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 49–56.

31. Сучков М. А. Инфраструктура сдерживания: «гибкие союзы» США в Азии // Россия в глобальной политике. 2021. 1 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/infrastruktura-sderzhivaniya-ssha/> (дата обращения: 25.04.2023).
32. Чихачев А., Гуляев Е. Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 59–67.
33. Kliem F. The EU Strategy on Cooperation in the Indo-Pacific: A Meaningful Regional Complement? // Panorama: Insights into Asian and European Affairs, 2022. P. 55–69 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/288143/16920728/Panorama+2021_01+Kliem.pdf (дата обращения: 25.04.2023).
34. Mohan G. A European Strategy for the Indo-Pacific // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. Is. 4. P. 171–185.
35. Mohan G. Assessing the EU's new Indo-Pacific strategy // European Politics and Policy. September 24, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2021/09/24/assessing-the-eus-new-indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 25.04.2023).
36. Odgaard L. European Engagement in the Indo-Pacific: The Interplay between Institutional and State-Level Naval Diplomacy // Asia Policy. 2019. October. Vol. 14. N 4. P. 129–159.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. Batyuk V.I. Indo-Pacific strategy of the USA and Eurasia // Actual problems of Europe. 2021. N 1 (109). P. 135–153 (in Rus).
2. Batyuk V.I. USA — China: strategic balance // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. 2022. Vol. 15. Is. 4. P. 390–404 (in Rus).
3. Vasiliev L. E. Southeast Asia: USA and China from rivalry to confrontation // China in World and regional politics. History and modernity. 2012. Vol. 17. N 17. P. 87–99 (in Rus).
4. Vasiliev L. E. The Indo-Pacific strategy of the USA and some features of solving the problems of its implementation // Security in the Asia-Pacific region in the context of the Indo-Pacific strategy of the USA / ed.-comp. T.M. Mamakhatov. M. : Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, 2022. P. 71–87 (in Rus).
5. Voloshina A. V. Northeast Asia in the modern foreign policy strategy of China // Problems of the Far East. 2015. N 6. P. 12–24 (in Rus).
6. Garin A. Updated Indo-Pacific strategy of France: analysis of key provisions // South-East Asia: actual problems of development. 2021. Vol. IV. N 4 (53). P. 67–76 (in Rus).
7. Degterev D. A., Ramich M. S., Tsyk A. V. USA — CHINA: “power transit” and contours of “conflict bipolarity” // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. N 2. P. 210–231 (in Rus).
8. The European Union and the People’s Republic of China: (not) a strategic partnership? Workbook N 65 / 2022 / [V.B. Kashin, S.A. Shein, Yu.Yu. Melnikova, L.V. Krasikova et al; ed. E. O. Karpinskaya, K.A. Kuzmina, Yu.Yu. Melnikova, I.A. Tsymbal]; Russian Council for International Affairs (INF). M. : NP INF, 2022. 40 p. (in Rus).
9. Efremenko D. V. The double trap of Thucydides. The presidency of Donald Trump and the new bipolarity // Russia in Global Politics [Rossiya v global’noi politike]. 2020. Vol. 18. N 4 (104). II / August. P. 126–147 (in Rus).
10. Zainullin T. R. U.S. strategy in the Indo-Pacific region and relations with China // Manuscript. 2021. Vol. 14. Is. 12. P. 2633–2637 (in Rus).
11. Ivanov O. P. Military dimension of the Indo-Pacific strategy of the USA // Observer. 2020. N 7 (366). P. 39–52 (in Rus).
12. Koldunova E. V. Dilemmas and contradictions of trans-regional relations of ASEAN with the EU, USA and Russia // Actual problems of Europe. 2020. N 1 (105). P. 136–154 (in Rus).
13. Kuleshova N. S., Zhang Ch. The Taiwan question in the context of the Indo-Pacific strategy of the USA // Observer. 2022. N 7–8 (390–391). P. 22–35 (in Rus).
14. Kramnik I. A. Australia and all-all-all // Russia in global politics. 2021. September 21 [Electronic source]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avstraliya-i-vse-vse-vse/> (accessed: 04.25.2023) (in Rus).

15. Leonova O. G. Influence of the AUCUS strategic partnership on the geopolitical situation in the Indo-Pacific region // *Bulletin of International Organizations*. 2022. Vol. 17. N 3. P. 194–211 (in Rus).
16. Lokshin G. M. Strategic cooperation of China with Russia in the South China Sea // *South-East Asia: actual problems of development*. 2019. T. I. N 2 (43). P. 54–73 (in Rus).
17. Luzyanin S. G. China — USA: model 2023. “Controlled conflict” or global split? // *Asia and Africa today*. 2023. N 2. P. 5–13 (in Rus).
18. Lukin A. V. American Chinese rivalry in the Asia-Pacific region: declarations and reality // *Russia in Global Politics*. 2023. Vol. 21. N 1 (119). February. P. 118–137 (in Rus).
19. Lukin A. L. Alliances of the USA in the Asia-Pacific region and counter-China // *At the map of the Pacific Ocean* [U karty Tikhogo okeana]. 2016. N 42 (240). P. 24–27 (in Rus).
20. Lukin A. L., Korotich S. A. Between Washington and Beijing: what awaits the Asia-Pacific alliances of the United States? // *World Economy and International Relations*. 2017. Vol. 61. N 4. P. 5–15 (in Rus).
21. Martynova E. S. Cooperation between Russia and China: What is the threat of ASEAN? // *Asia and Africa today*. 2014. N 2 (679). P. 4–8 (in Rus).
22. Melnikova Yu. Yu. EU strategy in the Indo-Pacific region: internal drivers and the factor of the PRC // *Humanities*. *Bulletin of the Financial University*. 2022. Vol. 12. N 2. P. 31–37 (in Rus).
23. Mikhnevich S. V. “We dream together”: The economic dimension of the “smart power” of the PRC in Southeast Asia // *Bulletin of International Organizations*. 2018. Vol. 13. N 4. P. 237–255 (in Rus).
24. Morozov Yu. V. D. Trump’s Indo-Pacific strategy as a threat to the interests of China and Russia in the Asia-Pacific region // *China in World and regional politics. History and modernity. Issue XXIII / ed.-comp. E. I. Safronova. M. : IDV RAS, 2018. P. 107–120 (in Rus)*.
25. Mosyakov D. V. Familiarization with the contents of the East China Sea as a conclusion to Vietnam and the ASEAN country // *South-East Asia: actual problems of education*. 2020. Vol. I. N 1 (46). P. 7–12 (in Rus).
26. Mosyakov D. V. The new paramilitary bloc — new threats to peace and security in Asia // *South-East Asia: actual problems of development*. 2021. Vol. III. N 3 (52). P. 5–17 (in Rus).
27. Novoseltsev S. V., Ryzhov I. V. US foreign policy priorities in the Asia-Pacific region: the impact of the concepts of “turning to Asia” and “America first” on the situation in the South China Sea // *Conflictology / Nota Bene*. 2021. N 4. P. 71–80 (in Rus).
28. Ponka T. I., Kuklin N. S., Dubrovsky I. R. The China–Vietnam–India format in the South China Sea in the context of regional security // *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Universal History*. 2020. Vol. 12. N 4. P. 354–371 (in Rus).
29. Prikhodko O. V. USA and IE. In AT: coordinated policy or product competition? // *Observer*. 2015. N 5 (304). May. P. 15–34 (in Rus).
30. Starkin S. V., Ryzhov I. V. The strategic “turn” of the USA in Asia: the evolution of approaches // *World Economy and International Relations*. 2014. N 10. P. 49–56 (in Rus).
31. Suchkov M. A. Containment infrastructure: “flexible alliances” of the USA in Asia // *Russia in global politics*. 2021. October 1 [Electronic source]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/infrastruktura-sderzhivaniya-ssha> (accessed: 04.25.2023) (in Rus).
32. Chikhachev A., Gulyaev E. Strategies of France and Germany in the Indo-Pacific region // *World Economy and International Relations*. 2022. Vol. 66. N 5. P. 59–67 (in Rus).
33. Kliem F. EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific region: a significant regional addition? // *Panorama: A Look at Asian and European Affairs*, 2022. P. 55–69 [Electronic source]. URL: https://www.kas.de/documents/288143/16920728/Panorama+2021_01+Kliem.pdf (accessed: 04.25.2023).
34. Mohan G. European Strategy for the Indo-Pacific region // *The Washington Quarterly*. 2020. Vol. 43. Is. 4. P. 171–185.
35. Mohan G. Evaluation of the new Indo-Pacific strategy of the EU // *European Policy*. September 24, 2021 [Electronic source]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2021/09/24/assessing-the-eus-new-indo-pacific-strategy> (accessed: 04.25.2023).
36. Odgaard L. European participation in the Indo-Pacific region: interaction between institutional and state naval diplomacy // *Politics of Aasia*. 2019. October. Vol. 14. N 4. P. 129–159.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

К вопросу о концепции управления цепями создания ценностей

Тяпухин А. П.^{1, 2}

¹Оренбургский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал РАНХиГС), Оренбург, Российская Федерация; aptyapuhin@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является совершенствование терминологического аппарата, структуры и содержания интегрированной концепции управления цепями, включая цепи ценностей, новинок, требований и поставок. В качестве методов исследования выбраны методы классификации, анализа и синтеза, индукции и дедукции, а в качестве инструмента использованы бинарные матрицы, сформированные на основе классификационных признаков и их дихотомий, позволяющих повысить объективность полученных результатов. В ходе исследования были получены результаты, имеющие признаки научной новизны: классификация вариантов управления цепями и другими объектами при создании ценностей для конечных потребителей продукции и/или услуг; последовательность формирования терминов основных и производных компонентов управления цепями; структура концепции управления цепями, ориентированной на создание основных видов ценности для конечных потребителей продукции и/или услуг; содержание управления новыми видами цепей, таких как цепи формализации, потребления и обобщения ценности. Данные результаты позволяют сократить упущенную выгоду звеньев цепей различного типа за счет рационального распределения функций, полномочий, ответственности между исполнителями и устранения межфункциональных барьеров. Оригинальность статьи основана на следующих гипотезах: наличие общего объекта управления «цепи» позволяет разработать концепцию интегрального управления цепями ценностей, новинок, требований и поставок; ценность конечного потребителя продукции и/или услуг подразделяется на виды и объекты, для каждого из которых характерны конкретные цепи поставок и вариант управления данными цепями; основные объекты управления цепями формируют предпосылки для создания унифицированного терминологического аппарата.

Ключевые слова: управление, цепь, ценность, поставка, требования, новинка, предприятие, процесс, отношения, поток

Для цитирования: Тяпухин А. П. К вопросу о концепции управления цепями создания ценностей // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 46–59.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2023 год.

On the Issue of the Concept of Value Chain Management

Alexey P. Tyapukhin^{1, 2}

¹Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg Branch of RANEP), Orenburg, Russian Federation; aptyapuhin@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to improve the terminology, structure and content of the integrated concept of chain management, including value chains, novelties, demands and supplies. Methods of classification, analysis and synthesis, induction and deduction chosen as research

methods, and binary matrices used as a tool, formed on the basis of classification attributes and their dichotomies, allowing to increase the objectivity of obtained results. The results obtained with signs of scientific novelty: classification of variants for managing chains and other objects when creating values for end consumers of products and/or services; the sequence of formation of terms of the main and derived components of chain management; the structure of the chain management concept focused on creating the main types of value for end consumers of products and/or services; the content of management of new types of chains, such as chains of formalization, consumption and generalization of value. These results make it possible to reduce the lost profit of chain links of various types due to the rational distribution of functions, powers, responsibilities between performers and the elimination of cross-functional barriers. The originality of the article is based on the following hypotheses: the presence of a common «chain» management object allows us to develop the concept of integrated management of value chains, novelties, demands and supplies; the value of the end consumer of products and/or services is divided into types and objects, each of which is characterized by specific supply chains and a variant of managing these chains; the main objects chain management forms the prerequisites for the creation of a unified terminological apparatus.

Keywords: management, chain, value, supply, demand, novelty, enterprise, process, relationships, flow

For citing: Tyapukhin A. P. On the issue of the concept of value chain management // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 46–59.

Введение

Ровно сорок лет назад начала формироваться концепция управления цепями поставок [29], которая дала толчок зарождению и развитию концепций управления цепями создания ценности [31] и требований [24]. Общий объект управления «цепь» предполагает единый методический подход к обоснованию содержания данных концепций. При этом разнообразие цепей, используемых данными концепциями, требует разработки теоретического аппарата, позволяющего минимизировать упущенную выгоду звеньев цепей при необходимости трансформации одного вида цепи в другой вид. Решение данной проблемы крайне затруднено по следующим причинам:

(1) слабая проработка терминологического аппарата управления цепями и при этом недостаточное внимание специалистов к его совершенствованию. В качестве примера можно привести явное несоответствие терминов «цепь поставок» и «управление цепями поставок» в широко известном глоссарии Совета профессионалов в области управления цепями поставок [14]. Кроме того, до сих пор не удается хоть в какой-то степени унифицировать содержание термина «управление цепями поставок», на что обратили внимание Дж. Сток и С. Бойер [41];

(2) отсутствие четких взаимосвязей между цепями различного типа, несмотря на множество попыток решения данной задачи, предпринятых Д. Уолтерсом и М. Рейнбердом [47]; Дж. Рэмси [33]; П.Дж. Сингхом и Д. Пауэром [39]; Дж.Б. Сантосом и С. Д'Антонио [37] и др.;

(3) не вполне теоретически и методически обоснованный переход от объекта управления «цепь» к объекту управления «сеть» [15; 19]. Трудно представить, что при недостаточной теоретической проработке содержания терминов «цепь поставок», «цепь ценности» и «цепь требований» удастся создать четкое определение термина «сеть поставок и требований»;

(4) по-прежнему малопродуктивны попытки интегрировать различные виды управления цепями в единую концепцию, несмотря на ряд идей, высказанных К. Л. Крокстоном и др. [13]; С. Бейкером и др. [6]; Ф. Тублиером и др. [43]; К.С. Эннингом и др. [3]; О.Ф. Бустинзой и др. [9]; А.П. Тяпухиным [44];

(5) использование термина «ценность» в теории маркетинга [2] серьезно осложнило решение изложенной выше проблемы. Содержание данного термина варьируется от «суммы, которую покупатели готовы заплатить за то, что предоставляет фирма» [31] до «процесса интерпретации факторов окружающей среды, таких как запах, осязание, зрение, звук, в рамках системы отсчета клиента» [42].

Тем не менее, по мнению автора, в настоящее время созданы необходимые предпосылки для формирования интегрированной концепции управления цепями и ее дальнейшей переориентации на более сложные, чем цепи, объекты управления. Для этого необходимо научиться «измерять неизмеримое», используя для этого качественные признаки данных объектов и их дихотомии в нужном количестве и нужного качества.

Для достижения цели данной статьи были решены следующие задачи: разработка классификации вариантов управления цепями и другими объектами при создании ценностей для конечных потребителей продукции и/или услуг; обоснование последовательности формирования терминов основных и производных компонентов управления цепями; разработка структуры концепции управления цепями, ориентированной на создание основных видов ценности для конечных потребителей продукции и/или услуг; конкретизация содержания управления новыми видами цепей, таких как цепи формализации, потребления и обобщения ценности.

Теоретические основы

Ключевым термином, определяющим новизну данного исследования, является термин «цепь», который имеет несколько значений. Применительно к цели статьи словарь Кембриджа¹ определяет цепь как «набор связанных или родственных вещей», «группу аналогичных предприятий, ... которые принадлежат и контролируются одной и той же организацией» и «систему людей, процессов или организаций, которые работают вместе в определенном порядке». Анализ содержания данных определений позволяет сделать следующие выводы:

(1) цепь включает практически любые объекты, один из которых может быть приоритетным. В цепях создания ценностей таким объектом является конечный потребитель продукции и/или услуг или «человек (люди)», а в цепях поставок это — фокусное предприятие или «организация»;

(2) цепь включает как минимум два гомогенных объекта и связь между ними. Объектами цепи могут быть люди, процессы или организации. Связи между объектами можно установить на основе терминов наиболее популярного вида цепи, такого как цепь поставок. Например, Х.Х. Чен и др. полагают, что цепь — это «сложная сеть взаимоотношений» [10]. Аналогичной точки зрения, но относительно термина «управление цепями поставок», придерживается М. Кристофер [11]. Еще одним объектом управления цепями поставок, по мнению Дж. Блэкхерста и др., является «поток» [7]. Можно сделать вывод, что связями в цепях выступают «отношения» и «потоки», причем «отношения» связывают людей или организации, а «потоки» — людей, процессы или организации. Таким образом, выделенные объекты управления и связи между ними формируют цепи в статике и цепи в динамике (табл. 1).

Как следует из содержания табл. 1, особая роль при управлении цепями любого типа отводится логистике, объектом управления которой является «поток» [18; 48].

Как было отмечено ранее, управление цепями имеет сложную структуру, включающую не только базовые объекты управления и связи между ними (см. табл. 1),

¹ Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/chain> (дата обращения: 08.01.2023).

Основные варианты цепей
Table 1. Main chain options

Объекты	Связи (определенный порядок)	
	Отношения (от)	Потоки (пт)
Люди (Лд)	Лд — от — Лд	Лд — пт — Лд
Организации (Ор)	Ор — от — Ор	Ор — пт — Ор
Процессы (Пр)	—	Пр — пт — Пр
	Цепи в статике	Цепи в динамике

Источник: разработано автором.

но и производные, более сложные объекты, находящиеся в различных и порой крайне запутанных отношениях. Можно выдвинуть гипотезу о древовидной структуре концепции управления цепями, подобно организационной структуре управления предприятием, основу которой составляют базовые объекты управления и далее на их основе формируются более сложные объекты вплоть до объектов «управление цепями» и далее «управление сетями». Аналогия концепций управления с организационной структурой управления призвана минимизировать издержки (потери упущенной выгоды) при их внедрении в цепях (сетях) различного типа.

Кроме того, можно выдвинуть предположение о том, что представленные выше концепции управления цепями прошли некую эволюцию, содержащую ряд стадий, которые сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Например, в литературных источниках излагается содержание таких близких по содержанию концепций, как «управление ценностями» [21; 34] и «управление цепями ценности»; «управление требованиями» [12; 26] и «управление цепями требований»; «управление поставками» [22; 38] и «управление цепями поставок». Очевидно, что формирование концепций управления цепи происходило по нескольким направлениям. Выявление, уточнение, дополнение данных направлений (видов управления) и установление взаимосвязей между ними в конкретной рыночной ситуации позволит использовать системный подход при внедрении интегральной концепции управления цепями на практике.

Важным аспектом формирования концепций управления цепями при их ориентации на создание ценностей для конечного потребителя продукции и/или услуг является учет трансформации одного вида ценности в другой. Данные виды предложены, в частности, Дж. Санчесом и др.: потребительская ценность до покупки (ожидаемая/желаемая) и потребительская ценность после покупки (полученная/воспринимаемая) [36]; С. Потра и М. Изверчану: желаемая ценность, создание ценности, присвоение ценности и воспринимаемая ценность [32]. Данные виды ценности формируют конкретные объекты управления цепями ценности, начиная от объекта «мысль» и заканчивая объектом «продукт и/или услуга» [45]. Последний объект обеспечивает создание воспринимаемой ценности конечного потребителя продукции и/или услуг [49], от качества которой во многом зависят последующие решения данного потребителя. Каждый объект управления цепями создания ценности формируется соответствующими только ему цепями в рамках управления характерными для него потоками ресурсов, что в недостаточной степени освещено в литературных источниках. Если допустить, что плодотворная мысль, касающаяся создания ценности, появляется у конкретного исполнителя (личности), то в соответствии с содержанием табл. 1 данный исполнитель оперирует цепями

в динамике или процессами мышления с привлечением необходимых ему ресурсов, представляющих собой потоки, распределенные во времени и пространстве, что также остается вне поля зрения исследователей.

Таким образом, изложенные выше теоретические и методические аспекты управления цепями создают основу для проведения теоретических исследований, результаты которых изложены в статье.

Достижение цели исследования предполагает использование качественных методов и, в первую очередь, метода классификаций и его основных вариантов: (а) дескрипторного метода для определения качественных признаков объектов исследования и установления взаимосвязей между ними; и (б) фасетного метода для выделения основных вариантов объекта исследования с помощью данных признаков и их дихотомий. В результате использования данных методов формируются и исследуются бинарные матрицы, широко известные среди специалистов в области стратегического менеджмента и маркетинга [1; 4; 20; 30; 35; 40].

Бинарные матрицы в отличие от других инструментов классификации отличаются большей объективностью, связанностью вариантов объекта исследования, возможностью их оптимизации за счет использования различных сочетаний классификационных признаков, а также перспективой комбинирования с другими объектами исследования. Напомним, что бинарные матрицы позволяют получить 2^x вариантов объекта, где x — количество используемых классификационных признаков.

Результаты

Различные определения термина «ценность» можно объединить в четыре базовые группы, отражающие стадии создания ценности в цепях различного типа (рис. 1).

К этим стадиям относятся: формирование желаемой ценности; определение атрибутов продукции и/или услуг, создающих данную ценность; оценка затрат на их производство и перемещение в цепях различного типа, а также платежеспособности конечного потребителя; получение желаемых ощущений и впечатлений от потребления продукции и/или услуг; а также приобретение потребителем опыта.

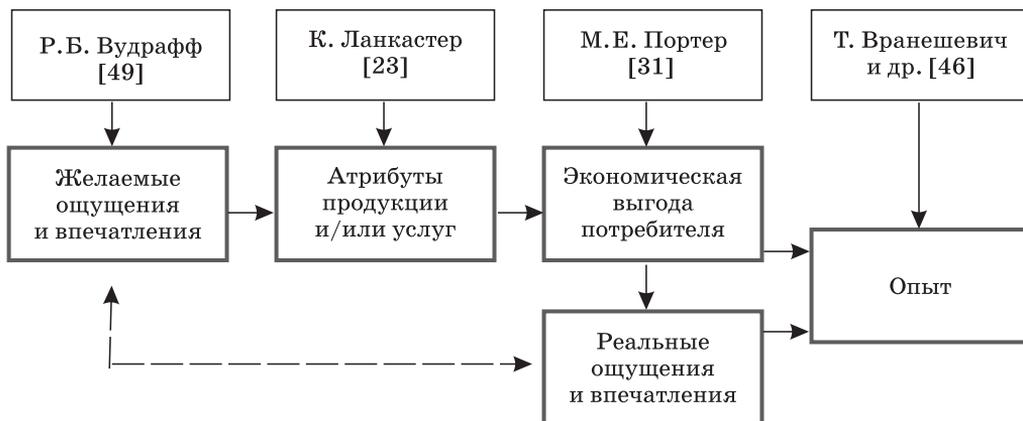

Рис. 1. Основные компоненты ценности и последовательность их стадий

Fig. 1. Key components of value and sequence of their stages

Источник: разработано автором.

Каждый из компонентов ценности отличается многообразием, что предполагает их классификацию. Основные варианты данных компонентов представлены в табл. 2.

Ощущения и впечатления конечного потребителя позволяют ему сравнить желаемую и воспринимаемую ценность, причем при комбинированных ощущениях (несколькими органами чувств) это сделать сложнее, поскольку одно негативное ощущение может нанести ущерб другим, позитивным ощущениям потребителя. В результате впечатления данного потребителя, скорее всего, будут негативными. Можно ожидать, что следствием данной ситуации будет опыт, способный нанести ущерб отношениям поставщиков и конечного потребителя продукции и/или услуг. Ценность данного потребителя определяется и регулируется атрибутами продукции и/или услуг по их количеству и качеству, которые, кроме прочего, зависят от его физического, психологического и морального состояния. При создании ценностей основное внимание должно уделяться устранению двух видов затрат: затрат, не создающих ценность [8], и затрат упущенной выгоды [17].

Информация, представленная в табл. 2, позволяет установить взаимосвязи основных компонентов ценности, концепций управления цепями (см. рис. 1) и видов ценности в соответствии со следующей схемой:

(1) «желаемые ощущения и впечатления» → «желаемая ценность» → «управление цепями формализации», реализуемое потребителем совместно с поставщиком, и/или «управление цепями новинок», реализуемое поставщиком на основе изучения ценностей потребителя;

(2) «атрибуты продукции и/или услуг» → «прототип ценности» → «управление цепями требований»;

(3) «экономическая выгода потребителя» → «управление цепями поставок» → «носитель ценности» или продукты и/или услуги, а также сопутствующие ресурсы; и

(4) «реальные ощущения и впечатления» → «управление цепями потребления» и «управление цепями обобщений» → «воспринимаемая ценность» [45].

Взаимосвязи основных компонентов ценности, концепций управления цепями и видов ценности, формирующие структуру управления цепями, представлены на рис. 2.

Информация на рис. 2, позволяет сделать следующие выводы:

(1) поскольку ценность уникальна, ее создание осуществляется в рамках управления цепями инноваций, включающим управление цепями формализации, новинок, требований и поставок. Причем последние две концепции могут быть реализованы вне управления цепями инноваций при устойчивом спросе на продукцию и услуги, уже освоенные предприятиями;

Таблица 2

Основные варианты компонентов ценности

Table 2. Key value component options

Компоненты ценности	Варианты компонентов ценности
Ощущения	Локальные, комбинированные
Впечатления	Позитивные, негативные
Опыт	Новый, скорректированный
Атрибуты продукции и/или услуг	Количественные (параметры), качественные (характеристики)
Экономическая выгода	Устранение затрат, не создающих ценности; устранение затрат упущенной выгоды

Источник: разработано автором.

(2) управление цепями потребления и обобщения целесообразно рассматривать как единую концепцию управления, поскольку при создании ценности ощущения и впечатления потребителя уже начинают обобщаться, хотя в дальнейшем могут пересматриваться, так как «поведение потребителей трудно предсказать даже экспертам в этой области» [5];

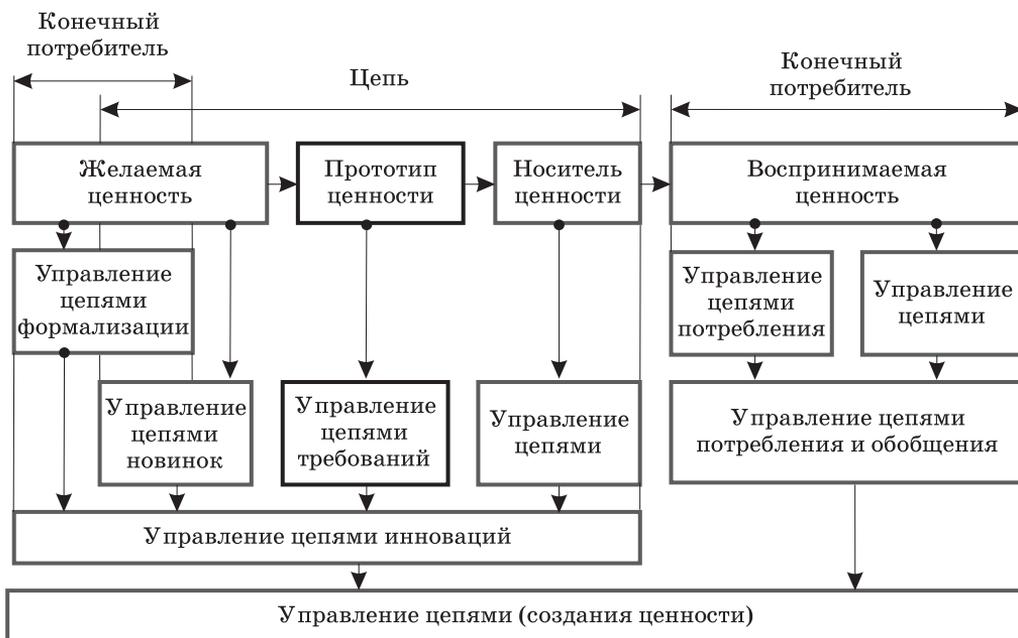

Рис. 2. Структура концепции управления цепями
 Fig. 2. Structure of chain management concept

Источник: разработано автором.

Таблица 3

Классификация базовых компонентов управления цепями и ценностей
 Table 3. Classification of basic chain management components and values

Виды цепей	Типы цепей			
	Цепи в статике (En-Re)		Цепи в динамике (Pr-FI)	
	Предприятие (En)	Отношения (Re)	Процессы (Pr)	Потоки (FI)
	Цепи инноваций (подрядчиков)			
формализации (F)	F: En	F: Re	F: Pr	F: FI
новинок (N)	N: En	N: Re	N: Pr	N: FI
требований (D)	D: En	D: Re	D: Pr	D: FI
поставок (S)	S: En	S: Re	S: Pr	S: FI
	Цепи потребления и обобщения (заказчиков)			
потребления (C)	C: En	C: Re	C: Pr	C: FI
обобщения (G)	G: En	G: Re	G: Pr	G: FI

(3) цепи формализации, потребления и обобщения являются цепями в динамике, поскольку большей частью не требуют отношений с прочими людьми или организациями;

(4) каждый вид цепи, представленный на рис. 5, предполагает использование базовых (табл. 3) и производных компонентов управления цепями.

Таким образом, представленный выше материал создает необходимые теоретические предпосылки для проектирования, формирования и оптимизации компонентов управления цепями с их последующей интеграцией и регулированием в зависимости от факторов окружающей среды.

Главной целью управления цепями является создание ценностей для конечных потребителей продукции и/или услуг. Как было отмечено ранее, на каждой стадии создается ее результат, то есть определенный вид ценности, на основе которых формируется последовательность трансформации объектов ценности при управлении цепями (рис. 3).

Информация, представленная на рис. 3, позволяет сделать вывод, что для создания и трансформации каждого объекта ценности необходимо использовать специализированную цепь, включающую характерные для нее компоненты (табл. 2). Если в процессе создания воспринимаемой ценности удастся устранить барьеры не только между несколькими специализированными цепями, но и между их компонентами, то конечный потребитель продукции и/или услуг получит дополнительную ценность, связанную с сокращением времени ее создания, что, несомненно, является важным конкурентным преимуществом. Рассмотрим перспективу решения данной задачи, ориентируясь на наименее изученные виды цепей, какими являются цепь формализации (рис. 4) и цепи потребления и обобщения.

Цепи формализации отличаются от прочих цепей тем, что они не могут гарантировать желаемый кем-либо результат. Более того, даже если кажется, что работа цепей формализации идет продуктивно, вполне возможен негативный результат с возвратом цепи к исходному объекту ценности. Данный аспект исследования предполагает необходимость работы над ошибками, что также не может гарантировать нужный результат.

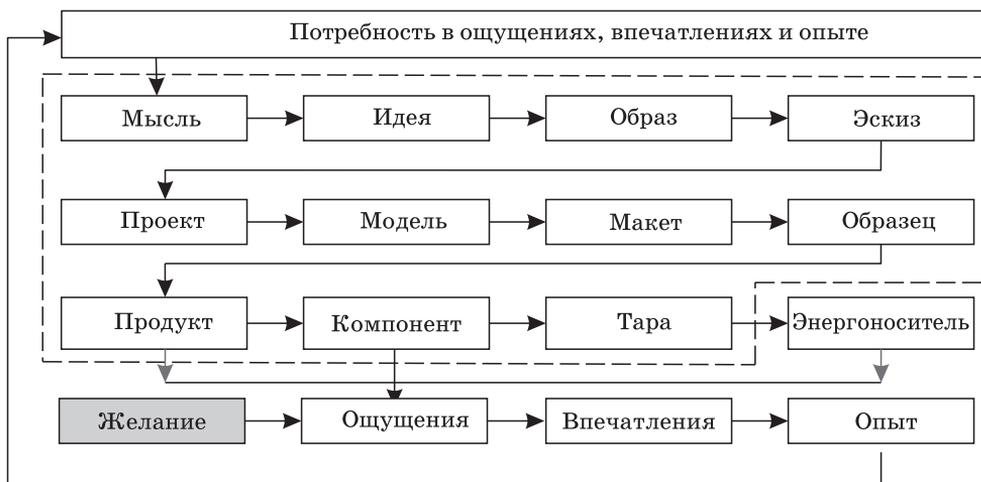

Рис. 3. Типовая последовательность трансформации объектов ценности при управлении цепями [45]

Fig. 3. Typical chain management transformation sequence of value objects

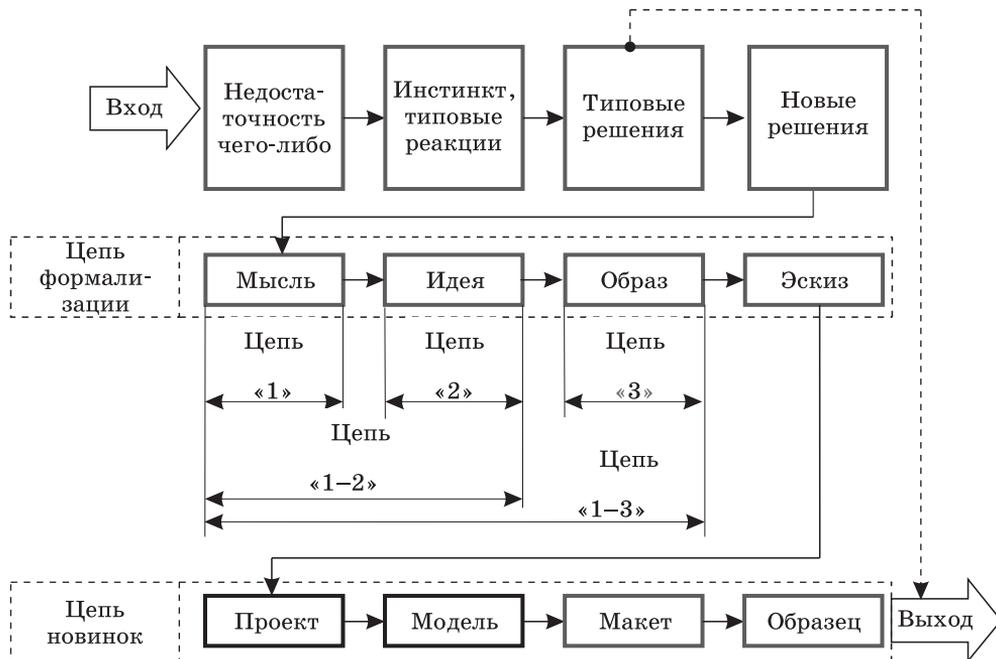

Рис. 4. Объекты управления цепями формализации и новинок, их типовая структура
 Fig. 4. Objects of control of formalization chains and new products, their typical structure

Информация, представленная на рис. 4, позволяет сделать следующие выводы:

(1) цепь формализации обеспечивает создание таких объектов ценности, как мысль, идея, образ и эскиз. Последний объект ценности позволяет переходить к управлению цепями новинок, охватывающему следующие объекты ценности: проект, модель, макет и образец;

(2) формирование цепи формализации предполагает следующую последовательность действий конечного потребителя продукции и/или услуг: (а) ощущение недостаточности чего-либо; (б) реакция потребителя на ощущаемую недостаточность на уровне инстинкта или типовых, доказавших ранее свою эффективность решений; если реакция потребителя адекватна ощущаемой недостаточности, то он может перейти к оформлению требования на известные ему продукцию и/или услуги; (в) необходимость принятия потребителем нового решения в рамках управления цепями инноваций (см. рис. 2);

(3) цепи формализации могут быть ориентированы либо на создание одного объекта ценности, например, идеи (цепь «2»), либо на создание нескольких объектов, например, мысли, идеи и образа (цепь «1-3»);

(4) как было показано ранее, цепи формализации создаются из предприятий (людей или организаций), отношений, процессов и потоков. Пример структуры цепей формализации представлен в табл. 4; и

(5) как следует из табл. 4, при создании того или иного объекта ценности цепи в статике могут не использоваться, в то время как цепи в динамике необходимы постоянно.

В отличие от цепей формализации, цепи потребления и обобщения практически всегда ведут к тому или иному результату — воспринимаемой ценности в форме ощущений, впечатлений и опыта, причем для создания воспринимаемой

ценности необходимо желание конечного потребителя продукции и/или услуг (рис. 5).

Как следует из информации рис. 5, можно предположить, что желания потребителя и его ощущения формируют цепи потребления, которых может быть несколько в случае коллективного потребления продукции или получения услуги, например, при просмотре фильма в кинотеатре. Ощущения и впечатления могут рассматриваться в рамках цепи восприятия ценности, поскольку они могут испытываться потребителем параллельно. Впечатления и опыт создают предпосылки для исследования цепей обобщения ценности, поскольку, как указывалось ранее, потребитель может пересмотреть свою точку зрения под воздействием факторов внешней и внутренней среды, например, под влиянием аргументов членов различных референтных групп.

Таблица 4

Пример структуры цепей формализации
Table 4. Example of formalization chain structure

Виды цепей	Цепи в статике		Цепи в динамике	
	Предприятие	Отношения	Процессы	Потоки
Цепь «1»	Потребитель, родственники, друзья, знакомые	Как правило, неформальные, краткосрочные	Размышления, анализ, синтез, индукция, дедукция	Информационные: вербальные и невербальные
Цепь «11»		Нет		
Цепь «1-2»	Дополнительно:			
	Ученые, специалисты, консультанты	Договорные с высокой степенью риска	Обсуждения, аргументация, критика	Информационные, финансовые, людские
Цепь «1-3»	Дополнительно:			
	Посредники, оформители, менеджеры	Экономически целесообразные	Фиксирование результата, оптимизация	Материальные

Рис. 5. Основные типы цепей потребления и обобщения
Fig. 5. Main types of consumption and generalization chains

Пример структуры цепей потребления и обобщения представлен в табл. 5.

Таблица 5

Пример структуры цепей потребления и обобщения
Table 5. Example of Consumption and Generalization Chain Structure

Виды цепей	Цепи в статике		Цепи в динамике	
	Предприятие	Отношения	Процессы	Потоки
Цепь потребления	Потребитель	Нет	Потребление продукции или получение услуги	Материальные, информационные
Цепь восприятия ценности	Дополнительно:			
	–	–	Реагирование, оценка, констатация	–
Цепь обобщения	Дополнительно:			
	Специалисты, консультанты, референтные группы	Экономически целесообразные	Информирование, аргументация	Людские, финансовые

Аналогичным образом могут быть представлены структуры цепей требований и поставок, которые изложены в литературных источниках в большей степени.

Дискуссия

Несмотря на длительную историю разработки теории и методологии управления цепями поставок, ценностей и требований, до сих пор не решен ряд актуальных проблем их эффективного использования на практике [16; 27]. В немалой степени это связано с трудностями внедрения системного подхода не только к управлению цепями однородных объектов, например, предприятий или процессов, но и к управлению гетерогенными объектами, например, процессами и предприятиями одновременно. Более того, проблемы начинают возрастать в геометрической прогрессии, если к объектам управления цепями добавляются его компоненты, такие как поставки, требования, ценности и/или новинки. В данных условиях без структурирования данных объектов и компонентов, а также без формализации задач, стоящих перед ними, рассчитывать на успех практически невозможно. И это еще не все. Если учесть ориентацию бизнеса на ценность, а мирового сообщества на концепцию устойчивости и устойчивого развития, то объективно следуют выводы о том, что: «по-прежнему существует множество проблем, связанных с внедрением устойчивых методов, и многие из них вызывают больше вопросов, чем ответов» [25]; «область устойчивого управления цепочками поставок все чаще оказывается не в ногу с последними тенденциями в области устойчивого развития бизнеса» [28].

Очевидно, что сложившиеся стереотипы исследования объектов и компонентов управления цепями различного типа на определенном этапе исчерпали себя, и необходима их корректировка. Автором предлагается матричный подход к исследованию сложных объектов управления, основанный на выборе актуальных классификационных признаков, а также дихотомий и их использовании для получения иерархически увязанной интегрированной концепции управления цепями, в которой каждый

объект и/или компонент имеет однозначный шифр, находится в четко выраженных отношениях с другими компонентами и/или объектами и может быть обработан с помощью компьютерного обеспечения. При решении данной проблемы нужно отказаться от попыток использовать существующий, далеко не идеальный набор терминов для их последующей цифровизации. Более продуктивным подходом, по мнению автора, является структуризация управления цепями по его уровням на основе указанных ранее актуальных признаков и дихотомий, и только после этого станет возможным создание полноценного компьютерного обеспечения управления в цепях различного типа. Возможна ли дискуссия по этому аспекту теории и практики управления цепями, покажет время.

Заключение

В этом году исполняется 40 лет концепции управления цепями поставок, создавшей предпосылки для формирования и развития теории и методологии управления не только цепями внутри отдельных предприятий, но и линейно упорядоченными предприятиями, ориентированными на создание ценностей для конечных потребителей продукции и/или услуг. За прошедшие годы произошел ряд крупных изменений в сфере бизнеса: зародилась и получила широкую поддержку концепция устойчивости и устойчивого развития; стали привычными информационные технологии и цифровизация объектов управления; создана новая парадигма маркетинга, связанная с созданием ценностей не только для конечных потребителей, но и собственников капитала, звеньев цепей, работников предприятий, местных сообществ и др. Эти изменения создают предпосылки для постоянной корректировки сущности и содержания концепции управления цепями поставок, которая, не теряя своей актуальности, по-прежнему должна конкретизироваться, структурироваться, уточняться и дополняться. Идея управления цепями все глубже проникает в различные сферы человеческой деятельности и остановить этот процесс невозможно. Как следует из определения термина «цепь», он распространяется не только на предприятия или процессы. Появление новых целей, задач, представлений, объектов, в том числе ценностей конечных потребителей продукции и/или услуг, предполагает создание цепей самого необычного типа, предполагающих управление потоками разнообразных ресурсов, постоянно трансформирующихся из одного вида в другой. От того, насколько эффективно управление цепями и потоками различного типа, еще не попавшими в поле зрения исследователей, зависит не только благополучие нынешнего, но и последующих поколений.

Литература/References

1. Abell D.F. Managing with Dual Strategies: Mastering the Present — Preempting the Future. New York : Simon and Schuster, 1993. 292 p.
2. AMA. American Marketing Association. Definition of Marketing [Electronic source]. URL: <https://www.ama.org/AboutAMA/Pages/Definition-of-Marketing.aspx> (accessed: 08.01.2023).
3. Anning K. S., Okyere S., Annan J. Demand chain management model: a tool for stakeholders' value creation // International Journal of Business and Social Research. 2013. Vol. 3. N 12. P. 37–47.
4. Ansoff H. I. Strategies for Diversification // Harvard Business Review. 1957. Vol. 35. P. 113–124.
5. Armstrong J. S. Prediction of Consumer Behavior by Experts and Novices // Journal of Consumer Research. 1991. Vol. 18. N 2. P. 251–256.
6. Baker S. New consumer marketing. Chicester : John Wiley & Sons, 2003. 228 p.
7. Blackhurst J., Cantor D., O'Donnell M. Sustainable Supply Chains: A Guide for Small- to Medium-sized Manufacturers [Electronic source]. URL: <https://www.hbs.edu/faculty/conferences/2015-strategy-research/Documents/Sustainable%20Supply%20Chains.pdf> (accessed: 08.01.2023).

8. Brytting T., Trollestad C. Managerial Thinking on Value-based Management // *International Journal of Value-Based Management*. 2000. N 13. P. 55–77.
9. Bustinza O.F., Parry G.C., Vendrell-Herrero F. Supply and demand chain management: the effect of adding services to product offerings // *Supply Chain Management*. 2013. Vol. 18. N 6. P. 618–629.
10. Chen H.H., Liu K.-S., Chen S.-C., Chang C.-Y. et al. An overview of workflow management system structure in the supply chain // *Australian Journal of Business and Management Research*. 2012. Vol. 2. N 4. P. 12–19.
11. Christopher M. *Logistics & Supply Chain Management*. 4th ed. Harlow, Edinburgh : Pearson Education Limited, 2011. 328 p.
12. Croxton K.L., García-Dastugue S.J., Lambert D.M. The Supply Chain Management Processes // *The International Journal of Logistics Management*. 2001. Vol. 12. N 2. P. 13–36.
13. Croxton K.L., Lambert D.M., García-Dastugue S.J., Rogers D.S. The Demand Management Process // *The International Journal of Logistics Management*. 2002. Vol. 13. N 2. P. 51–66.
14. CSCMP. Council of Supply Chain Management Professionals. CSCMP Supply Chain Management Definitions and Glossary [Electronic source]. URL: [https://cscmp.org/CSCMP/Academia/SCM_Definitions_and_Glossary_of_Terms.aspx?hkey=60879588-f65f-4ab5-8c4b-6878815ef921](https://cscmp.org/CSCMP/Academia/SCM_Definitions_and_Glossary_of_Terms/CSCMP/Educate/SCM_Definitions_and_Glossary_of_Terms.aspx?hkey=60879588-f65f-4ab5-8c4b-6878815ef921) (accessed: 08.01.2023).
15. Ericsson D. Demand management — The evolution // *ORION*. 2012. Vol. 27. N 1. P. 45–81.
16. Fawcett S.E., Magnan G.M., McCarter M.W. Benefits, barriers, and bridges to effective supply chain management // *Supply Chain Management: An International Journal*. 2008. Vol. 13. N 1. P. 35–48.
17. Gaughan P.A. *Measuring Business Interruption Losses and Other Damages*. New York : John Wiley & Sons, 2004. 528 p.
18. Gundlach G.T., Bolumole Y.A., Eltantawy R.A., Frankel R. The changing landscape of supply chain management, marketing channels of distribution, logistics and purchasing // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2006. Vol. 21. N 7. P. 428–438.
19. Harland C.M. *Supply Chain Management: Relationships, Chains and Networks* // *British Journal of Management*. 1996. N 7. Special Is.. P. 63–80.
20. Hichens R.E., Robinson S.J. The Directional Policy Matrix: Tool for Strategic Planning // *Wade Long Range Planning*. 1978. Vol. 11. P. 8–15.
21. Kelly J., Male S. *Value management // Best value in construction*. United Kingdom : Blackwell Publishing, 2006. P. 77–99.
22. Khan S.A.R., Dong Q.L., Yu Z. Research on the measuring performance of green supply chain management: in the perspective of China // *International Journal of Engineering Research in Africa*. 2016. Vol. 27. P. 167–178.
23. Lancaster K. Socially optimal Product Differentiation // *American Economic Review*. 1975. Vol. 65. N 9. P. 567–585.
24. Langabeer J.R., Rose J. *Creating Demand Driven Supply Chains*. Oxford : Chandos Publishing, 2001. 220 p.
25. Linton J.D., Klassen R., Jayaraman V. Sustainable supply chains: an introduction // *Journal of Operation Management*. 2007. Vol. 25. N 6. P. 1075–1082.
26. Melo D.C., Alcântara R.L. C.A gestão da demanda e cadeias de suprimentos: uma abordagem mais além da previsão de vendas // *Gestão&Produção*. 2011. Vol. 18. N 4. P. 1–16.
27. Msimangira K.A.B., Venkatraman S. Supply Chain Management Integration: Critical Problems and Solutions // *Operations and Supply Chain Management*. 2014. Vol. 7. N 1. P. 23–31.
28. Nieuwenhuis P., Touboulis A., Lee Matthews L. Is Sustainable Supply Chain Management Sustainable? [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/333305461_Is_Sustainable_Supply_Chain_Management_Sustainable/link/5cf4cd09a6fdcc8475002661/download (accessed: 08.01.2023).
29. Oliver R.K., Weber M.D. *Supply-chain management: Logistics catches up with a strategy // Logistics: The strategic issues*. London : 1982, Chapman & Hall. P. 63–75.
30. Patel P., Younger M. A frame of reference for strategy development // *Long Range Planning*. 1978. Vol. 11. N 2. P. 6–12.
31. Porter M. *Competitive Advantage, Creating and Sustaining Superior Performance*. New York : The Free Press, 1985. 592 p.
32. Potra S., Izvercian M. Customer Value Placed under Scrutiny: New Perspectives for an Integrative Co-creation Approach // *Proceedings of the 10th European Conference on Innovation and Entrepreneurship*. Genova, Italy, 2015. P. 555–560.

33. Ramsey J.G. The real meaning of value in trading relationships // *International Journal of Operations & Production Management*. 2005. Vol. 25. N 2. P. 549–565.
34. Rangelova F., Traykova M. Value Management in Construction Project // *First Scientific-Applied Conference with International Participation “Project Management in Construction”*. University of Architecture, Civil Engineering, and Geodesy. 2014. P. 429–434.
35. Rasiel E. M., Friga E. M. *The McKinsey Mind. Understanding and implementing the Problem-Solving Tools and Management Techniques on the World’s Top Strategic Consulting Firm*, 1st edition. New York : McGraw-Hill, 2001. 272 p.
36. Sánchez J., Callarisa L. L. J., Rodriguez R. M., Moliner M. A. Perceived value of the purchase of a tourism product // *Tourism Management*. 2006. N 27. P. 394–409.
37. Santos J. B., D’Antone S. Reinventing the wheel? A critical view of demand-chain management // *Industrial Marketing Management*. 2014. N 43. P. 1012–1025.
38. Schiele H. *Purchasing and Supply Management // Operations, Logistics and Supply Chain Management*. Germany : Springer International Publishing, 2019. P. 45–73.
39. Singh P. J., Power D. The nature and effectiveness of collaboration between firms, their customers and suppliers: a supply chain perspective // *Supply Chain Management: An International Journal*. 2009. Vol. 14. N 3. P. 189–200.
40. Stern C.W., Deimler M. S. *Boston Consulting Group on Strategy*. Hoboken, New Jersey : Wiley & Sons, Inc., 2006. 432 p.
41. Stock J., Boyer S. Developing a consensus definition of supply chain management: A qualitative study // *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*. 2009. Vol. 39. N 8. P. 690–711.
42. Strydom J. *Introduction to Marketing*. Republic of South Africa : Paarl Print, 2005. 216 p.
43. Thublier F., Hanby T., Shi Y. *Value Chain = Supply Chain + Demand Chain: New Approaches to Creating and Capturing Sustainable Value*. Cambridge: Institute for Manufacturing University of Cambridge [Electronic source]. URL: <https://www.scribd.com/document/91916025/Value-Chain-Supply-Chain-DemandChain> (accessed: 08.06.2020).
44. Tyapukhin A. P. Structure of the Chain Management Concept // *International Journal of Scientific & Engineering Research*. 2021. Vol. 12. Is. 4. P. 260–271.
45. Tyapukhin A. P., Ermakova Zh. A. Options, structure and digitalization of Value Chain Management objects // *Digital Transformation in Industry. Lecture Notes in Information Systems and Organisation*. 2021. Vol. 54. Springer, Cham. P. 373–389.
46. Vranesevic T., Vignali C., Vignali D. Consumer perception of perceived value and satisfaction in marketing management // *Journal of Food Products Marketing*. 2004. Vol. 10. N 3. P. 61–89.
47. Walters D., Rainbird M. The demand chain as an integral component of the value chain // *Journal of Consumer Marketing*. 2004. Vol. 21. N 7. P. 465–475.
48. Waters C. D. J. *Supply chain management: An introduction to logistics*. New York : Palgrave Macmillan, 2009. 511 p.
49. Woodruff R. B. Customer value: The next source for competitive advantage // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1997. Vol. 25. N 2. P. 139–153.

Об авторе:

Тяпухин Алексей Петрович, директор Оренбургского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры цифровой экономики и логистики Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оренбург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; artyapuhin@mail.ru

About the author:

Alexey P. Tyapukhin, Director of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Digital Economics and Logistics of the Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; artyapuhin@mail.ru

Моделирование системных импульсов развития онлайн-торговли в условиях пандемии COVID-19

Конников Е. А. *, Родионов Д. Г.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *konnikov.evgeniy@gmail.com

РЕФЕРАТ

Актуальность данного исследования обусловлена его спецификой — недавней пандемией коронавируса, которая затронула все сферы деятельности, включая рынок электронной коммерции. Для анализа были выбраны субъекты из топ-40 стран по рейтингу заболеваемости COVID-19, среди которых были включены как развитые страны, так и с переходной экономикой. Цель исследования состоит в математической детализации влияния коронавируса и его последствий на рынок электронной торговли. По результатам исследования были выявлены ключевые факторы, определившие размер онлайн-рынка, и описаны ключевые тенденции развития. В исследовании рассматривались две концептуальные модели, первая из которых относится к допандемийному периоду 2019 г., а вторая отражает ситуацию после и рассматривает 2021 г. В качестве факторов первого порядка были отобраны такие, как уровень ИКТ, индекс ИЧР, средний возраст населения, количество интернет-пользователей в стране, ВВП, инфляция, поддержка малого бизнеса в стране, индекс глобализации, индекс свободы прессы и присутствие международной повестки в новостях страны. Согласно прогнозу, темпы роста рынка онлайн-торговли будут стабильно сохраняться на высоком уровне и не вернуться к допандемийному уровню. Понимая влияние коронавируса на рынок электронной коммерции, субъекты рынка могут адаптировать стратегию развития, для более эффективного реагирования на изменяющиеся рыночные условия.

Ключевые слова: COVID-19, онлайн-торговля, системное развитие, комплексный анализ, регрессионный анализ

Для цитирования: Конников Е. А., Родионов Д. Г. Моделирование системных импульсов развития онлайн-торговли в условиях пандемии COVID-19 // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 60–68.

Благодарности

Работы выполнены в рамках реализации проекта «Разработка методологии формирования инструментальной базы анализа и моделирования пространственного социально-экономического развития систем в условиях цифровизации с опорой на внутренние резервы» (FSEG-2023-0008).

COVID-19 Pandemic as a Mediator of Online Commerce Development

Evgenii A. Konnikov, Dmirtii G. Rodionov*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation; *konnikov.evgeniy@gmail.com

ABSTRACT

The relevance of this study is determined by its specificity — the recent coronavirus pandemic that has affected all areas of activity, including the e-commerce market. Subjects from the top-40 countries in terms of COVID-19 infection rates were selected for analysis, including both developed countries and countries with transitional economies. The research aims to mathematically detail the influence of the coronavirus and its consequences on the e-commerce market. The study identified key factors that determined the size of the online market and described key development trends. The research considered two conceptual models, the first of which relates to the pre-pandemic period in 2019, while the second model reflects the situation after the pandemic and examines the year 2021. Factors of primary importance, such as ICT level, HDI index, average population age, number of internet users in the country, GDP, inflation, support for small business in the country, globaliza-

tion index, press freedom index, and the presence of international agenda in the country's news, were selected as first-order factors. According to the forecast, the growth rates of the online trading market will consistently remain at a high level and will not return to pre-pandemic levels. By understanding the impact of the coronavirus on the e-commerce market, market participants can adjust their development strategy for more effective response to changing market conditions.

Keywords: COVID-19, online trading, systemic development, comprehensive analysis, regression analysis

For citing: Konnikov E. A., Rodionov D. G. COVID-19 pandemic as a mediator of online commerce development // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 60–68.

Введение

Пандемия COVID-19 и ее последствия (опасения людей за свое здоровье, рост уровня безработицы, введенные ограничения, закрытие границ и пр.) оказали беспрецедентное для XXI в. влияние на трансформацию поведения потребителей.

Если смотреть на онлайн-рынок в масштабе, то данная область уже давно пребывала на стадии стагнации, периодически сменяя тренды своего развития, то в сторону замедления, то в сторону ускорения, но в целом практически не изменялась. Изменения на рынке электронной коммерции произошли во время пандемии COVID-19. Ряд ограничений, которые были наложены в рамках антиковидных мер, сузили круг возможностей для людей настолько, что пришлось искать новые пути, альтернативы для создания, поддержания и развития собственного дела и для удовлетворения собственных запросов. Данные действия повлекли ответную реакцию людей, сподвигли их прибегнуть к услугам и товарам, предлагаемым на интернет-платформах, за неимением доступа к офлайн-шопингу. Более того, цифровизация — переход бизнеса в онлайн-нишу — стала одним из трендов в развитии предпринимательства.

В рамках исследования будет проверена гипотеза о влиянии эпидемии на рынок e-commerce. На пути к своему подтверждению данная гипотеза прошла ряд этапов: соотнесение с теоретическим базисом, отбор статистической информации, необходимой для проведения исследования, структуризация найденных показателей, анализ массива с использованием программного продукта KNIME, логическое обоснование полученных результатов, построение прогнозов на их основе. Особенностью данного исследования стало расслоение исходной концептуальной модели на два периода: 2019 и 2021 гг. Цель исследования — анализ влияния коронавируса на объем онлайн-рынка в мире и отдельно в России, выявление ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие данной области.

Литературный обзор

Большинство исследований, направленных на изучение последствий пандемии 2020 г., подтверждают факт определенных «метаморфозов», повлекших изменение потребительского поведения [1; 8; 9]. Но тезис о том, что реализация товаров в физических магазинах стала не актуальной является слишком радикальным высказыванием. Рост заболеваемости в большинстве стран привел к необходимости введения дополнительных ограничительных мер, влияющих на доступ населения к офлайн-магазинам, что привело к значительному увеличению объема онлайн-покупок. Постепенное восстановление объема офлайн-продаж также отмечается рядом исследователей. Это связано с разделением приобретаемых товаров на два

вида — дополнительные и продукты первой необходимости. Привычка совершать покупки в офлайне имеет тенденцию сохраняться для дополнительных продуктов, в то время как продукты питания, они же товары первой необходимости, больше ориентированы на сбыт офлайн.

В зависимости от сложившихся условий в рассматриваемой стране до пандемии, с ее наступлением и потребителю, и производителю пришлось очень быстро перестраиваться под новые принципы экономики и переходить на онлайн-торговлю, чтобы, как и ранее, обеспечивать себя всем необходимым для собственного комфорта (в случае потребителя) и обеспечивать доход своему бизнесу (в случае производителя). Несмотря на очевидное влияние культурного аспекта на популярность интернет-торговли, прослеживается тенденция изменения потребительского поведения — люди все больше отдают свои предпочтения простому процессу оформления и покупки онлайн. Но тут стоит брать во внимание фактор среднего возраста по определенной стране. Согласно статистическим источникам, основными покупателями являются люди в возрасте от 20 до 45 лет. Поэтому можно сделать вывод о том, что в странах, где средний возраст держится на достаточно высоком уровне, степень распространения онлайн-продаж будет меньше в силу устоявшегося поведения старших возрастных групп.

При изучении особенностей развития электронной коммерции ряд авторов отмечает способность конкретных потребителей к оформлению низкостоимостных заказов. Так, до наступления пандемии рассуждения о перспективах развития онлайн-рынка в России строились совершенно в другом направлении. Отмечается, что потолок развития интернет-торговли задается числом покупателей в Интернете на фоне отсутствия прироста интернет-пользователей с 2015 г. Коронавирус же неминуемо исправил данную ситуацию застоя [6]. Data Insight — первое в России агентство, специализирующееся на исследованиях и аналитике в области Интернета. Согласно прогнозу данной компании, к 2024 г., при сохранении имеющихся темпов развития, оборот достигнет отметки в 7,2 трлн долл. (в сравнении с доковидным прогнозом в 5,6 трлн долл.)¹.

Таким образом, мировые исследования подтверждают, что пандемия COVID-19 и ее последствия оказали беспрецедентное для XXI в. влияние на трансформацию поведения потребителей. Кроме того, данная информация подтверждает актуальность проведения исследования о влиянии COVID-19 на рынок электронной коммерции на основе выявления перечня факторов, влияющих на развитие электронной коммерции в будущем.

Методы исследования

Центральным элементом в авторской модели служит рынок электронной коммерции. На него предположительно оказывают влияние 15 факторов, которые для упрощения восприятия и систематизации информации классифицированы на три группы: социальные, экономические и политические. В каждой группе были выделены наиболее значимые показатели, воздействующие на центр тяжести исследования. Важно отметить, что при построении логических связей между факторами были найдены связи как внутри групп, так и между. Более того, были зафиксированы двойные связи — факторы воздействовали друг на друга, связь была двусторонней. Полученная картина взаимосвязей приведена в концептуальной модели на рис. 1.

¹ Development forecast up to 2024 // Infoshell [Электронный ресурс]. URL: <https://infoshell.ru/blog/vliyaniye-koronavirusa-na-rynok-e-commerce> (дата обращения: 17.03.2023).

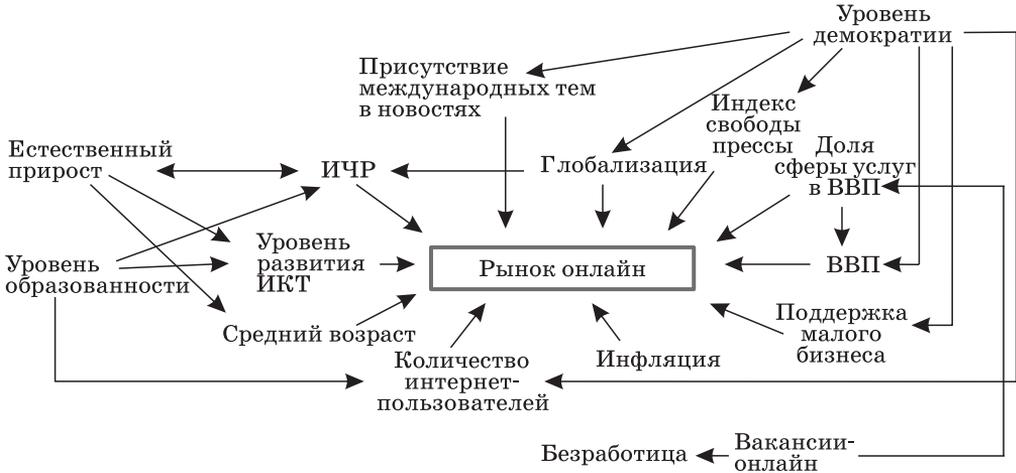

Рис. 1. Исходная концептуальная модель
 Fig. 1. Original conceptual model

В ходе построения концептуальной модели картина влияния факторов друг на друга и на центроид исследования становилась понятнее и нагляднее, благодаря чему стало возможным выделение факторов первого и второго порядка.

К факторам первого порядка относятся следующие показатели: уровень ИКТ, индекс ИЧР, средний возраст населения, количество интернет-пользователей в стране, ВВП, инфляция, поддержка малого бизнеса в стране, индекс глобализации, индекс свободы прессы и присутствие международной повестки в новостях страны. Именно эти показатели, на наш взгляд, оказывают подавляющее воздействие на рынок онлайн (табл.).

Таблица

Обозначение показателей, задействованных в уравнении
 Table. Designation of the key figures involved in the equation

<i>H</i>	Показатель	Единица измерения
<i>y</i>	Рынок электронной коммерции ¹	млрд долл.
<i>x</i> ₁	Уровень развития ИКТ ²	коэф.
<i>x</i> ₂	Индекс человеческого развития (ИЧР) ³	коэф.
<i>x</i> ₃	Присутствие международной тематики в новостях ⁴	коэф.
<i>x</i> ₄	Индекс свободы прессы ⁵	коэф.
<i>x</i> ₅	Доля сферы услуг в ВВП ⁶	%
<i>x</i> ₆	Поддержка малого бизнеса ⁷	коэф.
<i>x</i> ₇	Инфляция ⁸	коэф.
<i>x</i> ₈	ВВП ⁹	млрд долл.
<i>x</i> ₉	Число пользователей в Интернете ¹⁰	%
<i>x</i> ₁₀	Средний возраст ¹¹	лет
<i>x</i> ₁₁	Индекс глобализации ¹²	коэф.

<i>H</i>	Показатель	Единица измерения
<i>k</i>	Естественный прирост (убыль) ¹³	%
<i>n</i>	Уровень образованности населения ¹⁴	коэф.
<i>z</i>	Уровень безработицы ¹⁵	%
<i>l</i>	Уровень демократии ¹⁶	коэф.
<i>m</i>	Количество online-вакансий ¹⁷	коэф.

Источники: ¹E-commerce [Электронный ресурс]. URL: <https://constanta.co/news/20190108-e-commerce-v-tsifrahk>; ²ICT rating [Электронный ресурс]. URL: <https://torise.ru/ict-reyting-stran-2019/>; ³Индекс человеческого развития по странам [Электронный ресурс]. URL: <https://theworldonly.org/index-chelovecheskogo-razvitiya-po-stranam/>; ⁴Google trends [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.ru/trends/>; ⁵Press Freedom Index [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/worldwide-press-freedom-index/>; RSF Report [Электронный ресурс]. URL: <https://rsf.org/en/index?year=2019>; ⁶Share of services in GDP [Электронный ресурс]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Share_of_services/; ⁷Google trends [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.ru/trends/>; ⁸Global Database of Inflation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/research/brief/inflation-database>; ⁹GDP [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; ¹⁰Internet usage worldwide — Statistics & Facts [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/topics/1145/internet-usage-worldwide/>; ¹¹Median Age [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/median-age>; ¹²Globalization Index Ranking [Электронный ресурс]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/kof_overall_glob/; Globalization Index Countries List [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/globalization-index/>; ¹³Natural increase (decrease) [Электронный ресурс]. URL: <https://data.un.org/Data.aspx?d=PopDiv&f=variableID%3A142>; ¹⁴Education Index Country List [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/education/>; GtMarket [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/>; ¹⁵Unemployment Level [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f364e82a-63721687-1cd44ecc-74722d776562/; ¹⁶Democracy Fund [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/democracyfund/sites/www.un.org.democracyfund/files/democracy_index_2019.pdf; ¹⁷Google trends [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.ru/trends/> (дата обращения 25.02.2023).

Учитывая специфику и тематику нашего исследования, для анализа были выбраны субъекты из топ-40 стран из рейтинга по заболеваемости COVID-19. Именно эти страны в большей мере испытали влияние пандемии, следовательно, являются наиболее показательными и интересными со статистической точки зрения. Стоит предположить, что и наибольший отклик эпидемии нашелся в этих же странах, а значит, по данной выборке стран можно будет сделать вывод о последствиях пандемии. В данный список входят развитые, развивающиеся и страны с переходной экономикой.

В ходе проведения исследования было выявлено, что концептуальную модель необходимо разделить на две в зависимости от периода времени: модель 2019 г., отражающую картину до пандемии, и модель 2021 г., показывающую ситуацию после. Указанная на рис. 1 модель является общей, но в дальнейшем особенности каждого из двух периодов времени рассмотрены отдельно.

Результаты

Рассмотрим вид концептуальной модели за 2019 г. (рис. 2).

При проверке концептуальной модели влияние большей части предполагаемых факторов на развитие онлайн-рынка оказалось неподтвержденным. К подтвержденным связям относятся следующие:

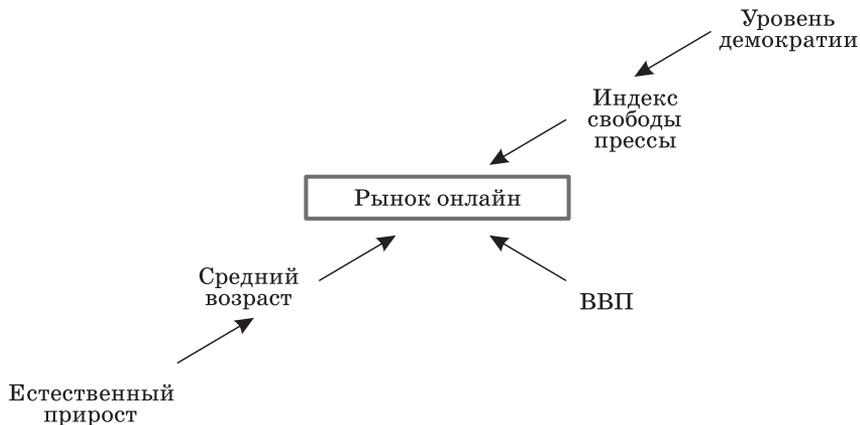

Рис. 2. Концептуальная модель 2019 г.
Fig. 2. 2019 conceptual model

$$\left\{ \begin{array}{l} y = 36,9 - 2,96x_4 + 0,016x_8 + 4,9x_{10}; \\ x_4 = 9,5 + 8,4l; \\ x_{10} = 42 - l. \end{array} \right.$$

Дисперсия первого уравнения описана на 54%, при этом ошибка аппроксимации равна 892%. Коэффициент детерминации второго уравнения 83%, вероятность ошибки равна 7,8%. Коэффициент детерминации третьего уравнения 88%, вероятность ошибки равна 5%.

Исходя из первого уравнения, можно сделать вывод, что на развитие показателя онлайн-продаж, исследуемого центроида, влияют следующие показатели: индекс свободы прессы, ВВП, средний возраст населения страны. Подтверждается и предположение о влиянии уровня демократизации на индекс свободы прессы, который, в свою очередь, влияет на центроид. Также верно, что вторичный показатель естественного прироста влияет на средний возраст населения страны. Однако данные факторы уже являются вторичными по отношению к ранее выделенным.

Обратимся к виду концептуальной модели за 2021 г. (рис. 3). Составим уравнения для подтвержденных связей:

$$\left\{ \begin{array}{l} y = -27,24 + 21,89x_1 - 2,09x_9 + 0,05x_8; \\ x_1 = 7,4 - 0,96k; \\ x_9 = 13,85 + 82,59n; \\ x_1 = -3,46 + 13,11n. \end{array} \right.$$

Дисперсия y главного уравнения описана на 96%, при этом ошибка аппроксимации равна 257%. Коэффициент детерминации второго уравнения 12%, вероятность ошибки равна 19%. Коэффициент детерминации третьего уравнения 42%, вероятность ошибки равна 11%. Коэффициент детерминации четвертого уравнения 79%, вероятность ошибки равна 9%.

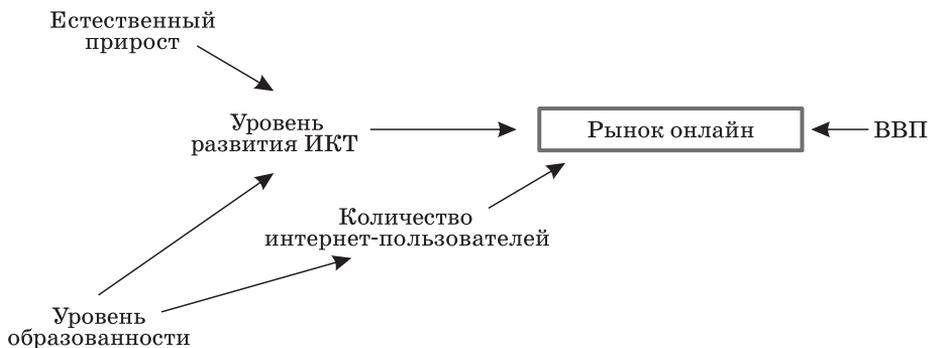

Рис. 3. Концептуальная модель 2021 г.

Fig. 3. 2021 conceptual model

Обсуждение

Исходя из полученных результатов, следует, что изменения, вызванные коронавирусом, привнесли «смену парадигм»: если в 2019 г. объем онлайн-рынка формируется под воздействием таких факторов, как средний возраст, уровень свободы прессы, ВВП, то в 2020 г. на смену первым двум приходят количество интернет-пользователей и уровень развития ИКТ. Это свидетельствует о том, что пандемия отодвигает на второй план возрастной фактор, так как переход многих сфер в онлайн фундаментально затрагивает многие сферы, что повлекло «перетекание» покупателей практически всех возрастов в интернет-платформы, и фактор возраста уже не является столь значительным. Теперь среди ключевых фигурируют количество пользователей интернета и уровень ИКТ, именно эти показатели отражают реальный объем и перспективы в развитии онлайн-торговли.

Исследователи и бизнесмены пока могут только прогнозировать, какие из вновь появившихся моделей поведения клиентов останутся в постковидном периоде. Однако можно однозначно утверждать, что постоянный анализ изменения привычек и ситуаций потребления, а также быстрое реагирование на них станет ключевым фактором успеха для всех игроков рынка (производителей, розничных сетей, интернет-магазинов и пр.) [2]. Полученные в рамках данного исследования модели доказывают, что в постковидном пространстве потребительский фактор «возраста» уходит на дальний план, то есть нужно углублять исследования по изучению потребительского поведения, выходя за «возрастные» рамки.

Еще в 2011 г. Рей Нартс утверждал, что изменения в поведении потребителей и цифровизация — это ключевые факторы для развития сферы розничной торговли. Но тогда это была долгосрочная перспектива. Данное мнение также было обозначено в ряде исследований [4; 5]. Изменившаяся концептуальная модель 2021 г. по сравнению с 2019 г. лишь доказывает данную гипотезу, ведь на первый план действительно выходит такой фактор, как уровень развития ИКТ. Говоря о динамике развития рынка-онлайн, смело можно сделать следующий вывод: за последние пару лет произошел большой скачок, нежели за последние два десятилетия [7].

Исходя из полученных результатов, можно отметить, как с приходом пандемии в обществе происходит смена сознания — то, что ранее присутствовало в жизни людей в качестве стороннего второстепенного фактора, становится ключом к продолжению своей деятельности и дальнейшему развитию. Вместе с тем меняется и отношение людей к онлайн-покупкам — повышается уровень доверия и уровень распространенности данного вида шоппинга.

В целом большинство докоронавирусных исследований, рассмотренных в теоретическом базисе, может быть подтверждено полученной моделью 2019 г. Как отмечалось ранее, в некоторых исследованиях отмечалось, что объем онлайн-рынка зависел от множества социально-экономических факторов, характеризующих положение субъекта, среди которых в том числе и фигурировали показатели среднего возраста, уровня демократии, свободы прессы и др. [3].

В новых реалиях эти факторы уходят на второй план, что отражается в полученных результатах на рис. 3. Классический портрет интернет-покупателя претерпевает некоторые изменения. Если же говорить о постковидном периоде, то здесь полученные результаты полностью коррелируют с вышеприведенным исследованием Data Insight¹. Действительно, среди ключевых факторов фигурирует количество интернет-пользователей и развитие ИКТ (мобильного рынка, формата работы), именно они теперь диктуют объем интернет-торговли. Также был отмечен рост объема приобретаемых смартфонов в 2020 г., что соотносится с увеличением численности новых пользователей интернета. Отмеченное ранее повышение уровня доверия к онлайн-платформам также ложится в основу для увеличения количества интернет-пользователей.

Заключение

В рамках данного исследования была выдвинута гипотеза о влиянии коронавируса на онлайн-рынок. По итогам количественного анализа были сделаны выводы, на основании которых были выделены социально-экономические факторы, теоретически влияющие на объем интернет-рынка того или иного государства. Была получена концептуальная модель, отражающая все взаимосвязи между центроидом исследования, — онлайн-рынком и выделенными факторами, а также установлены первичные и вторичные факторы. Далее, в силу специфики данного исследования, исходная концептуальная модель разделилась на две модели в зависимости от рассматриваемого периода: модель 2019 г., отражающая ситуацию «до», и модель 2021 г., показывающая картину «после».

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что пандемия, а точнее меры борьбы с COVID-19, определенно привнесли изменения в область интернет-бизнеса, ускорив его развитие в разы, сменив темп его развития на прогрессивный.

Литература/References

1. Galhotra B., Dewan A. Impact of COVID-19 on digital platforms and change in E-commerce shopping trends // 2020 fourth international conference on I-SMAC (IoT in social, mobile, analytics and cloud) (I-SMAC). IEEE, 2020. P. 861–866. DOI: 10.1109/I-SMAC49090.2020.9243379.
2. Goswami S., Chouhan V. Impact of change in consumer behaviour and need prioritisation on retail industry in Rajasthan during COVID-19 pandemic // Materials Today: Proceedings. 2021. Vol. 46. P. 10262–10267. DOI: 10.1016/j.matpr.2020.12.073.
3. Hassen H., Abd Rahim N. H., Shah A. Analysis of models for e-commerce adoption factors in developing countries // International Journal on Perceptive and Cognitive Computing. 2019. Vol. 5. N 2. P. 72–80. DOI: 10.31436/ijpcc.v5i2.100.
4. Kumar V., Ayodeji O. G. E-retail factors for customer activation and retention: An empirical study from Indian e-commerce customers // Journal of Retailing and Consumer Services. 2021. Vol. 59. P. 102399. DOI: 10.1016/j.jretconser.2020.102399.
5. Lee P. M. Behavioral model of online purchasers in e-commerce environment // Electronic Commerce Research. 2002. Vol. 2. P. 75–85. DOI: 10.1023/A:1013340118965.
6. Liu G. et al. An empirical study on response to online customer reviews and E-commerce sales:

¹ Development forecast up to 2024 // Infoshell [Электронный ресурс]. URL: <https://infoshell.ru/blog/vliyanie-koronavirusa-na-riнок-e-commerce> (дата обращения: 17.03.2023).

- from the mobile information system perspective //Mobile Information Systems. 2020. Vol. 2020. P. 1–12. DOI: 10.1155/2020/8864764.
7. Luo X., Wang Y., Zhang X. E-Commerce development and household consumption growth in China // World Bank Policy Research Working Paper. 2019. N 8810.
 8. Rodionov D. et al. Impact of COVID-19 on the Russian labor market: comparative analysis of the physical and informational spread of the coronavirus //Economies. 2022. Vol. 10. N 6. P. 136. DOI: 10.3390/economies10060136.
 9. Terenteva D. et al. Measuring the Level of Responsible Consumption Influenced by the Digital Environment: A Case Study of University of Barcelona and Bielefeld University Students // Information. 2023. Vol. 14. N 2. P. 73. DOI: 10.3390/info14020073.

Об авторах:

Конников Евгений Александрович, доцент Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; konnikov.evgeniy@gmail.com

Родионов Дмитрий Григорьевич, директор Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; drodionov@spbstu.ru

About the authors:

Evgenii A. Konnikov, Associate Professor of the Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Science (Economic Sciences); konnikov.evgeniy@gmail.com

Dmirtii G. Rodionov, Director of the Graduate School of Industrial Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic Sciences), professor; drodionov@spbstu.ru

Новые возможности и новые вызовы для участников ВЭД, возникающие в процессе цифровизации системы электронного документооборота ФТС России

Аргатов М. А. *, Десятниченко О. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *margatov-17@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью улучшения системы электронного документооборота между таможенными органами и участниками ВЭД. В настоящее время использование цифровых технологий в деятельности таможенных органов становится все более популярным и актуальным. Использование цифровых технологий в системе электронного документооборота открывает множество новых функций для участников ВЭД и ФТС России, таких как ускорение процесса обмена документами, автоматизация процесса обработки документов, повышение безопасности обмена документами. В этой связи, анализ процесса предоставления необходимых документов и (или) сведений участником ВЭД представляет особый интерес, потому что на текущий момент документооборот ведется преимущественно в бумажном виде. **Цель исследования** — провести анализ процесса проведения проверочных мероприятий таможенными органами, предоставления необходимых документов и (или) сведений участником ВЭД, выявить возникающие проблемы и разработать рекомендации по их устранению. **Задачи** исследования: дать оценку нововведениям в области таможенного декларирования, рассмотрения обращений о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларации на товары, после выпуска товаров, а также проведения таможенного контроля в форме проверки документов и (или) сведений по инициативе таможенного органа; определить ключевые преимущества и проблемы текущего положения документооборота; предложить пути решения эффективности и совершенствования системы электронного документооборота. **Методы** исследования: было проанализировано текущее состояние системы электронного документооборота, в том числе были установлены проблемные вопросы. Метод синтеза позволил продемонстрировать необходимость увеличения эффективности системы электронного документооборота, так как он используется во многих процессах в сфере таможенного дела. Методология моделирования позволила предложить пути решения проблемных вопросов текущего состояния системы электронного документооборота и направления совершенствования данных процессов в рамках рассматриваемой темы. Ключевыми проблемами системы электронного документооборота являются: нештатные ситуации, вследствие которых не представляется возможным просматривать документы в электронном формате, задержки, утеря документов, перебои в работе АО «Почта России» при работе с бумажными документами, неудобство работы с большим объемом бумажных документов, большие сроки проведения таможенного контроля. Перспективными решениями данных проблем являются: внести изменения в международные договоры и акты в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании, внедрить всероссийскую информационную систему, которая могла бы как обслуживать процесс электронного декларирования, внедрение возможности направления таможенным органом запроса о представлении документов и (или) сведений в электронном виде после выпуска товаров в специальном программном средстве, расширение функционала личного кабинета участника ВЭД.

Ключевые слова: электронный документооборот, информационные системы, запрос о предоставлении документов и (или) сведений, личный кабинет участника ВЭД

Для цитирования: Аргатов М. А., Десятниченко О. Ю. Новые возможности и новые вызовы для участников ВЭД, возникающие в процессе цифровизации системы электронного документооборота ФТС России // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 69–81.

New Opportunities and New Challenges for Foreign Trade Participants Arising In the Process of Digitalization of the Electronic Document Management System of the Federal Customs Service of Russia

Mikhail A. Argatov, Olesya Yu. Desyatnichenko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; *margatov-17@edu.ranepa.ru

ABSTRACT

The relevance of the topic of the article is due to the need to improve the electronic document management system between customs authorities and foreign trade participants. Currently, the use of digital technologies in the activities of customs authorities is becoming increasingly popular and relevant. The use of digital technologies in the electronic document management system opens up many new functions for participants of the foreign economic activity and the Federal Customs Service of Russia, such as speeding up the document exchange process, automating the document processing process, and improving the security of document exchange. In this regard, the analysis of the process of providing the necessary documents and (or) information by the foreign trade participant is of particular interest, because at the moment the document flow is mainly in paper form. The purpose of the study is to analyze the process of carrying out verification measures by customs authorities, providing the necessary documents and (or) information by foreign trade participants, identify emerging problems and develop recommendations for their elimination. Objectives of the study: to assess innovations in the field of customs declaration, consideration of applications for amendments (additions) to the information declared in the goods declaration after the release of goods, as well as customs control in the form of verification of documents and (or) information on the initiative of the customs authority; to identify the key advantages and problems of the current state of document flow; to propose ways to solve the efficiency and improvement of the electronic document management system. Research methods: the current state of the electronic document management system was analyzed, including problematic issues were identified. The synthesis method made it possible to demonstrate the need to increase the efficiency of the electronic document management system, since it is used in many processes in the field of customs. The modeling methodology allowed us to propose ways to solve problematic issues of the current state of the electronic document management system and directions for improving these processes within the framework of the topic under consideration. The key problems of the electronic document management system are: abnormal situations, due to which it is not possible to view documents in electronic format, delays, loss of documents, interruptions in the work of JSC "Russian Post" when working with paper documents, the inconvenience of working with a large volume of paper documents, long periods of customs control. Promising solutions to these problems are: to amend international treaties and acts in the field of customs regulation and legislation of the member states on customs regulation, to introduce an All-Russian information system that could both serve the process of electronic declaration, the introduction of the possibility of sending a request by the customs authority for the submission of documents and (or) information in electronic form after the release of goods in a special software tool, the expansion of the functionality of the Personal account of the foreign trade participant.

Keywords: electronic document management, information systems, request for submission of documents and (or) information, personal account of a foreign trade participant

For citing: Argatov M. A., Desyatnichenko O. Y. New Opportunities and New Challenges for Foreign Trade Participants Arising In the Process of Digitalization of the Electronic Document Management System of the Federal Customs Service of Russia // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 69–81.

Введение

Федеральная таможенная служба России (далее — ФТС России) представляется наиболее технологически продвинутым сегментом среди других государственных органов, исходя из анализа использования программного обеспечения и существующих баз данных.

Внедрение цифровизации является важным фактором совершенствования работы государственных органов, в том числе и ФТС России [12, с. 44]. Важность цифровизации процессов в области таможенного администрирования отмечает и Всемирная таможенная организация, которая под лозунгом «Цифровизация таможи: эффективное взаимодействие» модернизирует работу таможенных органов и обеспечивает комфортное совершение таможенных операций, повышает качество предоставленных таможенных услуг и снижает временные затраты таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД) [16, с. 98].

Обзор литературы

В работе Е. А. Федоровой приводятся основные направления цифровизации деятельности ФТС России, представленные на рис. [7, с. 8; 22, с. 129].

В работе Ю. Б. Костровой, А. В. Паньковой отмечается, что использование цифровых таможенных технологий облегчает труд участников ВЭД, сокращая число документов в бумажном виде. Электронный документооборот дает возможность увеличить эффективность таможенного декларирования при получении в электронном виде необходимых документов и сведений заранее, что создает полный контроль в системе анализа рисков и применения норм таможенного законодательства для всех участников ВЭД [2, с. 28; 6, с. 53; 13, с. 136;].

В работе Д. Н. Липунова, М. А. Муравьевой также подтверждается тезис об эффективности цифровизации деятельности ФТС России: «обеспечив взаимо-

Реализованные к 2020 году	Планируемые к 2030 году
Создание электронных таможен и центров электронного декларирования	Применение искусственного интеллекта
Создание личного кабинета участника ВЭД	Оценка уровня риска каждой товарной партии в режиме реального времени
Автоматизация системы управления рисками	Создание интеллектуального пропуска
Автоматизация регистрации деклараций и технология автовыпуска товаров	Электронное межведомственное взаимодействие на территории ЕАЭС
Создание единого лицевого счета плательщика	Семантическая сверка электронных разрешительных документов

Рис. Основные направления цифровизации деятельности ФТС России
Fig. The main directions of digitalization of the activities of the Federal Customs Service of Russia

действие всех структур таможенной системы, мобильность, оперативность, гласность, обоснованность принимаемых решений и соответствующих действий, информационные технологии существенно повышают качество таможенных услуг» [15, с. 43].

Работы Ю. Б. Костровой, А. В. Паньковой, Ю. И. Асметкиной, Е. А. Гирдо посвящены в том числе уже существующей практике электронного взаимодействия между участниками ВЭД и таможенными органами в части межведомственного электронного взаимодействия (принцип «единого окна» для участников ВЭД). Однако в вышеупомянутых работах утверждается, что существуют определенные изъяны во взаимодействии таможенных органов и участников ВЭД. Проанализировав работы, посвященные данному взаимодействию, мы выявили, что существует необходимость сокращения бумажного документооборота [1, с. 19; 3, с. 23; 5, с. 151; 8, с. 95; 11, с. 5; 13, с. 136].

Материалы и методы

В ходе исследования было проанализировано текущее состояние системы электронного документооборота, в том числе были установлены проблемные вопросы. Метод синтеза позволил продемонстрировать необходимость увеличения эффективности системы электронного документооборота, так как он используется во многих процессах в сфере таможенного дела. Это и таможенный контроль до выпуска товаров, и проверка документов и (или) сведений при рассмотрении обращений о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларации на товары (далее — ДТ), и таможенный контроль после выпуска товаров по инициативе таможенного органа.

В свою очередь методология моделирования позволила предложить пути решения проблемных вопросов текущего состояния системы электронного документооборота и направления совершенствования данных процессов в рамках рассматриваемой темы. Основная цель повышения эффективности системы электронного документооборота — сократить бумажный документооборот. Так, в исследовании смоделирована усовершенствованная система электронного документооборота, которая позволит ускорить и упростить обмен документами между таможенными органами и участниками ВЭД.

В целом эффективный документооборот является ключевым фактором для успешной внешнеэкономической деятельности. Поэтому необходимо уделять достаточное внимание этому вопросу и использовать все возможные средства и технологии для его решения. Тем самым были установлены и выделены значимые аспекты, которые могут позволить улучшить взаимодействие таможенных органов и участников ВЭД.

К материалам исследования можно отнести научные исследования российских авторов, посвященные проблемам системы электронного документооборота в деятельности таможенных органов. Работы Д. Н. Липуновой, М. А. Муравьевой, Ю. Б. Костровой, А. В. Паньковой, Ю. И. Асметкиной, Е. А. Гирдо, А. В. Бондарева, А. В. Кугий, М. Р. Закаряна, О. М. Самохваловой, Э. К. Енза, О. И. Швайка и др. помогли комплексно изучить теоретические аспекты, а также сформулировать проблемы функционирования системы электронного документооборота в деятельности таможенных органов, а также найти пути решения этих проблем. Кроме того, в ходе исследования в качестве материалов использовались нормативно-правовые документы в сфере таможенного законодательства: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ, Решение Коллегии ЕЭК от 10.12.2013 № 289 и др.

Результаты исследования

Необходимо проанализировать процесс подачи участниками ВЭД обращений о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, заявленные в декларации на товары (далее — ДТ) в соответствии с Решением Коллегии ЕЭК от 10.12.2013 г. № 289¹. Так, автором А. В. Бондаревым описан недостаток правового регулирования таможенного декларирования в электронной форме. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 95 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ² (далее — Федеральный закон) и п. 3 ст. 104 ТК ЕАЭС³ таможенное декларирование осуществляется в электронной форме [10, с. 37]. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 112 ТК ЕАЭС при наличии разрешения таможенного органа можно скорректировать таможенную декларацию путем подачи мотивированного обращения в электронной или бумажной форме. Из этого следует, что положения статьи 95 Федерального закона и п. 3 ст. 104 ТК ЕАЭС теряют смысл, поскольку декларирование осуществляется уже как в электронной, так и в бумажной форме.

Так, А. В. Бондаревым предложен вариант внесения изменений в ст. 112 ТК ЕАЭС, результатом чего будет установлена только электронная форма подачи обращения декларанта о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, заявленные в ДТ (далее — Обращение) [4, с. 124].

На основании анализа процесса подачи участниками ВЭД Обращений автором выявлена проблема в части оперативного взаимодействия таможенного органа и участников ВЭД, а именно проведения таможенного контроля в форме проверки документов и (или) сведений после выпуска товаров в соответствии с положениями ст. 326 ТК ЕАЭС и Порядка проведения проверки документов и сведений после выпуска товаров и (или) транспортных средств, утвержденного приказом ФТС России от 25.08.2009 № 1560⁴.

Особенно актуальна эта проблема после событий 10.04.2023. В результате хакерской атаки была парализована Единая автоматизированная информационная система таможенных органов (далее — ЕАИС ТО) и, как следствие, осуществлять таможенные операции, в том числе таможенное декларирование товаров по всей России, не представлялось возможным⁵. ЕАИС ТО была подвергнута внешнему воздействию во всех таможенных органах Российской Федерации, в том числе в таможнях Северо-Западного таможенного управления, в частности в Северо-Западной электронной таможне.

На текущий момент деятельность таможенных органов частично переведена на бумажный режим работы. Данные неудобства особенно остро затрагивают рассмотрение Обращений. Согласно ч. 4 ст. 108 Федерального закона срок рассмотрения таможенным органом обращения декларанта о внесении изменений (дополнений)

¹ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10.12.2013 № 289 «О внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларации на товары, и признании утратившими силу некоторых решений комиссии Таможенного союза и Коллегии евразийской экономической комиссии».

² Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (ред. от 29.05.2019, с изм. от 10.01.2006) (прил. № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза).

⁴ Приказ ФТС России от 25.08.2009 № 1560 «Об утверждении Порядка проведения проверки документов и сведений после выпуска товаров и (или) транспортных средств».

⁵ См.: Подробности о хакерской атаке на российскую таможню [Электронный ресурс]. URL: <https://ecomhub.ru/podrobnosti-o-hakerskoj-atake-na-rossijskuyu-tamozhnyu/> (дата обращения: 26.09.2023).

в сведения, указанные в декларации на товары, после их выпуска и принятия решения о возможности внесения изменений (дополнений) в сведения, указанные в декларации на товары, не может превышать 30 календарных дней со дня регистрации обращения.

Согласно п. 12 Порядка внесения изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларации на товары (далее — Порядок), утвержденного Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10.12.2023 № 289, для внесения изменений (дополнений) в сведения, заявленные в ДТ, после выпуска товаров декларантом представляются следующие документы:

- 1) обращение;
- 2) надлежащим образом заполненная корректировка декларации на товары;
- 3) электронный вид корректировки декларации на товары;
- 4) документы, подтверждающие вносимые изменения (дополнения) в сведения, заявленные в ДТ;
- 5) декларация таможенной стоимости;
- 6) документы и (или) сведения, подтверждающие уплату таможенных платежей.

Соответственно, ввиду невозможности просмотра электронного вида ДТ и необходимых документов, таможенному органу в целях рассмотрения Обращения необходимо иметь вышеупомянутые документы в бумажном виде.

Однако согласно п. 12 Порядка, обязательно должен быть электронный вид КДТ. Так, появляется проблема ее предоставления совместно с Обращением. Вопрос: как предоставить электронный вид КДТ, если ЕАИС ТО не функционирует в полной мере? Видится только один вариант: на внешних носителях — диски, флеш-накопители и иные внешние носители, что доставляет неудобства.

Таким образом, для полноценного рассмотрения Обращения таможенный орган должен иметь необходимые документы в бумажном виде, а также электронный вид КДТ на внешнем носителе согласно п. 12 Порядка. При этом, Обращения должны быть рассмотрены не позднее, чем в 30-дневный срок, согласно Федеральному закону. Здесь могут также возникнуть проблемы при отправке декларантом вышеупомянутых документов с помощью почтового оператора АО «Почта России», например, задержки, утеря документов, перебои в работе АО «Почта России», доставка из дальних регионов, что может сказываться на сроках доставки.

Данные процессы с частичным бумажным переходом в деятельности таможенных органов, безусловно, не корреспондируются с положениями Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г. (далее — Стратегия, Стратегия развития до 2030 года)¹, [9; 18, с. 188; 23, с. 29]. Стратегия должна обеспечить улучшение и повышение эффективности деятельности ФТС России путем внедрения цифровых технологий, в том числе, применения искусственного интеллекта [9; 18, с. 188; 23, с. 29; 25, с. 452]. Однако в связи с вышеизложенной нештатной ситуацией, деятельность таможенных органов существенно затруднена, и отсутствие оперативного взаимодействия в электронном формате и декларантами существенно влияет на качество предоставляемых услуг таможенными органами.

Отсутствие отдельной системы электронного документооборота с использованием цифровых технологий также сказывается на качестве проведения таможенного контроля после выпуска товаров в форме проверки документов и (или) сведений. Так, в ходе проведения проверочных мероприятий таможенным органом направляется соответствующий запрос о необходимости предоставления документов и сведений в адрес участника ВЭД в бумажной форме. В запросе указан перечень документов, которые участник ВЭД должен предоставить, и сроки.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года».

Так, на практике участники ВЭД могут не получать данные письма таможенных органов как сознательно, так и по причине не всегда качественной работы почтового оператора АО «Почта России». Кроме того, может произойти игнорирование писем участниками ВЭД, ошибки в делопроизводстве компании, отпуск или болезнь сотрудников и т. д. Тогда таможенный орган должен направлять повторные запросы в адрес участников ВЭД, пока не будет информации о том, что участник ВЭД получил данное письмо.

При этом в соответствии со ст. 340 ТК ЕАЭС максимальный срок, на который может продлеваться представление документов и (или) сведений, не должен превышать 2 мес., а сам таможенный контроль может проводиться в течение периода нахождения товаров под таможенным контролем, т. е. 3 года.

Ответственность за непредставление в установленный таможенным органом срок документов и сведений, необходимых для проведения таможенного контроля, установлена ч. 3 ст. 16.12 КоАП России¹, но ответственность за данное правонарушение наступает только в том случае, если у таможенного органа имеется информация о том, что участнику ВЭД вручено письмо таможенного органа о запросе документов и (или) сведений.

При этом непредставление документов и (или) сведений влечет предупреждение или наложение административного штрафа на юридических лиц — от 50 до 300 тыс. руб., в то время как сумма доначисленных и довысканных таможенных платежей может составлять миллионы рублей.

Соответственно, одним из вариантов для участников ВЭД может быть как игнорирование писем таможенных органов, не получая их на «Почте России», так и просто не предоставлять ответ на запрос, в то время как таможенный орган не имеет возможности проводить таможенный контроль без документов и (или) сведений и также производить процессуальные действия в отношении участников ВЭД.

В случае, если выявлен факт получения письма участником ВЭД, таможенным органом возбуждается дело об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 16.12 КоАП России, но у таможенного органа отсутствует возможность проведения таможенного контроля. Так, проверочные мероприятия затягиваются, а срок таможенного контроля (3 года) может подойти к концу.

Таким образом, существует проблема проведения оперативного таможенного контроля в форме проверки документов и (или) сведений после выпуска товаров в связи с невозможностью получения представления документов и (или) сведений от участника ВЭД по вышеизложенным причинам.

Причиной такой проблемы является отсутствие системы электронного документооборота между декларантами и таможенными органами, когда речь идет о таможенном контроле после выпуска товаров в форме проверки документов и (или) сведений. При этом такая возможность есть при таможенном контроле до выпуска товаров, когда таможенный орган запрашивает документы, а участник ВЭД их представляет в ЕАИС ТО, в частности, в АИСТ-М.

То есть до выпуска товаров таможенный контроль проводится в электронном формате с использованием цифровых технологий, в то время как такая возможность отсутствует при проведении таможенного контроля после выпуска товаров.

В работе Д. Н. Липунова, М. А. Муравьевой [15] также выявлена необходимость комплексной модернизации ЕАИС ТО, включая совершенствование нормативной базы, документооборота и информационных технологий. Одним из механизмов решения проблемы может стать внедрение информационной системы, способной

¹ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

как решать сложные вопросы электронного декларирования, так и оказывать информационную поддержку участникам ВЭД.

Опираясь на исследования вышеуказанных авторов, предлагается внедрить возможность направления таможенным органом запроса о представлении документов и (или) сведений в электронном виде после выпуска товаров либо в АИСТ-М, либо в специальном программном средстве (нештатная ситуация, возникшая 10.04.2023, говорит о том, что предпочтительнее второй вариант). Это позволит участникам ВЭД видеть запрос и ответ на него прямо в комплекте документов к электронной декларации на товары.

Либо же в случае направления запроса таможенным органом, в личном кабинете участника ВЭД должно срабатывать оповещение о том, что в отношении участника ВЭД ведутся проверочные мероприятия, и ему необходимо предоставить документы и (или) сведения по запросу таможенного органа.

В случае внедрения такой возможности в информационной системе появятся следующие преимущества:

- 1) проверочные мероприятия будут проводиться в более ускоренном и упрощенном порядке для таможенного органа;
- 2) у декларантов появится возможность отслеживать запрос о представлении документов и (или) сведений прямо в личном кабинете и оперативно представлять необходимые сведения;
- 3) сократится бумажный документооборот;
- 4) снизится количество возбуждаемых дел об административном правонарушении в отношении участников ВЭД, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 16.12 КоАП России.

При этом в случае игнорирования участником ВЭД запроса, предлагается помимо возбуждения дела об административном правонарушении, блокировать личный кабинет участника ВЭД и возможность подавать таможенные декларации. Так, недобросовестные участники ВЭД не смогут осуществлять деятельность в сфере таможенного дела.

Таким образом, внедрение системы электронного документооборота между таможенными органами и участниками ВЭД обеспечит основу для их беспрепятственного взаимодействия, позволит ускорить процесс проверочных мероприятий после выпуска товаров, увеличит количество принимаемых решений таможенными органами и, этим самым, увеличит перечисления в бюджет, сократит количество возбуждаемых дел об административных правонарушениях, исключит бумажный документооборот, позволит участникам ВЭД удобно и быстро отвечать на запросы в электронном формате [17, с. 174; 19, с. 47; 20, с. 217].

Внедрение такой формы документооборота приведет к автоматизации и цифровизации таможенных процессов, а также формированию новых возможностей и результатов деятельности таможенной службы в целом [14, с. 327–328; 21, с. 91; 24, с. 28].

Обсуждение

Эффективный документооборот между ФТС России и участниками ВЭД является ключевым фактором для успешной внешнеэкономической деятельности. Поэтому необходимо уделять достаточное внимание этому вопросу и использовать все возможные средства и технологии для его решения.

Проблемы бумажного документооборота, описанные выше, могут противоречить Стратегии развития ФТС России до 2030 г., которая направлена на упрощение и автоматизацию таможенных процедур. Это может стать препятствием для достижения целей стратегии, таких как повышение эффективности таможенного контроля и уменьшение времени, затрачиваемого на таможенные процедуры.

В рамках Стратегии были определены приоритетные направления развития таможенной службы, такие как улучшение качества таможенного контроля, повышение прозрачности и предсказуемости таможенных процедур, а также сокращение времени, затрачиваемого на таможенные процедуры. В связи с этим важно рассмотреть возможность перехода на электронный документооборот и использование современных технологий для обработки и хранения документов.

Переход на полностью электронный документооборот может позволить ускорить процесс проведения таможенного контроля после выпуска товаров в форме проверки документов и (или) сведений. Это также может уменьшить риски ошибок и задержек, связанных с бумажным документооборотом. В свою очередь это может способствовать достижению целей Стратегии и повышению конкурентоспособности российской экономики в международном масштабе.

Заключение

Таким образом, использование цифровых технологий в системе электронного документооборота открывает множество новых возможностей для участников ВЭД и ФТС России, таких как ускорение процесса обмена документами, автоматизация процесса обработки документов, повышение безопасности обмена документами. Однако внедрение цифровых технологий также сопряжено с рядом проблем:

- нештатные ситуации, вследствие которых не представляется возможным просматривать документы в электронном формате;
- задержки, потеря документов, перебои в работе АО «Почта России» при работе с бумажными документами;
- неудобство работы с большим объемом бумажных документов. Обмен электронными документами подразумевает простоту предоставления и хранения информации. Цифровые документы могут быть легко организованы и хранятся на компьютере или в специальном программном средстве.

В результате выполненного исследования сделаны следующие выводы:

- 1) необходимо внести изменения в ст. 112 ТК ЕАЭС, в которой будет установлена подача обращений декларанта только в электронном формате;
- 2) одним из механизмов решения вышеупомянутых проблем может стать внедрение информационной системы, способной как решать сложные вопросы электронного декларирования, так и оказывать информационную поддержку декларантам;
- 3) внедрение возможности направления таможенным органом запроса о предоставлении документов и (или) сведений в электронном виде после выпуска товаров в специальном программном средстве позволит участникам ВЭД видеть запрос и ответ на него прямо в комплекте документов к электронной декларации на товары;
- 4) расширение функционала личного кабинета участника ВЭД путем внедрения функции оповещения о том, что в отношении участника ВЭД ведутся проверочные мероприятия, позволит проводить проверочные мероприятия в более ускоренном и упрощенном порядке для таможенного органа, при этом сократится бумажный документооборот и снизится количество возбуждаемых дел об административном правонарушении.

Литература

1. Асметкина Ю. И. Создание и применение инновационных и цифровых технологий в таможенном деле / Ю. И. Асметкина, Е. А. Гирдо // Проблемы и перспективы внешнеэкономической деятельности в условиях инновационного развития, модернизации и цифровизации : материалы национальной конференции с международным участием, Брянск, 30 марта 2022 года. Брянск : Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2022. С. 17–21.

2. Бакаева О. Ю. Основные направления применения цифровых методов и технологий в таможенной сфере: правовые вопросы / О. Ю. Бакаева, А. В. Устинова // Вопросы экономики и права. 2019. № 128. С. 27–39.
3. Беликова С. С. Национальная система электронного документооборота как фактор цифровизации экономики / С. С. Беликова, А. В. Беликов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2021. № 2 (43). С. 21–27.
4. Бондарев А. В. Оптимизация правовой регламентации деятельности таможенных органов в условиях цифровизации // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 3 (60). С. 123–130.
5. Ворона А. А. Повышение качества работы центров электронного декларирования в условиях реализации концепции «электронная таможня» // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 2. С. 150–155.
6. Ворона А. А. Практика применения цифровой торговой платформы как основа развития внешнеторговой деятельности / А. А. Ворона, Ю. В. Кузминых // Петербургский экономический журнал. 2020. № 1. С. 48–55.
7. Гудкова О. В. Цифровые технологии таможенных органов: новые возможности для добросовестного бизнеса / О. В. Гудкова, Л. В. Ермакова // Известия высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 4 (50). С. 7–14.
8. Дианова В. Ю. Внедрение цифровых технологий в деятельность центров электронного декларирования как фактор повышения качества услуг, предоставляемых таможенными органами // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 1 (50). С. 95–101.
9. Жаркова Е. А. Цифровые таможенные технологии / Е. А. Жаркова, Т. П. Родионова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 10 (128). С. 19.
10. Жук Д. Д. Проблемы и особенности электронного декларирования грузов при пересечении границы Евразийского экономического союза // Актуальные вопросы науки и практики : Сб. науч. статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Уфа, 24 января 2022 года. Уфа : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр „Вестник науки“», 2022. С. 36–39.
11. Казак В. П. Система электронного документооборота таможенных органов как основа ускорения совершения таможенных операций / В. П. Казак, С. Б. Красикова // Энигма. 2020. № 18–1. С. 252–260.
12. Кожуханов Н. М. Проблемы функционирования таможенных органов Российской Федерации в условиях внедрения новых информационных технологий // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 1 (50). С. 41–50.
13. Кострова Ю. Б. Проблемы и перспективы развития электронного декларирования / Ю. Б. Кострова, А. В. Панькова // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения : Сб. науч. статей 12-й Международной научно-практической конференции, Курск, 24–25 июня 2022 года. Курск : Курский филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 2022. С. 135–137.
14. Кугий А. В. Контроль и оценка эффективности функционирования системы документационного обеспечения управления организации в условиях цифровой трансформации / А. В. Кугий, М. Р. Закарян // Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний : Материалы XII Международной научно-практической конференции, Краснодар, 27–28 мая 2022 года. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. С. 324–329.
15. Липунов Д. Н. Информационная система в таможенных органах / Д. Н. Липунов, М. А. Муравьева // Проблемы и перспективы внешнеэкономической деятельности в условиях инновационного развития, модернизации и цифровизации: материалы национальной конференции с международным участием, Брянск, 30 марта 2022 года. Брянск : Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, 2022. С. 42–47.
16. Максимов Ю. А. Использование цифровых технологий и обеспечение информационной безопасности при взаимодействии таможни и бизнеса как фактор повышения качества таможенных услуг / Ю. А. Максимов, А. А. Ворона // Ученые записки Международного банковского института. 2018. № 4 (26). С. 96–106.
17. Мигаль И. В. Информационные таможенные технологии как средства управления таможенной информацией // Наукосфера. 2020. № 10–1. С. 170–175.

18. Новикова Т. Б. Проблемы и перспективы развития цифровых технологий в таможенном деле // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2–2 (53). С. 186–189.
19. Павлова Я. В. Центры электронного декларирования — путь к эффективному таможенному администрированию // Бюллетень инновационных технологий. 2020. Т. 4. № 1 (13). С. 44–48.
20. Полковникова Т. В. Электронный документооборот в таможенных органах как эффективный инструмент снижения коррупционных проявлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2–2 (53). С. 216–218.
21. Самохвалова О. М. Электронный документооборот в таможенных органах / О. М. Самохвалова, Э. К. Енза // Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие». Июнь 2017: Сб. избранных статей, Санкт-Петербург, 26–30 июня 2017 года. СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2017. С. 89–91.
22. Федорова Е. А. Использование цифровых технологий при оказании государственных услуг таможенными органами // Научные революции как важнейшее обстоятельство развития науки и техники: сб. статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 17 ноября 2022 года. Стерлитамак : Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2022. С. 128–134.
23. Шакирова Н. Н. Использование информационных технологий в развитии таможенного дела / Н. Н. Шакирова, А. И. Агеева // Современные векторы развития таможенного дела и внешнеэкономической деятельности : сб. науч. трудов. Саратов : Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2022. С. 25–29.
24. Швайка О. И. Цифровизация права и экономики в России и за рубежом: эволюция и тенденции развития // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2022. № 4 (43). С. 17–29.
25. Шибаршина О. Ю. К вопросу о цифровизации государственного управления // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 45 (1). С. 448–453.

Об авторах:

Аргатов Михаил Алексеевич, аспирант факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); margatov-17@edu.ranepa.ru

Десятниченко Олеся Юрьевна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; desyatnichenko-ou@ranepa.ru

References

1. Asmetkina Yu. I. Creation and application of innovative and digital technologies in customs / Yu. I. Asmetkina, E. A. Girdo // Problems and prospects of foreign economic activity in the conditions of innovative development, modernization and digitalization: materials of the national conference with international participation, Bryansk, March 30, 2022. Bryansk : Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2022. P. 17–21 (in Rus.).
2. Bakayeva O. Yu. The main directions of application of digital methods and technologies in the customs sphere: legal issues / O. Yu. Bakayeva, A. V. Ustinova // Issues of economics and law. 2019. N 128. P. 27–39 (in Rus.).
3. Belikova S. S. National electronic document management system as a factor of digitalization of the economy / S. S. Belikova, A. V. Belikov // Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy 2021. N 2 (43). P. 21–27 (in Rus.).
4. Bondarev A. V. Optimization of the legal regulation of the activities of customs authorities in the conditions of digitalization // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2022. N 3 (60). P. 123–130 (in Rus.).
5. Vorona A. A. Improving the quality of work of electronic declaration centers in the context of the implementation of the concept of “electronic customs” // Bulletin of the Russian Customs Academy 2019. N 2. P. 150–155 (in Rus.).
6. Vorona A. A. The practice of using a digital trading platform as a basis for the development of foreign trade activities / A. A. Vorona, Yu. V. Kuzminykh // St. Petersburg Economic Journal. 2020. N 1. P. 48–55 (in Rus.).

7. Gudkova O.V. Digital technologies of customs authorities: new opportunities for bona fide business / O.V. Gudkova, L.V. Ermakova // News of higher educational institutions. Series: Economics, Finance and Production Management. Ser.: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom. 2021. N 4 (50). P. 7–14 (in Rus.).
8. Dianova V.Yu. Introduction of digital technologies into the activities of electronic declaration centers as a factor in improving the quality of services provided by customs authorities // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2020. N 1 (50). P. 95–101 (in Rus.).
9. Zharkova E.A. Digital customs technologies / E.A. Zharkova, T.P. Rodionova // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2019. N 10 (128). P. 19 (in Rus.).
10. Zhuk D.D. Problems and features of electronic cargo declaration when crossing the border of the Eurasian Economic Union // Topical issues of science and practice: Collection of scientific articles based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Ufa, January 24, 2022. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Bulletin of Science", 2022. P. 36–39 (in Rus.).
11. Kazak V.P. Electronic document management system of customs authorities as a basis for accelerating customs operations / V.P. Kazak, S.B. Krasikova // Enigma. 2020. N 18–1. P. 252–260 (in Rus.).
12. Kozhukhanov N.M. Problems of functioning of the customs authorities of the Russian Federation in the conditions of introduction of new information technologies // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2020. N 1 (50). P. 41–50 (in Rus.).
13. Kostrova Yu.B. Problems and prospects of development of electronic declaration / Yu.B. Kostrova, A.V. Pankova // Management of socio-economic development of regions: problems and ways to solve them : Collection of scientific articles of the 12th International Scientific and Practical Conference, Kursk, June 24–25, 2022. Kursk : Kursk branch of the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", 2022. P. 135–137 (in Rus.).
14. Kugiy A.V. Control and evaluation of the effectiveness of the functioning of the organization's management documentation support system in the conditions of digital transformation / A.V. Kugiy, M.R. Zakaryan // Society and the economy of knowledge, capital management: digital economy of knowledge : Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 27–28, 2022. Krasnodar : Kuban State University, 2022. P. 324–329 (in Rus.).
15. Lipunov D.N. Information system in customs authorities / D.N. Lipunov, M.A. Muravyeva // Problems and prospects of foreign economic activity in the conditions of innovative development, modernization and digitalization: materials of the national conference with international participation, Bryansk, March 30, 2022. Bryansk : Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2022. P. 42–47 (in Rus.).
16. Maximov Yu.A. The use of digital technologies and ensuring information security in the interaction of customs and business as a factor in improving the quality of customs services / Yu.A. Maximov, A.A. Vorona // Scientific Notes of the International Banking Institute. 2018. N 4 (26). P. 96–106 (in Rus.).
17. Migal I.V. Information customs technologies as means of customs information management // Naukosphere. 2020. N 10–1. P. 170–175 (in Rus.).
18. Novikova T.B. Problems and prospects of development of digital technologies in customs // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. N 2–2 (53). P. 186–189 (in Rus.).
19. Pavlova Ya.V. Centers of electronic declaration — the way to effective customs administration // Bulletin of innovative technologies. 2020. Vol. 4. N 1 (13). P. 44–48 (in Rus.).
20. Polkovnikova T.V. Electronic document management in customs authorities as an effective tool to reduce corruption manifestations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. N 2–2 (53). P. 216–218 (in Rus.).
21. Samokhvalova O.M. Electronic document management in customs authorities / O.M. Samokhvalova, E.K. Enza // Materials of conferences of the State Research Institute "National Development". June 2017: Collection of selected articles, St. Petersburg, June 26–30, 2017. SPb. : GNII "National Development", 2017. P. 89–91 (in Rus.).
22. Fedorova E.A. The use of digital technologies in the provision of public services by customs authorities // Scientific revolutions as the most important circumstance of the development of science and technology: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, November 17, 2022. Sterlitamak : Omega Sciences Limited Liability Company, 2022. P. 128–134 (in Rus.).

23. Shakirova N. N. The use of information technologies in the development of customs / N. N. Shakirova, A. I. Ageeva // Modern vectors of development of customs and foreign economic activity : collection of scientific papers. Saratov : Limited Liability Company "Amirit", 2022. P. 25–29 (in Rus.).
24. Shvayka O. I. Digitalization of law and economics in Russia and abroad: evolution and development trends // Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Ser. 1: Economics and Management. 2022. N 4 (43). P. 17–29 (in Rus.).
25. Shibarshina O. Yu. On the issue of digitalization of public administration / O. Yu. Shibarshina // Natural sciences and humanities research. 2023. N 45 (1). P. 448–453 (in Rus.).

About the authors:

Mikhail A. Argatov, Postgraduate Student of Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), margatov-17@edu.ranepa.ru

Olesya Yu. Desyatnichenko, Associate Professor of the Department of Economics, North-West Institute of Management, RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; desyatnichenko-oy@ranepa.ru

Трансформация подходов к оценке инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности регионов России

Елсуков М. Ю. *, Исаев А. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, elsukov-my@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Рассматриваются вопросы развития представлений о подходах к оценке инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности регионов России. Дана характеристика причин появления интереса к изучению темы инвестиционной привлекательности. Обосновано выделение этапов развития исследований, смены подходов к оценке. Анализируются достоинства и недостатки традиционного подхода к изучению инвестиционного потенциала как слагаемого инвестиционной привлекательности. Обосновывается актуальность применения подхода к изучению инвестиционного потенциала, с позиций оценки полноты его использования для обеспечения социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, инвестиционная привлекательность, инвестиционные риски, инвестиционный климат, подход, рейтинг, социально-экономическое развитие, регион

Для цитирования: Елсуков М. Ю., Исаев А. П. Трансформация подходов к оценке инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности регионов России // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 82–95.

Transformation of Approaches to Assessing the Investment Potential and Investment Attractiveness of Russian Regions

Mikhail Yu. Elsukov*, Alexey P. Isaev

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-Western Institute of Management RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation, elsukov-my@ranepa.ru

ABSTRACT

The issues of developing ideas about approaches to assessing the investment potential and investment attractiveness of Russian regions are considered. The characteristics of the reasons for the emergence of interest in studying the topic of investment attractiveness are given. The identification of stages in the development of research and changes in approaches to assessment is justified. The advantages and disadvantages of the traditional approach to the study of investment potential as a component of investment attractiveness are analyzed. The relevance of applying the approach to studying investment potential is substantiated from the standpoint of assessing the completeness of its use to ensure socio-economic development.

Keywords: investment potential, investment attractiveness, investment risks, investment climate, approach, rating, socio-economic development, region

For citing: Elsukov M.Y., Isaev A.P. Transformation of approaches to assessing investment potential and investment attractiveness of Russian regions // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 82–95.

Рыночными реформами 90-х гг. XX в. в России были предоставлены широкие возможности для реализации предпринимательской инициативы. Реформами предполагалось, что ресурсами обеспечения социально-экономического развития должны выступать преимущественно частные инвестиции. Особое внимание считалось необходимым уделять инвестициям иностранным, так как их привлечение способствует интеграции Российской Федерации в систему международных экономических связей.

В этой связи получили распространение исследования, посвященные оценке инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности экономики России и ее регионов. Выводы этих исследований представлялись в виде определения положения национальной экономики и экономики регионов в различных рейтингах инвестиционной привлекательности.

Результаты оценок инвестиционной привлекательности стали приниматься к сведению в организации работы органов власти. Выявленные проблемы реализации инвестиционных проектов закладывались в основу обоснований оценки эффективности государственного управления, с последующим внесением коррективов в содержание государственной инвестиционной политики.

Однако в последние годы условия экономического развития России изменились. Приобрели актуальность качественно новые цели и задачи социально-экономического развития. В 2014 г. была развернута кампания санкционного давления на экономику России со стороны США и их союзников в связи с позицией, которая была занята Российской Федерацией по поводу государственного переворота на Украине. В одностороннем порядке были разорваны экономические связи. Для значительного количества традиционных зарубежных партнеров инвестиционная деятельность в России оказалась недоступна.

Политика санкций вызвала принятие ответных противодействующих мер. На рынок Российской Федерации был запрещен доступ отдельных товаров, производимых в странах, проводящих недружественную политику. Была развернута работа по поддержке отечественного производителя по импортозамещению, а также выстраиванию новых отношений с теми странами, которые не присоединились к антироссийской политике.

Санкционное давление приняло беспрецедентный характер после 24 февраля 2022 г. с началом Специальной военной операции. В Российской Федерации были подвергнуты пересмотру практически все направления государственной политики социально-экономического развития, а также отношение к вопросам ее ресурсного обеспечения. Потребовали корректировки цели и задачи, механизмы и методы деятельности органов государственной власти. Стала очевидной необходимость рассмотрения вопросов оценки инвестиционной привлекательности в первую очередь с позиций использования инвестиционного потенциала для обеспечения национальной безопасности и защиты суверенитета.

Возникшие в начале рыночных реформ подходы и методы к оценке инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности российской экономики уже не в полной мере соответствуют текущим и стратегическим целям и задачам социально-экономического развития Российской Федерации. Актуальной является проблема применения новых подходов и методов оценки инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности, адаптированных к потребностям новой реальности, ориентированных на решение задач использования возможностей национальной экономики в обеспечении национальной безопасности и социально-экономического развития.

Традиционно инвестиционный потенциал рассматривается как слагаемое в оценке инвестиционной привлекательности территории для инвестора. Привлека-

тельным является регион, в котором сосредоточены максимальные возможности для инвесторов и где минимальны «инвестиционные риски», то есть риски, с которыми инвестор может столкнуться в процессе реализации инвестиционных проектов.

Наряду с понятиями «инвестиционная привлекательность», «инвестиционный потенциал» и «инвестиционный риск» в практике исследований используется понятие «инвестиционный климат», которое приняло различные интерпретации. Встречается его понимание как общей характеристики инвестиционной привлекательности территории с учетом наблюдаемого уровня инвестиционной активности. Можно встретить его толкование в качестве общей характеристики делового климата, который создается для деятельности предпринимателей. Нередко понятия «инвестиционный климат» и «инвестиционная привлекательность» рассматриваются как синонимы [9; 11 и др.].

Результаты исследований, посвященных оценке инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности, обобщаются в виде рейтингов, в которых устанавливается больший или меньший интерес территорий для реализации инвестиционных проектов. При составлении рейтингов используются различные методики. Наиболее распространенная предполагает упорядочение массивов исходной информации относительно максимальных и минимальных значений, средних показателей по выбранному критерию. Менее распространенной является методика сопоставления показателей оценки с эталонными значениями.

Особенности функционирования национальных экономик столь специфичны, что в мировой практике справедливо считается некорректным формирование единых инвестиционных рейтингов регионов, которые входят в состав различных национальных экономических систем. Таким образом, происходит формирование рейтингов государств по привлекательности для инвестиционной деятельности и национальные рейтинги инвестиционной привлекательности регионов.

Исследования, посвященные изучению инвестиционной привлекательности, получили распространение по причине высокого интереса к ним со стороны бизнес-сообщества, которое стремится приобрести более полную информацию об условиях, перспективах и рисках при выходе на новые рынки. Неудивительно, что вопросам изучения условий ведения бизнеса и возможностей национальных и региональных экономик для инвестирования уделяется пристальное внимание со стороны частных коммерческих и общественных организаций, разнообразных рейтинговых и консалтинговых агентств.

Инвестиционные рейтинги разнообразны. Каждая организация располагает своими методиками оценки потенциала и рисков, обобщения этой информации для характеристики степени привлекательности для инвестирования. Широко применяется весь арсенал методологии современных исследований, в том числе используются методы математики и статистического анализа, и методы социологических опросов и экспертных оценок. Методология составления инвестиционных рейтингов постоянно уточняется и совершенствуется.

Вопросы определения набора показателей, наиболее полно и объективно характеризующих состояние инвестиционного потенциала и рисков, а также способы обобщения результатов и оценки инвестиционной привлекательности и состояния инвестиционного климата становятся предметом работ сугубо научного теоретико-методологического содержания.

Особое место среди них занимают работы, которые посвящены изучению инвестиционной деятельности для целей мониторинга эффективности работы органов государственной власти, связанных с реализацией государственной инвестиционной политики. По сложившейся к настоящему времени практике подходы и методы изучения инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности для

нужд оценки эффективности деятельности органов государственной власти мало отличаются от тех, что используются в интересах бизнес-сообщества.

Содержание исследований, а также подходы и методы оценки инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности регионов изменялись вместе с преобразованиями экономики России. Можно выделить несколько этапов развития этих исследований, которые отличаются условиями, ресурсными возможностями национальной экономики, целями и задачами государственного регулирования.

Как уже было отмечено, рост интереса в России к изучению темы инвестиционной привлекательности в 90-е годы XX в. был обеспечен провозглашением общего курса реформ на интеграцию российской экономики в систему международных экономических связей. Поэтому сама постановка вопросов об оценке инвестиционного потенциала России и ее регионов предполагала ориентацию преимущественно на зарубежных инвесторов.

Следует заметить, что запрос на изучение инвестиционного потенциала национальных и региональных экономик изначально был сформирован в контексте размещения иностранных инвестиций. Так, первые работы на эту тему появились в США в 60-е гг. XX в. В это время инвесторы стали проявлять повышенный интерес к изучению рынков зарубежных стран, в том числе по прогнозам инфляции, состояния политической системы, а также законодательной защиты прав инвесторов и условий вывода капитала [17]. Постепенно был сформирован понятийно-терминологический аппарат и методология нового направления исследований.

Первые работы по изучению вопросов инвестиционной привлекательности России и ее регионов после начала реформ в 90-е гг. были проведены с опорой на инструментарий исследований, возникший за рубежом. Следует упомянуть работы таких консалтинговых агентств, как «Юниверс» (1993–1995 гг.), а также Institute for Advanced Studies (IAS) по заказу Банка Австрии (1995 г.), совместные исследования Экспертного института (Россия) и Центра по изучению России и Восточной Европы Бирмингемского университета (1996 г.). Используя подходы и методы, принятые в зарубежной практике, самостоятельные исследования проводились издательским домом «Коммерсант» (1993 г.), а также рейтинговым агентством «Эксперт РА», которое, начиная с 1996 г. и по сей день, ежегодно проводит мониторинг инвестиционной привлекательности, оценки инвестиционного потенциала и рисков регионов Российской Федерации.

Постепенно к изучению данных вопросов присоединяются представители российского научного сообщества. Так, нельзя не отметить разработки, которые были осуществлены Советом по изучению производительных сил Минэкономразвития Российской Федерации (СОПС) и Институтом экономики Российской академии наук (ИА РАН) (1996 г.) [2; 12 и др.]. Появляются первые научные монографии [14] и проходят защиты диссертаций, посвященные вопросам инвестиционного потенциала, рисков и привлекательности национальной и региональной экономики для инвесторов, инвестиционного климата. Но постановка вопросов в этих работах незначительно отличается от исследований консалтинговых агентств, ориентированных на интересы зарубежных инвесторов. Предметом изучения выступают вопросы адекватного набора показателей, характеризующих положение дел в инвестиционной сфере, региональных особенностей процессов инвестирования, накопления лучших практик работы с инвесторами на региональном уровне, диагностика текущего состояния и меры по снижению рисков [3; 6 и др.]. В этот период иностранные инвестиции в работах исследователей воспринимаются зачастую как единственный возможный источник финансирования проектов, значимых для обеспечения социально-экономического развития территорий.

С началом XXI в. наступает новый этап исследований. Исследователи отмечают в это время сочетание ряда причин, обусловивших положительную динамику российской экономики: стабилизация политического курса и рост доверия к экономике России со стороны зарубежных инвесторов, преодоление последствий кризиса 1998 г. и благоприятная конъюнктура цен на углеводородное сырье на мировых рынках. Таким образом, в России были сформированы условия и возможности государственной поддержки привлечения инвестиций в стратегически значимые отрасли [1; 7; 16 и др.].

Происходившие изменения этого периода иллюстрируют процессы, происходившие в отрасли автомобилестроения [4]. В 90-е гг. были созданы первые предприятия по сборке автомобилей с привлечением иностранных инвестиций. Они представляли собой площадки сборки в режимах крупноузловой сборки (1996 г., «Автотор», Калининградская обл.) и сборки автомобилей из разобранных машинокомплектов (1998 г., «Тагаз», г. Таганрог; «Автофрамос», г. Москва). Если в первом случае режим сборки не предусматривал перенос на территорию России производство автокомпонентов и доступ к технологиям, то во втором случае речь уже шла о сложной технологии, являющейся фактически полноценным производством со сваркой и окраской кузовов, что открывало возможность локализации производства¹. Американским концерном Ford в 1997 г. была зарегистрирована в России дочерняя компания ООО «Форд Мотор Компани», а в 2002 г. было завершено строительство автомобильного завода в Ленинградской области. Это предприятие явилось первым предприятием отрасли, которое находилось в собственности иностранного инвестора.

Условия работы и успехи деятельности иностранных инвесторов были столь впечатляющи, что это послужило причиной роста интереса со стороны других иностранных автомобилестроительных компаний. Уже в 2005–2007 гг. в России были запущены производства Renault, Volkswagen и Toyota. В 2008 — General Motors, в 2009 — Nissan. В 2007 г. АвтоВАЗ и французский Renault подписали соглашение о стратегическом партнерстве. В России был сформирован первый стратегический альянс с зарубежным автопроизводителем Renault-АвтоВАЗ [10]².

Этому способствовал ряд системных решений, которые создали для иностранных инвесторов понятные и прозрачные условия работы в России. Были установлены требования по организации промышленной сборки и выполнение определенных операций на российских предприятиях³. В том числе это достижение уровня локализации в течение 7–8 лет до 30% с сокращением ввоза автокомпонентов. Взамен устанавливался льготный режим импорта определенных комплектующих, локализация которых по технологическим причинам не могла осуществляться в России на начальном этапе деятельности предприятий⁴.

¹ Сафарова Е. Автозапчасти будут ввозить без пошлин, но только для промышленной сборки. (Коммерсантъ, 12.11.2004) / Комитет РСПП по интеграции, торгово-таможенной политике и ВТО/ [Электронный ресурс]. URL: http://www.rgwto.com/archive.asp?id=7373&full_mode=1 (дата обращения: 01.09.2023).

² Литвиненко С. Автомобильный рынок России: результаты I полугодия 2014 г. и перспективы развития, август 2014 // PwCRussia [Электронный ресурс]. URL: http://www.slideshare.net/pwc_russia/pw-c-automotive (дата обращения: 01.09.2023).

³ Об утверждении Порядка, определяющего понятие «Промышленная сборка» и устанавливающего применение данного понятия при ввозе на территорию Российской Федерации автокомпонентов для производства моторных транспортных средств товарных позиций 8701–8705 ТН ВЭД, их узлов и агрегатов. Зарегистрировано в Минюсте России 25.04.2005 № 6543. Приказ Минэкономразвития России № 73, Минпромэнерго России № 81, Минфина России № 58н от 15.04.2005 (ред. от 07.12.2017).

⁴ О внесении изменений в Таможенный тариф Российской Федерации в отношении автокомпонентов, ввозимых для промышленной сборки. Постановление Правительства РФ от 29.03.2005 № 166 (ред. от 24.03.2014).

В период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. были предприняты масштабные меры государственной поддержки автопрома. В первую очередь они касались обеспечения финансовой устойчивости предприятий. Кроме того, они были направлены на поддержание спроса на автомобили. Государство поддерживало физические лица при кредитовании покупки автомобилей, проводились государственные закупки автомобилей как на федеральном, так и региональном уровне¹. Предпринятые меры позволили преодолеть условия финансового кризиса и сохранить положительную динамику реализации инвестиционных проектов.

В 2010 г. Минпромторгом была утверждена «Стратегия развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года». В Стратегии были определены цель, задачи и ориентиры развития российского автопрома. Основная ставка была сделана на привлечение инвестиций иностранных компаний, предоставление инвесторам льгот в случае выполнения ими определенных условий². Для реализации данного курса была принята новая редакция режима промышленной сборки, и были внесены изменения в таможенный тариф Российской Федерации в отношении автокомпонентов³. Ужесточение требований режима работы было положительно воспринято иностранными инвесторами⁴, и уже в 2012 г. объемы производства легковых автомобилей в России достигли рекордных показателей за всю историю отечественного автопрома.

Эта деятельность не могла не сказаться на инвестиционной активности и оценках инвестиционной привлекательности регионов. Так, к 2012 г. в регионах Российской Федерации развернуты производства по сборке легковых автомобилей крупных зарубежных концернов и альянсов: Самарская область — Alliance Renault-Nissan, General Motors; Республика Татарстан — Ford-Sollers; Республика Удмуртия — Alliance Renault-Nissan; Нижегородская область — General Motors, Volkswagen AG; г. Москва — Alliance Renault-Nissan; Калужская область — Volkswagen AG, PSA Peugeot Citroen, Mitsubishi Group; г. Санкт-Петербург — General Motors, Toyota Motor Corporation, Hyundai-Kia AG, Alliance Renault-Nissan; Ленинградская область — Ford Motor Company — Sollers; Калининградская область — на заводе Автофор сборки автомобилей BMW, Kia, Hyundai, Tata Daewoo и др.

В этот период внимание к теме оценки инвестиционного потенциала и привлекательности регионов России только возрастает. Как уже было сказано, начиная с 1996 г. рейтинговым агентством «Эксперт РА» ежегодно составляется рейтинг инвестиционной привлекательности регионов⁵. Методикой составления рейтинга анализируется

¹ Об утверждении правил предоставления в 2009 г. за счет средств федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям на возмещение выпадающих доходов по кредитам, выданным российскими кредитными организациями в 2009 г. физическим лицам на приобретение легковых автомобилей. Постановление Правительства РФ от 19.03.2009 №244; О проведении эксперимента по стимулированию приобретения новых автотранспортных средств взамен вышедших из эксплуатации и сдаваемых на утилизацию, а также по созданию в Российской Федерации системы сбора и утилизации вышедших из эксплуатации автотранспортных средств. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2009 г. № 1194.

² Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года. Приказ Минпромторга РФ от 23.04.2010 № 319.

³ О внесении изменений в Таможенный тариф Российской Федерации в отношении автокомпонентов, ввозимых для промышленной сборки. Постановление Правительства РФ от 29.03.2005 № 166 (ред. от 24.03.2014).

⁴ Орехов А. Соглашения о промсборке подписали 6 компаний // Автомобильный глянецвый журнал. Новости 02.03.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://cartimes.ru/news/1857/soglashe-niya-o-promsborke-podpisali-6-kompaniy.html> (дата обращения: 01.09.2023).

⁵ Инвестиционные рейтинги регионов России. 01.11.2016 // RAEX (Эксперт РА) [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20161014071057/http://www.raexpert.ru/ratings/regions/> (дата обращения: 01.09.2023).

инвестиционный потенциал, который складывается из слагаемых природно-ресурсного, трудового, производственного, потребительского, инфраструктурного, инновационного, институционального, финансового, туристического потенциалов. Оценивается инвестиционный риск, представления о котором формируются из следующих слагаемых: экономический, социальный, финансовый, управленческий, экологический и криминальный риски. Методика агентства постоянно совершенствуется и в период после 2000 г. при рассмотрении потенциала учитывается туристический и управленческий потенциалы (с 2005 г.). В течение этого периода перестали рассматриваться в качестве отдельных слагаемых политический (с 2007 г.) и законодательный (с 2010 г.) риски. Вносились изменения в порядок агрегирования данных и группировки регионов в процессе формирования общего рейтинга.

Постепенно к мониторингу инвестиционной привлекательности и состояния инвестиционных процессов в регионах подключаются прочие консалтинговые и научно-исследовательские организации: Национальное рейтинговое агентство¹, агентство РИА Рейтинг² и др. Для научного сообщества данная тема также сохраняет актуальность [8; 13; 15 и др.]. Исследователи отмечают, что изменения в рейтингах связано, главным образом, с мерами, которые предпринимаются региональными органами власти по устранению рисков инвестирования³.

Положение национальной и региональных экономик в рейтингах инвестиционной привлекательности воспринимается как объективная сторона оценка эффективности деятельности органов власти⁴. А достижение определенного положения в рейтингах рассматривается как целевой ориентир государственной экономической политики. Так, указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. был установлен целевой показатель достижения к 2018 г. 20-го места в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса⁵.

В 2011 г. Правительством Российской Федерации была инициирована работа по ведению Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в регионах Российской Федерации. Для этого распоряжением Правительства была создана Автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»⁶.

Формируемые Агентством рейтинги базируются на анализе показателей, сгруппированных по четырем направлениям: «Регуляторная среда», «Институты для бизнеса», «Инфраструктура и ресурсы», «Поддержка малого предпринимательства». Методоло-

¹ X ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России. Аналитический обзор. 14.12.2022. Национальное рейтинговое агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ra-national.ru/analitika/x-ezhegodnaja-ocenka-investicionnoj-privlekatelnosti-regionov-rossii/> (дата обращения: 01.09.2023).

² Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г., 15.05.2023. РИА Рейтинг. 14.12.2022 // Национальное рейтинговое агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Как менялись регионы России в зеркале рейтинга инвестиционной привлекательности RAEX (Эксперт РА) последние 20 лет. 01.11.2016 // RAEX (Эксперт РА) [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20161101104656/http://raexpert.ru/ratings/regions/2015/part1> (дата обращения: 01.09.2023).

⁴ Заседание Государственного совета «О повышении инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации и создании благоприятных условий для развития бизнеса». 27 декабря 2012 года // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/120/events/17232> (дата обращения: 15.09.2023).

⁵ О долгосрочной государственной экономической политике. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596.

⁶ Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Распоряжение Правительства РФ от 11.08.2011 № 1393-р (ред. от 27.08.2018).

гия составления рейтинга постоянно совершенствуется и к 2023 г. она предусматривала анализ 70 показателей (для сравнения в 2019 г. осуществлялся мониторинг 44 показателей). В основном это показатели, которые свидетельствуют о повышении качества работы региональных органов власти, снижении административных барьеров и создании благоприятных условий для предпринимателей. При составлении рейтинга принимаются во внимание так называемые внерејтинговые оценки, которые составляются Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей совместно с научно-исследовательским сообществом для корректировки данных об инвестиционной активности и удовлетворенности предпринимателей состоянием инвестиционного климата¹.

Агентство сосредоточилось на отслеживании лучших практик работы с инвестором. Фиксируя наиболее успешные примеры, был сформирован Региональный инвестиционный стандарт, который решением заседания Государственного совета Российской Федерации по вопросу о повышении инвестиционной привлекательности регионов в 2012 г.² стал обязателен для внедрения. Органам исполнительной власти регионов было рекомендовано разработать инвестиционные стратегии, планы по созданию объектов для инвестирования, а также предусмотреть регулярные отчеты о ходе реализации инвестиционных стратегий. После принятия в 2014 г. закона о стратегическом планировании инвестиционные стратегии стали составной частью утвержденных Стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации³.

Вступление в 2012 г. во Всемирную торговую организацию (ВТО)⁴ оказало влияние на действие механизмов работы с иностранными инвесторами. Ранее между Правительством Российской Федерации и иностранными инвесторами заключались соглашения о создании благоприятных условий для реализации инвестиционных проектов, например — снижении таможенных пошлин на отдельные комплектующие при выполнении условий по увеличению локализации производства на территории России. После присоединения к ВТО регуляторные возможности оказались ограниченными теми обязательствами, которые Российская Федерация взяла на себя, присоединяясь к этой организации.

После событий 2014 г. на экономику России оказывается нарастающее санкционное давление, усилившееся после 24 февраля 2022 г. Политика стран, которые выстраиваются в фарватер политического курса США, подрывают основы сотрудничества с Россией. Российская экономика оказалась в условиях изоляции от экономики тех стран, с которыми на протяжении всего периода рыночных преобразований выстраивалось сотрудничество, во многом определяющее общее содержание как внешней, так и внутренней экономической политики.

Это сказалось на экономической ситуации в нашей стране, потребовало переосмотра положений инвестиционной политики. Во-первых, внешнеэкономические

¹ Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации 2023. Методология и параметризация. Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/upload/docs/investclimate/Methodology-2023.pdf?1004> (дата обращения: 15.09.2023).

² Перечень поручений по итогам заседания Государственного совета Российской Федерации по вопросу о повышении инвестиционной привлекательности регионов 27 декабря 2012 года // Президент Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/copy/17512> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023).

⁴ О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года. Федеральный закон от 21.06.2012, № 126-ФЗ.

связи России требуют изменения подходов в отношении государств, которые проводят недружественную политику, лишения этих государств ранее предоставляемых им преференций. Во-вторых, после введения антироссийских санкций необходимо решение вопросов импортозамещения в критически и стратегически значимых отраслях экономики¹. В-третьих, далеко не все страны проводят в отношении России недружественную политику, поэтому необходимо перестраивать внешнеэкономические связи, создавать новые институты сотрудничества, выходить на новые рынки.

Введение санкций потребовало от Российской Федерации принятия ответных мер², а последующее усиление санкционного давления привело к реализации политики импортозамещения на системной постоянной основе³, существенному пересмотру внешней политики, законодательного закрепления недружественного содержания деятельности, которая проводится отдельными государствами в отношении Российской Федерации⁴.

Последствия от проводимой политики ряда зарубежных стран по международной изоляции России усугубились в период пандемии COVID-19. Для российской экономики особенно тяжелым стал период локдауна 2020 г. Анализ итогов этого года показал, что экономика России лучше других стран справилась с испытаниями и снижение ВВП составило только 3%, а если его оценивать с учетом паритета покупательной способности, то по данным МВФ снижение произошло на 1,9%. Для сравнения: ВВП Германии снизился на 5%, Испании на 11%, Италии на 9,2%, США на 3,5%, Франции на 8,3%, Японии на 5,1%. Так или иначе падение ВВП 2020 г. стало рекордным для нашей страны за прошедшее десятилетие. Больших значений снижение достигало только в 2009 г. — 7,8%. Наибольшему воздействию подверглись отрасли сферы услуг, пассажирских перевозок и туризма. Особенно пострадал малый и средний бизнес. Количество этих предприятий сократилось на 240 тыс., или на 4,2%⁵. Эти процессы, как и сам форс-мажорный фактор пандемии COVID-19, не могли не сказаться на инвестиционных процессах, привлекательности для инвесторов национальных и региональных экономик.

Санкционное давление на экономику России усилилось с началом Специальной военной операции. Наибольшему воздействию подвергся финансовый сектор. Так, было «заморожено» в зарубежных банках около половины золотовалютных резервов Центрального банка России. Крупнейшие российские банки были отключены от системы международных переводов SWIFT, а для прочих банков увеличены сроки проверки переводов. Был введен запрет на ввоз в Россию наличной валюты. С российского рынка ушли компании VISA и Mastercard. Все это явилось частью целенаправленной антироссийской политики со стороны стран коллективного За-

¹ Постановление Правительства РФ «О Правительственной комиссии по импортозамещению» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по импортозамещению») от 04.08.2015 № 785 (ред. от 27.03.2020).

² О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 (ред. от 15.11.2021, с изм. от 11.10.2022).

³ О Правительственной комиссии по импортозамещению (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по импортозамещению»). Постановление Правительства Российской Федерации от 04.08.2015 № 785 (ред. от 30.05.2023).

⁴ О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022).

⁵ Реализация Антикризисных мер и Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост и долгосрочные структурные изменения экономики / Минэкономразвития РФ. 2021. 04.02. 38 с. // Официальный сайт [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/6a9190a9d5b59d27a968d25e55299c1d/Realizaciya_antikrizisnyh_mer.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

пада и сопровождалось массовым уходом с российского рынка зарубежных инвесторов¹.

В течение последних лет известные рейтинговые агентства либо приостановили работу по оценке инвестиционного потенциала и привлекательности регионов, либо сделали паузу для обновления методологии. Политически ангажированное поведение бизнес-сообщества и ряда международных организаций снизило уровень доверия к тем оценкам, которые они дают в отношении национального инвестиционного рейтинга России. Научно-аналитическому сообществу очевидно, что современная экономика слишком сильно отличается от той, в которой был сформирован запрос на изучение и выработан методологический инструментарий исследований вопросов инвестиционного потенциала и привлекательности.

На результаты оценки инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности существенное влияние оказывает изначальная постановка вопросов о том, в чьих интересах проводятся исследования. Традиционным является подход, при котором заинтересованной стороной выступает потенциальный инвестор, для которого важна информация о перспективах вложения средств с точки зрения получения им разнообразных выгод (получение доходов, приобретение собственности и пр.). С точки зрения региональной политики традиционный подход к оценке инвестиционного потенциала и привлекательности территории является слишком грубым инструментом. Рейтингование провоцирует соревновательные мотивы в деятельности региональных органов власти, возникновение ненужных стимулов конкуренции при решении вопросов территориальной организации народного хозяйства и разделения труда. Такой подход имеет на определенном этапе положительные результаты, но мешает конструктивной работе, ориентированной на длительную перспективу, так как провоцирует деятельность региональных органов власти на достижение более высоких мест в рейтингах не за счет полноты использования имеющегося потенциала, возможностей экономического роста, а за счет ущемления возможностей регионов, которые рассматриваются в качестве конкурентов.

К сожалению, в практике исследований не так часто просматривается постановка вопроса, при которой заинтересованной стороной выступает общество и социально-экономическое развитие государства. Отправной точкой исследования в данном случае выступает характеристика инвестиционного потенциала, а в качестве критериев оценки выступают обоснования полноты его использования.

Подход, ориентированный на оценку полноты использования инвестиционного потенциала территорий, в настоящее время имеет больше перспектив по сравнению с традиционным подходом. Российская Федерация столкнулась с особым отношением со стороны стран коллективного Запада и в этих условиях оказывается необходимым перенастройка системы внешних экономических связей. Требуют повышенного внимания вопросы стратегической безопасности, полноты реализации на территории страны производственных связей по критически важным направлениям развития национальной экономики. Необходимо обеспечить импортозамещение тех производственных процессов, которые в предшествующий период истории реализовывались совместно с зарубежными участниками, ныне проводящими политику санкционного давления на экономику России. Социально-экономическое развитие требует принятия решений, которые должны сохранять свою актуальность в стратегической перспективе. И эти вопросы требуют оценки инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности для решения задач, которые касаются обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

¹ Табах А., Подругина А. Санкциномика: развилки, коридоры и выходы. Эксперт РА. Октябрь 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/sancinomics_2022/ (дата обращения: 15.09.2023).

В соответствии с требованиями закона о стратегическом планировании разработана Стратегия пространственного развития, в которой определены отрасли перспективной специализации регионов¹. Положения этого документа пока еще не в полной мере реализованы [5]. В целях раскрытия содержания темы развития перспективных отраслей специализации органам государственной власти, ответственным за решение вопросов пространственного развития, следует определить перспективы действующих и планируемых к созданию производств, которые, исходя из имеющегося потенциала территорий, могут внести свой вклад в решение вопросов выпуска продукции, необходимой для осуществления политики импортозамещения, с сопутствующим выделением мер поддержки инвесторов, действующих в интересах реализации политики по обеспечению национальной безопасности и защиты суверенитета государства.

Таким образом, является актуальной работа по определению перспективных направлений инвестиционной деятельности регионов, развития отраслей специализации и производств, способных внести свой вклад в решение вопросов импортозамещения и обеспечения национальной безопасности. В случае установления этих направлений инвестиционной деятельности возможно формирование эталонных критериев к оценке инвестиционной привлекательности на основе подхода, ориентированного на оценку полноты использования инвестиционного потенциала территорий.

Для российской науки и практики можно выделить несколько этапов развития темы исследований инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности регионов. Смена этапов зависит от тех задач, которые были актуальны в соответствующий период времени, а также применяемых подходов к изучению инвестиционной деятельности и к реализации инвестиционной политики.

Первый этап приходится на 90-е годы XX в. и связан с достижением целей реформ по интеграции российской экономики в систему международных экономических связей. Незрелость отечественных институтов, без которых не представляется возможной полноценная организация инвестиционной деятельности, незавершенные и крайне противоречивые процессы приватизации, отсутствие крупных отечественных игроков на российском рынке, заинтересованных в реализации масштабных инвестиционных проектов, сформировали условия, при которых иностранные инвестиции оказались в привилегированном положении. Исследования инвестиционного потенциала в это время рассматриваются в традиционном для данной тематике ключе, а именно как одно из слагаемых в формировании представлений об инвестиционной привлекательности.

Второй этап охватывает временной интервал с 2000 по 2014 г. В это время наблюдается стабилизация политической системы и положительная динамика экономического роста России. Рассмотренные примеры реализации проектов в отрасли автомобилестроения свидетельствуют об укреплении доверия со стороны иностранных инвесторов к условиям ведения бизнеса в России. Благоприятная конъюнктура на мировом рынке углеводородов позволила не только укрепить финансово-экономическое положение, но реализовывать крупные социально значимые и инфраструктурные проекты. Упрочились позиции российского бизнеса. Рейтинги инвестиционной привлекательности стали разрабатываться с учетом интересов не только зарубежных, но и отечественных игроков. Для органов власти появилась

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022).

возможность рассматривать инвестиционную деятельность в контексте трансфера технологий и локализации производств, не имевших аналогов в России. Но подходы, методы и методики исследований по большей части остались прежними. Характеристики инвестиционной привлекательности регионов рассматривались в качестве критериев оценки эффективности работы органов государственной власти.

Третий этап связан с активизацией санкционного давления на экономику России. После 2014 г. по нарастающей идут процессы свертывания крупных инвестиционных проектов с иностранным участием. Для российской экономики становится актуальной реализация политики импортозамещения, необходимо решать проблемы реформирования внешних экономических связей, обеспечения экономической безопасности. В это время сохраняют актуальность исследования, касающиеся инвестиционной привлекательности в качестве критерия оценки эффективности деятельности региональных органов государственной власти. Агентством стратегических инициатив ежегодно проводится мониторинг внедрения лучших практик работы с инвестором, снятия административных барьеров, улучшения делового климата и снижения инвестиционных рисков. Вопросы оценки инвестиционного потенциала требуют применения новых подходов. В настоящее время являются актуальными исследования, которые посвящены изучению состояния региональной экономики и ее инвестиционной привлекательности с позиций оценки полноты использования инвестиционного потенциала регионов для достижения стратегических целей социально-экономического развития, решения вопросов импортозамещения, обеспечения национальной безопасности и защиты суверенитета государства.

Литература

1. *Абалкин Л. И.* Взгляд в завтрашний день. М. : Ин-т экономики РАН, 2005. 126 с.
2. *Грацинская Г. В., Пучков В. Ф.* Методология оценки инвестиционного климата в регионах. СПб. : Изд-во СПбГУТД, 2008. 220 с.
3. *Гуренков М. Ф.* Методика оценки инвестиционного климата Российской Федерации и ее использование в процессе привлечения иностранных инвестиций в регионы и отрасли промышленности : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 1998. 186 с.
4. *Елсуков М. Ю., Исаев А. П., Ходачек В. М.* Стратегия развития автомобилестроения и меры по обеспечению его конкурентоспособности в современных условиях международной экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2 (24). С. 26–43.
5. *Елсуков М. Ю., Маевский А. В., Чеберко Е. Ф.* Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность макрорегионов России // Управленческое консультирование 2019. № 12 (132). С. 70–89.
6. *Ковалева Т. Г.* Инвестиционный потенциал региона в условиях рыночной трансформации: На примере Астраханской области : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Астрахань, 1999. 199 с.
7. *Кудрин А. Л.* Как ускорить экономический рост в России? М. : Академия бюджета и казначейства Министерства финансов Российской Федерации, 2006. 61 с.
8. *Кузнецов А. С.* Оценка инвестиционного потенциала региона и разработка механизма его реализации : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2002. 164 с.
9. *Кузнецов С. В., Кузнецов А. С.* Инвестиционный потенциал региона: оценка и механизмы реализации: монография. СПб., 2003. 186 с.
10. *Лебедев К. К., Панкратова Д. А.* Эволюция режимов промышленной сборки одно из условий дальнейшей модернизации и развития автомобильной промышленности России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3. С. 115–121.
11. *Литвинова В. В.* Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. М. : Финансовый ун-т, 2013. 116 с.
12. *Рыбалко А. Н.* Оценка инвестиционной привлекательности регионов. М. : Ваш полиграфический партнер, 2014. 202 с.

13. Старостин А. С. Пути повышения инвестиционной привлекательности региона: на примере Санкт-Петербурга : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2002. 183 с.
14. Тихомирова И. В. Инвестиционный климат в России: региональные риски. М. : Федер. фонд поддержки малого предпринимательства; Издатцентр, 1997. 311 с.
15. Шевцова В. Н. Оценка инвестиционной привлекательности отраслей реального сектора экономики: монография. М. : МГУПП, 2007. 146 с.
16. Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России: экономический рост, 2000–2007 / В. Мау и др. редкол.: Е. Гайдар и др. М. : Дело, 2008. 1327 с.
17. Stobaugh R. B. How to analyze foreign investment climates // Harvard Business Review. 1969. N 47 (5). P. 100–108.

Об авторах:

Елсуков Михаил Юрьевич, доцент кафедры экономики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент; elsukov-my@ranepa.ru

Исаев Алексей Петрович, директор центра сохранения исторического наследия и геральдики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; isaev-ap@ranepa.ru

References

1. Abalkin L. I. A look into tomorrow. M. : Institute of Economics RAS, 2005. 126 p. (in Rus.).
2. Gratsinskaya G. V., Puchkov V. F. Methodology for assessing the investment climate in the regions. SPb. : Publishing house SPbGUTD, 2008. 220 p. (in Rus.).
3. Gurenkov M. F. Methodology for assessing the investment climate of the Russian Federation and its use in the process of attracting foreign investment in regions and industries: dissertation ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05. M., 1998. 186 p. (in Rus.).
4. Elsukov M. Y., Isaev A. P., Khodachek V. M. Strategy for the development of the automotive industry and measures to ensure its competitiveness in the modern conditions of international economic integration // Eurasian integration: economics, law, politics. 2018. N 2 (24). P. 26–43 (in Rus.).
5. Elsukov M. Y., Mayevsky A. V., Cheberko E. F. Investment climate and investment attractiveness of Russian macroregions // Administrative consulting. 2019. N 12 (132). P. 70–89 (in Rus.).
6. Kovaleva T. G. Investment potential of the region in conditions of market transformation: Using the example of the Astrakhan region: dissertation ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05. Astrakhan, 1999. 199 p. (in Rus.).
7. Kudrin A. L. How to accelerate economic growth in Russia? M. : Academy of Budget and Treasury of the Ministry of Finance of the Russian Federation, 2006. 61 p. (in Rus.).
8. Kuznetsov A. S. Assessing the investment potential of the region and developing a mechanism for its implementation: dissertation ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05. St. Petersburg, 2002. 164 p. (in Rus.).
9. Kuznetsov S. V., Kuznetsov A. S. Investment potential of the region: assessment and implementation mechanisms: monograph. SPb., 2003. 186 p. (in Rus.).
10. Lebedev K. K., Pankratova D. A. The evolution of industrial assembly modes is one of the conditions for further modernization and development of the Russian automotive industry // Economic science of modern Russia. 2011. N 3. P. 115–121 (in Rus.).
11. Litvinova V. V. Investment attractiveness and investment climate of the region: monograph. M.: Financial University, 2013. 116 p. (in Rus.).
12. Rybalko A. N. Assessing the investment attractiveness of regions. M. : Your printing partner, 2014. 202 p. (in Rus.).
13. Starostin A. S. Ways to increase the investment attractiveness of the region: using the example of St. Petersburg: dissertation ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05. SPb., 2002. 183 p. (in Rus.).
14. Tikhomirova I. V. Investment climate in Russia: regional risks. M.: Federal Small Business Support Fund; Publishing center, 1997. 311 p. (in Rus.).
15. Shevtsova V. N. Assessing the investment attractiveness of industries in the real sector of the economy: monograph. M. : MGUPP, 2007. 146 p. (in Rus.).

16. Economy of the transition period: essays on the economic policy of post-communist Russia: economic growth, 2000–2007 / V. Mau and others, ed. board: E. Gaidar and others. M. : Delo, 2008. 1327 p. (in Rus.).
17. Stobaugh R. B. How to analyze foreign investment climates // Harvard Business Review. 1969. N 47 (5). P. 100–108.

About the authors:

Mikhail Yu. Elsukov, Associate Professor of the Department of Economics, Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor; elsukov-my@ranepa.ru

Aleksey P. Isaev, director of the center for the preservation of historical heritage and heraldry of the North-Western Institute of Management RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Historical Sciences, Professor; isaev-ap@ranepa.ru

Цифровые технологии в экономике туризма: проект «Путь Ломоносова»

Яфасов А. Я.¹, Кибальников С. В.², Меркулов А. А.^{1*}, Посконный Д. А.³

¹Калининградский государственный технический университет, Калининград, Российская Федерация; *vsmcenose@mail.ru

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³Общество с ограниченной ответственностью «РИД», Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Важнейшей задачей современной экономики России является переход на новые принципы работы, цифровые платформы и технологии, способные обеспечить всестороннее, полное и оперативное взаимоотношение между участниками рынка, государством и обществом. Целью данной работы является разработка универсальной цифровой платформы для работы в сфере туризма на примере туристического проекта «Путь Ломоносова». В работе использованы методы цифровой экономики, оригинальная цифровая платформа NBICS.NET, позволяющая систематизировать решение социальных, экологических и экономических проблем территорий, оказание туристических услуг в цифровом и аналоговом, онлайн и офлайн-форматах. Инструменты NBICS.NET позволяют применять технологии ИИ, IoT и VR/AR/MR, создать набор требований и профессиональных стандартов для устойчивого и качественного предоставления туристических сервисов, обеспечить зеленые технологии на всех этапах и процессах туристических проектов. Тем самым обеспечивается бережное отношение к человеку и природной среде, решение социальных, экологических и экономических проблем глубинных территорий, стимулирующее влияние на преобразование деревень, поселков и городов, участвующих в проекте и включенных в цифровую платформу. Представленный проект, связанный с великим русским мыслителем Михаилом Ломоносовым, объединяет историю науки и образования в России за последние 300 лет во взаимосвязи с жизнью народов страны, реализуя тем самым концептуально новую форму просвещения молодого поколения. Платформа может стать основой и цифровым универсальным решением для создания аналогичных туристических продуктов в других регионах и странах, объединяя народы гуманитарным смыслом.

Ключевые слова: устойчивое развитие, цифровая платформа, формирование цивилизаций, единство природы и этноса, просвещение молодежи

Для цитирования: Яфасов А. Я., Кибальников С. В., Меркулов А. А., Посконный Д. А. Цифровые технологии в экономике туризма: проект «Путь Ломоносова» // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 96–113.

Digital Technologies in the Tourism Economy: Project “The Lomonosov Way”

Abdurashid Ya. Yafasov¹, Sergey V. Kibalnikov², Alexander A. Merkulov^{1, *}, Dmitry A. Poskonny³

¹Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation; *vsmcenose@mail.ru

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³Limited Liability Company “REED”, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The most important task of the modern Russian economy is the transition to new principles of work, digital platforms and technologies that can provide a comprehensive, complete and efficient relationship between market participants, the state and society. The purpose of this work is to develop a universal digital platform for working in the field of tourism on the example of the tourist project “The Lomonosov Way”. The work uses the methods of the digital

economy, the original digital platform NBICS.NET, which makes it possible to systematize the solution of social, environmental and economic problems of the territories, the provision of tourism services in digital and analog, online and offline formats. NBICS.NET tools make it possible to apply AI, IoT and VR/AR/MR technologies, create a set of requirements and professional standards for the sustainable and high-quality provision of tourism services, and provide green technologies at all stages and processes of tourism projects. This ensures respect for people and the natural environment, the solution of social, environmental and economic problems of deep territories, stimulating the impact on the transformation of villages, towns and cities participating in the project and included in the digital platform. The presented project, associated with the great Russian thinker Mikhail Lomonosov, combines the history of science and education in Russia over the past 300 years in conjunction with the life of the peoples of the country, thereby realizing a conceptually new form of education for the younger generation. The platform can become a basis and a digital universal solution for creating similar tourism products in other regions and countries, uniting peoples with a humanitarian meaning.

Keywords: sustainable development, digital platform, formation of civilizations, unity of nature and ethnicity, youth education

For citing: Yafasov A.Ya., Kibalnikov S.V., Merkulov A.A., D.A. Poskonny. Digital technologies in the tourism economy: the Lomonosov Way project // Administrative Consulting. 2023. N 11. P. 96–113.

Введение

История русского туризма начинается с VI в., когда первые купцы, странники и паломники из Древней Руси появились в других частях света [1], в частности на берегах Эгейского и Адриатического морей. После принятия христианства началась традиция паломничества, великая княгиня Ольга в 957 г. посетила Константинополь и приняла крещение в храме Святой Софии, а в начале XII в. игумен Даниил побывал в Константинополе и Иерусалиме¹. Знаменитый Афанасий Никитин известен своим путешествием в 1468–1475 гг., во время которого в 1471 г. он побывал в Индии, и путевыми заметками «Хождение за три моря»². При императоре Петре I с принятием Манифеста о вольности дворянства началось туристическое освоение россиянами Европы. Особенно пользовались успехом курортные города Карлсбад (Карловы Вары), Баден-Баден и др. 1777 г. можно считать годом рождения международного туристического маршрута в Европу, когда в газете «Московские ведомости» был опубликован «План предприемлемого путешествия в чужие края» [Там же]. Во все времена туризм являлся одним из важных каналов коммуникации, взаимопонимания и сближения различных народов, а начиная со второй половины прошлого века — значимым сектором экономики многих стран, включая Россию.

Для комплексного развития внутреннего и въездного туризма разработана Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г., которую Правительство страны утвердило 20 сентября 2019 г.³ При разработке этого до-

¹ Культура РФ. Пушкинская карта. Образование. Чужие берега: история отечественного туризма с VI века до революции 1917 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/materials/257504/chuzhie-berega-istoriya-otechestvennogo-turizma-s-vi-veka-do-revolyucii-1917-goda> (дата обращения: 12.09.2023).

² Культура РФ. Пушкинская карта. Образование. Записки о дальних землях [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/materials/253087/zapiski-o-dalnikh-zemlyakh> (дата обращения: 12.09.2023).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2128-р «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPASHEuYxmWSpB4lrM.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).

кумента была проведена большая работа, связанная с ролью туризма в достижении ЦУР, на которую обращают большое внимание в последние годы во многих странах мира [14; 19; 27]. В целом в мире формируются новые взгляды на политику в туризме, туристическое предпринимательство, направления развития туризма с учетом особенностей регионов¹ и стран. Уникальная русская славянская цивилизация, вобравшая в себя множество народов и религий, отличающаяся толерантностью к ним, расположенная на огромной территории с различными климатическими зонами и ландшафтами, всегда привлекала внимание народов мира, имеет высокий потенциал развития туризма во многих его видах.

Целью данной работы является разработка универсальной цифровой платформы для участников (экономических акторов) сектора туризма и смежных секторов экономики на основе оригинальной цифровой платформы NBICS.NET. Основной идеей, рассмотренной в качестве примера концепции проекта «Путь Ломоносова», выбран исторический сюжет из жизни великого русского мыслителя Михаила Васильевича Ломоносова. Он позволяет органично объединить вопросы экономики туризма с историей науки и образования, современными цифровыми технологиями, жизнью северных народов страны и развитием русской славянской цивилизации.

Материалы и методы

В Стратегии развития туризма в России до 2035 г. выделены смысловые и временные ориентиры, направленные:

- на развитие конкурентоспособной туристической продукции;
- на усиление социальной, экологической и экономической роли туризма в экономике страны, соответствие развития туризма ЦУР;
- на обеспечение доступности туристских услуг для населения;
- гармоничное развитие малых городов и отдаленных территорий России, для которых туризм является важной частью их культурной жизни и экономики.

В Стратегии выделены 10 видов специализированного туризма:

- горнолыжный туризм;
- деловой туризм;
- круизный туризм;
- культурно-познавательный туризм — знакомство с историко-культурными ценностями, природными ландшафтами, традициями и обычаями народов;
- лечебно-оздоровительный туризм;
- научный туризм — путешествие с целью сбора и обмена научной информацией, проведения исследований, посещения научных форумов, конференций и др. мероприятий;
- промышленный туризм — путешествие с целью ознакомления с процессами, оборудованием и технологиями новых производств;
- сельский туризм — путешествие с целью отдыха в сельской местности, в натуральной природной среде с возможным участием в сельскохозяйственных работах;
- экологический туризм — все формы природного туризма с целью приобщения человека к природе и бережного отношения к ней;
- молодежный туризм — туризм лиц в возрасте от 18 до 35 лет, включающий все виды туризма.

¹ Какой будет новая эра внутреннего туризма в России. РБК*Тренды. Обновлено 19.08.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/62f6637b9a7947632dd35ab7> (дата обращения: 12.09.2023).

Выделены редкие виды и уникальные продукты туризма, к которым можно отнести «Рыбную деревню», построенную в Калининграде в начале XXI в. в виде стилизованного квартала Кенигсберга XVIII в. с восстановлением его знаменитого разводного моста того времени [9]. Уже одно перечисление видов свидетельствует о том, что туризм является мощным инструментом синергетического и разно-стороннего развития экономики страны и общества. Следуя Г. Хакену, С. П. Курдюмову, Г. Г. Малинецкому под синергетикой подразумеваются процессы, возникающие в системе из-за действия нескольких факторов, в результате которого возникает мультипликативный эффект с переводом системы в новое состояние [6; 8; 17; 18]. Под системой в данном случае имеются в виду территории, регионы, сообщества, участвующие в туристическом проекте.

В работе представлены результаты разработки универсальной цифровой платформы NBICS.NET для сектора туризма и смежных секторов экономики. Платформа создает условия для мультипликативного эффекта при использовании в сложных многокомпонентных туристических продуктах, в основе которых лежат несколько идей, концептов, объединенных смысловым содержанием, разнородной структурой и процессами, объединяя их в единый туристический продукт в концепте цифровой экономики. В качестве такого комплексного туристического продукта рассмотрена концепция оригинального проекта «Путь Ломоносова», в которой использованы:

- 1) цивилизационная платформа многонационального этноса, знакомство с национальной культурой которого сближает народы и содействует взаимопониманию, гуманитарному развитию и ЦУР, является основой российского предпринимательства [10];
- 2) цифровая платформа, позволяющая систематизировать знакомство с социальными, культурными, экологическими и экономическими достижениями многонационального этноса с использованием технологий синтеза распределенных гибких интеллектуальных систем управления — ситуационных центров [7; 21; 22];
- 3) система подготовки технологических предпринимателей [20] и организации оказания туристических услуг в цифровом и аналоговом, онлайн и офлайн-форматах, обеспечивающая концептуально новую форму просвещения населения, в первую очередь молодого поколения и взаимопонимания народов мира;
- 4) принципы организации стратегического планирования, сформулированные в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» от 8 ноября 2021 г. № 633¹ с направлениями совершенствования и организационными уровнями стратегических планов, сформулированными в работе [5].

Результаты

На рис. 1 представлен туристический маршрут «Путь Ломоносова», включающий многие десятки малых городов и деревень от Дальнего Севера России и до Москвы, пролегающий по территории 4 регионов: Архангельской, Вологодской, Ярославской и Московской областей Российской Федерации. Рассмотрим концепцию проекта туристического маршрута «Путь Ломоносова» во взаимосвязи со Стратегией развития туризма в России до 2035 г.

С развитием цифровой экономики, расширением скоростных сетей Интернет и массовым внедрением в деловую практику и жизнедеятельность человека, в ком-

¹ Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 года № 633 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения: 12.09.2023).

муникации людей и технических систем всевозможных гаджетов туризм значительно поменялся в части предлагаемых туристических продуктов. В рассматриваемой концепции проекта в качестве цифровой коммуникационной основы предлагается использовать оригинальную цифровую платформу NBICS.NET, разработанную в технопарке Калининградского государственного технического университета [3]. В ней используется комплекс решений в области информатики, позволяющих создавать оперативно необходимые новые туристические продукты и системы мониторинга, оптимизации и управления туристическими продуктами и потоками с учетом специфики территорий, ландшафта, экологии и этноса [3; 7; 20–22] с выделением создаваемых объектов интеллектуальной собственности [31].

С точки зрения просветительского характера маршрута вводится система персональной подстройки, которая определяет «отправную точку» — показатели осведомленности туриста о достопримечательностях, истории маршрута, наличии культурных артефактов. На этапе бронирования и оформления поездки производится социальное анкетирование, которое позволяет условно определить «отправную точку» (рис. 2). Далее при реализации маршрута, на разных стадиях и этапах реализации, производится сбор и анализ данных о нахождении туриста на марш-

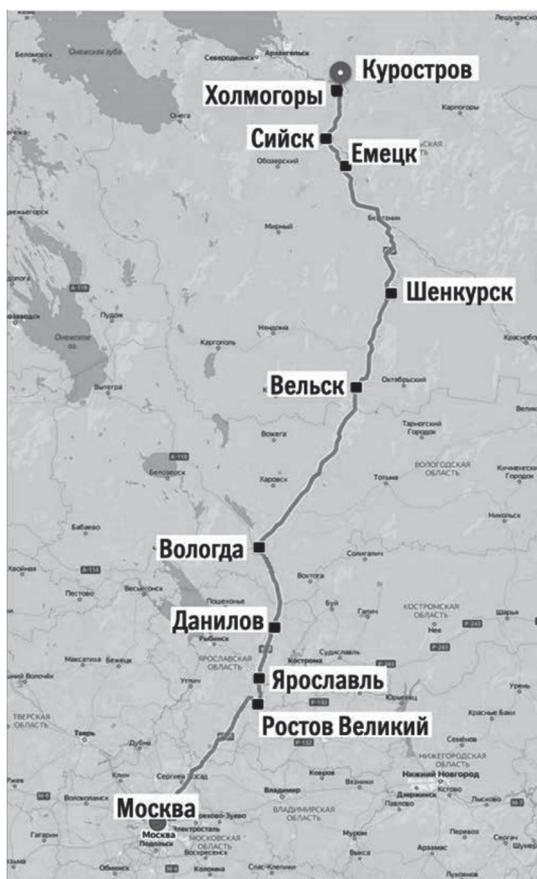

Рис. 1. Туристический маршрут «Путь Ломоносова»
Fig. 1. Tourist route “The Lomonosov Way”

рUTE, получении и реакции на получение культурных артефактов и восприятия информации.

Планируется встраивание в платформу системы поддержки социальных коммуникаций на маршруте, которая включает в себя каналы:

- коммуникационные сценарии проводников;
- дополнительно усиливающие информационные материалы;
- игровые сценарии на маршруте, например, систему «пасхальных яиц», «интеллектуальных тайников» — которые позволяют получать дополнительные призовые культурные артефакты. Реализация просветительского процесса реализуется через логически-интеллектуальное ядро поддержки, с использованием библиотеки артефактов, которая встраивается в персонализированную аддитивную модель приращения культурной модели туриста. Система артефактов персонализируется, подстраивается под культурный профиль, встраивается в проблемно- и задачно-ориентированность маршрута (ответ на вопрос, зачем турист проходит этот маршрут, какие задачи и проблемы мы решаем через этот акт туристической деятельности). Процесс просвещения встраивается в систему контекстов, которые определяют требования к процессу, подстраивают прохождение маршрута под различные задачные ориентации (рис. 3).

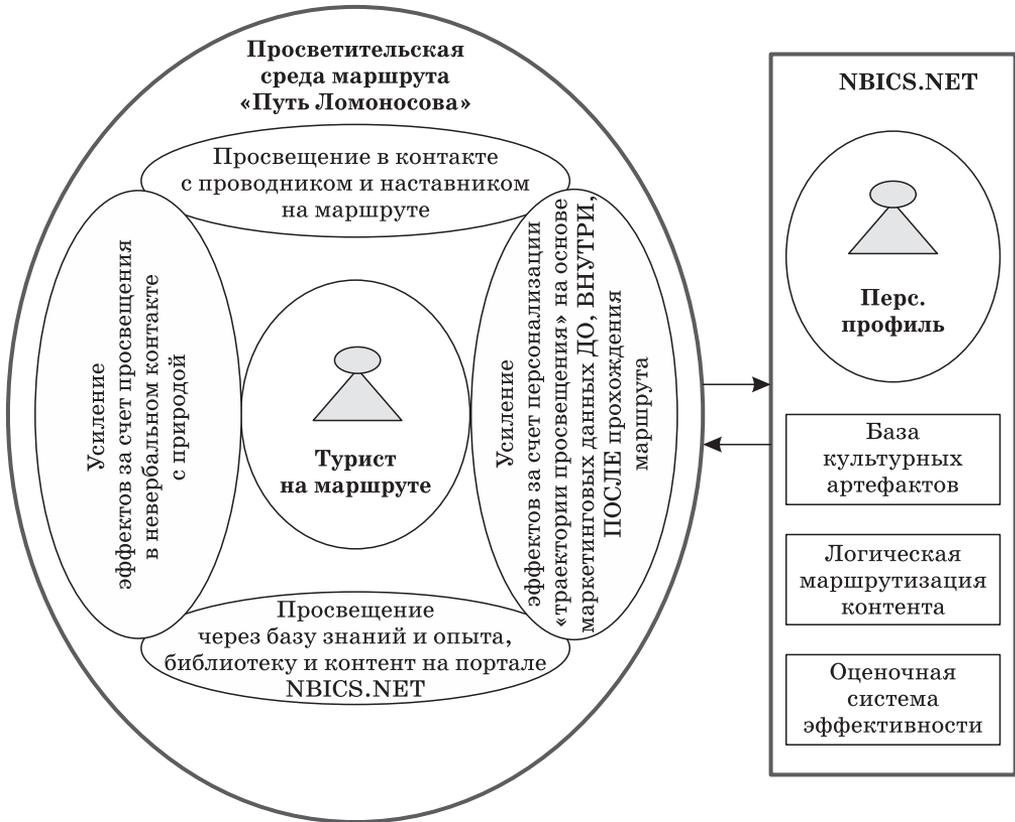

Рис. 2. Построение просветительской среды/окружения на маршруте «Путь Ломоносова»

Fig. 2. Building an educational environment/environment on the route "The Lomonosov Way"

Рис. 3. Система контекстов маршрута
Fig. 3. Route context system

По мере реализации просветительских задач на маршруте происходит построение «персонализированных траекторий», которые снабжаются системами оценки эффективности просветительского процесса. То есть, по сути, создается кастомизированный туристический продукт с учетом интересов и пожеланий каждого туриста. Дополнительно вводится понятие «отложенного эффекта», когда просвещение, полученное на маршруте, начинает работать спустя время, отражаясь на траекториях образования, обучения, дальнейшего развития человека. Создается информационная связь через платформу NBICS.NET, которая агрегируя данные ДО, ВНУТРИ, ПОСЛЕ прохождения маршрута (например, об успеваемости школьников и студентов), определяет наличие коррелята от факта прохождения маршрута до факта коррекции через просвещение. Например, если прохождение маршрута вызывает интерес к определенным областям науки, включение в научно-просветительский процесс наставников из числа профессорско-преподавательского состава МГУ им. Ломоносова, КГТУ и др. вузов запускает интерес к фундаментальным областям знаний. Таким образом, использование цифровой платформы NBICS.NET позволяет выполнять качественную оркестрацию просветительского процесса, с проведением персонализации и с агрегацией просветительских задач в групповые акты туризма.

При правильном построении интеграции участников и процессов туристического маршрута с длительными «траекториями» на платформе NBICS.NET возможны мониторинг и изучение задачно- и проблемно-ориентированных моделей просвещения на маршруте. Подключение и локализация сообществ, посетивших туристический маршрут «Путь Ломоносова», в единый просветительский механизм платформы NBICS.NET позволяет исследовать сетевые реакции и изменения характеристик «человеческого капитала» при прохождении маршрута. Возникают возможности для изучения корреляций изменений в био-психо-социальной «модели Здоровья», «модели Образования», «модели Опыта, Знаний и Инноваций». Таким образом, интеграция туристических маршрутов на платформе NBICS.NET позволяет системно подходить к решению разного рода трансформационных задач, создавая основу для новых инструментов интеллектуального развития и патриотического воспитания молодежи и населения в целом. Отсюда следует, что одной из главных целей концепции проекта «Путь Ломоносова» ставится задача повышения качества культурного и кросс-культурного обмена, получения знаний о жизни «глубинки России» с изучением истории в непосредственном контакте с историческими местами. Перед экономическими акторами, участвующими в этом проекте, открываются новые возможности генерации инновационных продуктов, снижения ресурсных трат, оптимизации транспортных и логистических услуг при повышении качества и безопасности предоставляемых услуг и эффективности бизнес-процессов. Рассмотрим концепцию проекта подробнее. Архитектура системы сервисов проекта «Путь Ломоносова» представлена на рис. 4.

Центр Управления туристическими маршрутами «Путь Ломоносова» включает в себя:

- управление инфраструктурой и загрузкой маршрута;
- управление сервис-точками;
- управление ситуационным реагированием;
- управление логистикой туристических групп;
- управление организацией снабжения и жизнеобеспечения.

Приведем краткие характеристики интерфейсов туристического маршрута с функционалами рабочих кабинетов проводника, туриста, а также сервисов транспорта, мест отдыха и питания.

Интерфейсы туристического маршрута. Создаются учетные записи проводников, туристов (при подключении к сети «Путь Ломоносова»), Сервис-точек (отдых, питание, размещение/ночлег, транспорт).

Функционал рабочего кабинета проводника:

- доступ к расписанию, работе с группой, списком группы;
- оповещение, управление сбором группы;
- чек-лист подготовительных операций;
- замер температуры;
- проверка психофизиологического состояния;
- проверка одежды и обуви;
- проверка снаряжения;
- проведение инструктажа;
- фиксация инцидентов допуска к маршруту;
- состояния опьянения, в том числе наркотического опьянения;
- визуально определяемое болезненное состояние;
- определяемое состояние физической усталости;
- определяемое несоответствие одежды и обуви, в том числе предполагаемым погодным условиям;
- некомплектность снаряжения;
- некачественное снаряжение, не соответствующее требованиям;

Рис. 4. Архитектура системы сервисов проекта «Путь Ломоносова»
 Fig. 4. Architecture of the service system of the Lomonosov Way project

- управление трекингом маршрута, в том числе с учетом загрузки инфраструктуры;
- управление бронированием мест размещения и отдыха;
- «тревожная кнопка» (органы правопорядка, скорая медицинская помощь, ЧС);
- интерфейс связи с Центром управления туристическими маршрутами «Путь Ломоносова»;
- интерфейс управления анимацией на маршруте, доступ к базе знаний, подсказки по управлению «культурными артефактами».

Функционал рабочего кабинета туриста:

- описание маршрута с доступом к Базе Знаний;
- трекер маршрута (в том числе с осуществлением маршрутизации «потеряшек» вывода на точки сбора);
- игровой интерфейс (мотивационная схема получения «артефактов маршрута», управление «пасхалками», «интеллектуальный трек»);
- планировщик сбора группы;
- интерфейс связи с Центром Управления Туристическими Маршрутами «Путь Ломоносова»;
- интерфейс социального опроса ДО и ПОСЛЕ прохождения;
- чек-лист требований к подготовке;

- маркетплейс;
- «тревожная кнопка» (органы правопорядка, скорая медицинская помощь, ЧС).
Функционал рабочего кабинета сервиса транспорта:
- отслеживание заказов на транспортировку (персональную и групповую), в том числе с определением требований к поездке (количество мест, багаж, детские кресла, маломобильные/инвалиды, негабаритный груз);
- отслеживание трекинга группы, времени прибытия;
- управление стоянками, парковочными местами, местами ожидания;
- управление заправкой топливом;
- «тревожная кнопка» (органы правопорядка, скорая медицинская помощь, ЧС).
Функционал рабочего кабинета сервиса места отдыха:
- отслеживание заказа на отдых группы (численность и характер группы);
- отслеживание трекинга группы, времени прибытия;
- определение заказа на питание (в том числе горячее питание), обеспечение водой;
- определение условий отдыха (обогрев, режим анимации: «тишина», «дополнительный рассказчик», «концерт»).
- **Функционал рабочего кабинета сервиса питания:**
- отслеживание заказа на питание (групповое — кол-во порций, персональное/заказное меню);
- дополнительные требования (детское питание, маломобильные/инвалиды, здоровое питание — в том числе для лиц, проходящих реабилитацию);
- определение условий отдыха (режим анимации: «тишина», «дополнительный рассказчик», «концерт»);
- отслеживание трекинга группы, времени прибытия.

Обсуждение результатов

Во все времена туризм являлся одним из важных каналов коммуникации, взаимопонимания и сближения различных народов, а, начиная со второй половины прошлого века — значимым сектором экономики многих стран, включая Россию. Общий вклад сферы путешествий и туризма в ВВП различных стран (в млрд долл., по итогам 2021 г.) выглядит следующим образом¹:

США	1271,2
Китай	814,3
Германия	251,0
Япония	206,3
Италия	179,0
Индия	178,0
Франция	177,9
Мексика	168,8
Великобритания	157,5
Испания	113,1
Бразилия	103,5
Канада	88,0
Австралия	76,5
Россия	66,0
Турция	59,3

¹ Статистический бюллетень Росстата к всемирному дню туризма — 2022 [Электронный ресурс]. М., Росстат, 2022, 28 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2022.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

Сегодня инфраструктура туризма активно развивается в России, в частности, на Острове «Октябрьский» в Калининграде в развитие проекта «Рыбная деревня» [9] строится целый комплекс сооружений, привлекательных с точки зрения специализированных видов туризма: культурного, этнографического, спортивного, молодежного¹. Вклад туризма в экономику России в последние годы колеблется в пределах 2,4–2,8%: 2018 — 2,7%, 2019 — 2,8%, 2020 — 2,4%, 2021 — 2,6%. Пандемия COVID-19 и его последствия показали значимость индустрии туризма для многих стран². По данным UNWTO международный туризм сократился на 74%, а во многих развивающихся странах до 90%³. В материалах Всемирного совета по путешествиям и туризму, опубликованном в 2022 г., приводится прогноз развития сектора путешествий и туризма⁴. После спада, вызванного пандемией COVID-19, туризм по прогнозам будет расти в среднем на 5,8% в год в период с 2022 по 2032 г., превысив темпы роста мировой экономики в 2,7%, и достигнет 14,6 трлн долл., что составит не менее 1/9 от общего объема мирового ВВП. В течение ближайшего десятилетия туризм привлечет около 126 млн новых рабочих мест, причем уже в 2023 г. в связи с заявлением ВОЗ о завершении пандемии COVID-19, по оптимистическим прогнозам, объем туристических услуг должен восстановиться полностью и достичь уровня 2019 г. В работах [12; 13; 25; 28] приведены последствия пандемии COVID-19, новые тенденции развития международного туризма и рекреации, новые взгляды на туристическое предпринимательство, направления и политику развития туризма. Следует отметить работы [14; 19; 27; 11; 15; 16; 23; 24; 28; 29], в которых проблемы и стратегические перспективы развития туризма рассматриваются в контексте ЦУР, углубления понимания переосмысления роли и ответственности индустрии туризма для достижения ЦУР.

Сегодня стратегические перспективы развития туризма нет смысла рассматривать в отрыве от цифровой экономики и современных информационных технологий искусственного интеллекта (ИИ), цифровых платформ, интернета вещей (IoT), виртуальной (VR), дополненной (AR) и смешанной (MR) реальности [4; 26; 30]. Люди хотят путешествовать, и этому способствуют новые взгляды на туристическое предпринимательство, технологии цифровой экономики и роль туризма в устойчивом развитии в соответствии с ЦУР ООН⁵. В рассмотренной концепции научно-образовательного туристического проекта «Путь Ломоносова» принят и реализуется аксиоматический подход человекоцентричности и информационной безопасности, при котором использование цифровой платформы NBICS.NET с расширенным применением контактных и бесконтактных сенсоров, технологии ИИ, IoT и VR/AR/MR-технологий позволяет обеспечить зеленые технологии на всех этапах и процессах проекта. Тем самым обеспечивается бережное отношение к человеку и природной

¹ Послание губернатора А.А. Алиханова Законодательному Собранию Калининградской области. «Об основных направлениях своей деятельности и деятельности правительства Калининградской области на период 2023–2027 годов», 15 декабря 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://gov39.ru/press/323669/> (дата обращения: 12.09.2023).

² UNWTO. Impact Assessment of the Covid-19 Outbreak on International Tourism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwto.org/impact-assessment-of-the-covid-19-outbreak-on-international-tourism> (дата обращения: 12.09.2023).

³ UNCTAD.2021.COVID-19 AND TOURISM AN UPDATE EMBARGO. Assessing the economic consequences. 23 p. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditcinf2021d3_en_0.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Tourism Investment 2022. Global greenfield investment trends in tourism. UNWTO, 2022/ 28 p. [Электронный ресурс]. <https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2022-11/fdi-tourism-investment-report-2022.pdf?VersionId=98dQxobPihRCiszknN7V5SbB7OQ0Lsxe> (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ UN. The Sustainable Development Goals Report 2018 [Электронный ресурс]. <https://unstats.un.org/sdgs/report/2018> (дата обращения: 12.09.2023).

среде, решение социальных, экологических и экономических проблем территорий, более глубокое системное персонализированное просвещение.

Гибкая и быстро перестраиваемая структура цифровой платформы позволяет непрерывно наращивать и менять содержание туристических продуктов, накапливать исторические знания по развитию народных ремесел и промыслов для создания аналогичных туристических продуктов, использования методологии в других регионах и странах, частях мира, объединяя народы гуманитарным смыслом. То есть решения, сформулированные авторами в работах [3; 7; 10; 20–22; 31] с использованием достижений цифровой экономики для различных видов туристических продуктов, могут найти применение в других частях света, регионах мира.

Динамическая коррекция артефактов позволяет реализовывать элементы игр при прохождении маршрута, причем дополнительные встраивания элементов VR/AR/MR-технологий позволяют также организовывать интерфейсы платформы NBICS.NET в качестве скрытых артефактов маршрута. Такая возможность платформы повышает качество реализации просветительских функций, позволяет запускать процессы добора данных внутри прохождения маршрута без использования проводника группы туристов или индивидуальных туристов, руководителя, наставника. Платформа позволяет реализовать «виртуальных проводников», создавать треки и траектории познавательного характера, непосредственно связанные с объектом изучения, например, встраивание виртуального контента в посещение исторического места или исторического объекта, и многое другое.

В работе [2] отмечается: «Люди живут в глубоко социальном мире, постоянно взаимодействуя с другими людьми». В развитии этой мысли проект «Путь Ломоносова» выбран в качестве примера по той причине, что он показывает возможности реализации с помощью цифровой платформы NBICS.NET многогранного взаимодействия людей разного возраста, профессий, вероисповедания, культуры, ментальности, уровня знаний, приводящего к взаимопониманию и взаимообогащению по всем этим граням взаимодействия. Платформа позволяет реализовать концепцию просветительского/интеллектуального туризма в соответствии с закономерностями развития и формирования человека (ноогенеза), интеллектуальных систем и их функционирования в гармоничных взаимоотношениях с окружающей средой. Реализуется органичная совокупность гуманитарного, экономического, экологического, технократического и технологизированного подходов к созданию типового комплексного межрегионального туристического маршрута. И с этой точки зрения туристический маршрут «Путь Ломоносова» представляется как трансформационный продукт, который решает задачи образовательного, культурно- и интеллектуально-развивающего характера. Рассматривая «Путь Ломоносова» как частный вид реализации варианта трансформационной платформы, необходимо ввести понимание «динамической модели» человеческого капитала. Дело в том, что использование капитализации в оценке эффективности маршрута позволяет изначально ориентироваться на создание системы нормирования и оценки экономических, экологических и социальных моделей маршрута на гуманитарной основе.

Дополнительно к «внутренней оценке» — оценке приращения удельных показателей человеческого капитала при прохождении по маршруту, вводится система «внешней оценки» — стыковки встраивания маршрута в социально-экономический и природный ландшафт регионов и система определения мультипликаторов воздействия. С этой точки зрения маршрут «Путь Ломоносова» необходимо рассматривать как непрерывный ряд «точек роста» местных сообществ, малых городов, сел и деревень 4 регионов пролегания маршрута: Архангельской, Вологодской, Ярославской и Московской областей Российской Федерации, с Дальнего Севера и до столицы страны — Москвы (см. рис. 1). Уникальностью проекта как туристического продукта является интеграция социально-экономических систем 4 регионов,

объединенных общими образовательными, культурно-просветительскими, трансформационными, исследовательскими задачами.

Создание «сквозного маршрута» по многим городам и селам 4 регионов России позволяет проектировать различные типы туристических продуктов по длительности, территориальному охвату, ландшафтному и этническому, смысловому наполнению. Цифровая платформа NBICS.NET обеспечивает динамическое управление организацией маршрутов, отклонениями от них в заповедные уголки России, мониторингом туристических групп, сценарированием и настройкой инфраструктуры маршрута. С помощью нее можно подстраивать сценарий сервисов под индивидуальные и групповые запросы туристов, вырабатывать рекомендации по совершенствованию инфраструктуры с учетом набираемого опыта работы с туристическим потоком и местными органами власти и бизнесом. Проектом предполагается использование системы омниканальности, позволяющей эффективно управлять встраиванием сервисов в персонализированные и групповые сценарии с поддержкой качества.

Ключевой вопрос для большинства людей на планете — как быть счастливым в условиях постоянно меняющегося мира, причем с растущей скоростью изменений, на которые он не может повлиять? Одним из глубинных проявлений человечества является человеческое общение, которое спустя многие века приводит к возникновению уникальных цивилизаций, которые оставляют глубокий след в развитии человечества. Поэтому самое ценное для человека — это общение с другими людьми, себе подобными и совершенно непохожими. И каждое такое общение обогащает человека не только новыми знаниями или умениями, навыками или технологиями, но и новым смыслом. Туризм создает такую широкую палитру возможностей для общения, что его ценность для развития человека трудно переоценить. Люди разных национальностей, совершенно разных культур, религий и вероисповеданий находят общий язык в процессе общения на примере знакомства с жизнью и бытом других людей, их чаяниями и стремлениями и находят много общего с ними. Поэтому туризм — это мост взаимопонимания и мира между народами, понимания человеком природы, любви к окружающей среде, к среде обитания. Россия в силу многонационального своего народа, уникального русского православия, географических особенностей и больших пространств с естественными, мало тронутыми природными ландшафтами имеет значительный потенциал для развития внутреннего и въездного туризма, предлагая широкий спектр туристических продуктов. Наиболее привлекательными, на наш взгляд, в ближайшее десятилетие будут комплексные туристические продукты, позволяющие каждому человеку найти свою интересную нишу отдыха, рекреации и познания.

Заключение

При открытии Пленарного заседания Форума будущих технологий 13 июля 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал: «Наша принципиальная задача — перевести всю экономику, социальную сферу, органы власти, работу органов власти на качественно новые принципы работы, внедрить управление на новых данных — на основе больших данных. Эффект, как мы рассчитываем, будет в полном смысле комплексным, мультипликативным... Платформенные решения откроют дорогу к тому, чтобы полномасштабно автоматизировать не только технологические процессы, но и взаимоотношения между участниками рынка»¹.

¹ Пленарное заседание Форума будущих технологий. Москва, ЦМТ, Конгресс-центр, 13 июля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71666>; <https://ria.ru/20230715/forum-1884357960.html> (дата обращения: 12.09.2023).

Сотрудниками КГТУ и ассоциации малых инновационных предприятий при технопарке университета разработана универсальная цифровая платформа для туристического сектора экономики. Она позволяет объединить в единую систему решение социальных, экологических и экономических проблем малых городов и сел, отдаленных территорий, путем решения вопросов организации туристических услуг в различных форматах. На примере концепции проекта «Путь Ломоносова» представлена широкая познавательная возможность, реализуемая проектом, которая создает основу для решения задач, определенных ЦУР, сохранения уникальной природы и многообразных ландшафтов России для будущих поколений. Проект может стать научно-методической основой и цифровым универсальным решением в виде цифровой платформы NBICS.NET для создания аналогичных туристических продуктов в других регионах и странах, частях мира, объединяя народы гуманитарным смыслом. Представленная в работе [2] концепция пространственного сканирования показывает возможность создания умной самосогласованной сети туристических проектов, включая в нее имеющиеся и создаваемые территориальные умные системы городов, умные транспортные и социальные (здравоохранения, образования, науки и культуры) и др. системы на единой цифровой платформе с подключением систем ИИ.

Функции платформы NBICS.NET могут быть расширены в виде набора различного рода услуг, оказываемых участниками рынка туризма друг другу, включая размещение, организацию питания и досуга, обслуживание клиентов, доставку необходимых атрибутов туристам и туристическим группам, компаниям в любую точку маршрута. Платформа обеспечивает рекламу, помогает компаниям в создании своего сайта, организации маркетинга, предоставляя всевозможные инструменты привлечения и обслуживания клиентов. У всех участников — пользователей платформы с приобретением новых возможностей для развития своего бизнеса появляется стимул поддерживать её, участвовать в совместном развитии, а следовательно, оказывать содействие в дальнейшем продвижении не только своих проектов, но и фирм-смежников. То есть возникает эффект синергии с конвергенцией знаний и дивергенцией в создании новых туристических продуктов, объединяющих регионы. Реализация концепции проекта туристического маршрута «Путь Ломоносова» может стать импульсом к развитию малых городов и деревень Севера России в концепте цифровой экономики, цифровым универсальным решением для создания туристических продуктов в других регионах и странах, объединяя народы гуманитарным смыслом.

Литература

1. Багдасарян В. Э., Биржаков М. Б., Бобылев В. Ю., Житенев С. Ю. и др. История российского туризма / отв. ред. и сост. Ю. С. Путрик; Рецензенты: А. А. Королев, С. И. Реснянский, К. А. Пшенко, Е. М. Николаев. СПб. : Федеральное агентство по туризму, 2014. 256 с.
2. Вайно А. Э. Капитализация будущего // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С. 42–57.
3. Гнатюк В. И., Меркулов А. А., Яфасов А. Я. Универсальная модель организации как инструмент реализации целостного подхода в управлении социально-экономическими системами // Морские интеллектуальные технологии. 2018. Т. 2. № 2 (40). С. 145–156.
4. Димов Г. В., Комаров М. М., Приворотская С. Г., Вишневский К. О. Перспективы Интернета вещей // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ 19.01.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/808987699.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).
5. Дынкин А. А., Миловидов В. Д. Наука дальновидности: как преуспеть в стратегическом прогнозировании и планировании // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3(198). С. 6–23. DOI: 10.47711/0868-6351-198-6-23.
6. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Едиториал УРСС. 3-е изд. 2003, 288 с.

7. Кострикова Н. А., Меркулов А. А., Яфасов А. Я. Технология синтеза распределенных интеллектуальных систем управления как инструмент устойчивого развития территорий и сложных объектов // *Морские интеллектуальные технологии*. 2017. Т. 37. № 3. С. 135–141.
8. Малинецкий Г. Г. Синергетика новый стиль мышления: Предметное знание, математическое моделирование и философская рефлексия в новой реальности. М. : URSS. 2022. 288 с. (Синергетика: от прошлого к будущему, № 165, Будущая Россия, № 35).
9. Федоров П. Н., Паскарь А. Ю., Яфасов А. Я., Баранов В. Д. Стратегическая логистика инвестиционного проекта «Рыбная деревня» // *Зодчий*. 21 век. 2005. № 2 (18). С. 42–47.
10. Яфасов А. Я. Цивилизационная матрица российского предпринимательства // *Известия КГТУ*. 2023. № 69. С. 123–138. DOI: 10.46845/1997-3071-2023-69-123-138.
11. Abbas J., Mubeen R., Iorember P. T., Raza S., Mamirkulova G. Exploring the impact of COVID-19 on tourism: Transformational potential and implications for a sustainable recovery of the travel and leisure industry // *Curr. Res. Behav. Sci.* 2021. Vol. 2. P. 100033.
12. Arlou S. International Tourism and Recreation Development Trends In 2022: New Tourism Trends. Conference: International Conference on “Education, Management, Humanities & Social Sciences” (EMHSS-23) // Porto, Portugal. December 2022. DOI: 10.47750/pnr.2022.13.S09.425.
13. Boluk K., Cavaliere C., Higgins-Desbiolles F. A critical framework for interrogating the United Nations Sustainable Development Goals 2030 Agenda in Tourism // *J. Sustain. Tour.* 2019. Vol. 27. P. 847–864.
14. Boluk K., Rasoolimanesh S. M. Deepening our understandings of the roles and responsibilities of the tourism industry towards the United Nations Sustainable Development Goals (SDGs) // *Tour. Manag. Perspect.* 2022. Vol. 41. P. 100944.
15. Fletcher R., Mas I. M., Blazquez-Salom M., Blanco-Romero A. Tourism, Degrowth, and the COVID-19 Crisis // *Political Ecology Network* [Electronic source]. URL: <https://politicalecologynetwork.org/2020/03/24/tourism-degrowth-and-the-covid-19-crisis> (accessed: 12.09.23).
16. Gössling S., Scot D., Hall C. M. Pandemics, tourism and global change: A rapid assessment of COVID-19 // *J. Sustain. Tour.* 2020. Vol. 29.
17. Haken H. Synergetics: an introduction : nonequilibrium phase transitions and self-organization in physics, chemistry, and biology. Berlin, New York : Springer-Verlag, 1978. ISBN 0-387-08866-0. OCLC 396602.
18. Haken H. Synergetik in der Psychologie Selbstorganisation verstehen und gestalten (in German). Göttingen, Bern, Wien, Toronto, Seattle, Oxford, Prag : Hogrefe, 2006. ISBN 3-8017-1686-4. OCLC 181495870
19. Hall C. M., Lundmark L., Zhang J. J. Degrowth and Tourism: New perspectives on Tourism Entrepreneurship, Destinations and Policy in the Series Contemporary Geographies of Leisure, Tourism and Mobility. London, UK : Routledge, 2021.
20. Maitakov F. G., Merkulov A. A., Petrenko E. V., Yafasov A. Ya. A System for Training Innovative Entrepreneurs with the Use of an Aggregator Platform for the Digital Economy. Ecosystems Without Borders Opportunities and Challenges // *Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, 2022. Vol. 474. P. 177–196. DOI: 10.1007/978-3-031-05778-6.
21. Maitakov F. G., Merkulov A. A., Petrenko E. V., Yafasov A. Ya. A Universal Model of a Subject Area for Situational Centers // *Communications in Computer and Information Science*. 2019. Vol. 947. P. 415–423.
22. Maitakov F. G., Merkulov A. A., Petrenko E. V., Yafasov A. Ya. Development of Decision Support Systems for Smart Cities // *Communications in Computer and Information Science*. 2019. Vol. 947. P. 52–63.
23. Muller T. Why the Corona Virus Crisis Is a Unique and Once in a Lifetime Opportunity for Destinations and the Tourism Industry. *VoyagesAfric*. 2020 [Electronic source]. URL: <https://voyagesafric.com/2020/03/23/why-the-corona-virus-crisis-is-a-unique-and-once-in-a-lifetime-opportunity-for-destinations-and-the-tourism-industry> (accessed: 12.09.23).
24. Nicola M., Alsaifi Z., Sohrabi C., Kerwan A. et al. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review // *Int. J. Surg.* 2020. Vol. 78. P. 185–193.
25. Onyeaka H., Anumudu C. K., Al-Sharify Z. T., Egele-Godswill E. et al. COVID-19 pandemic: A review of the global lockdown and its far-reaching effects // *Science Progress*. Vol. 104. Is. 2. April-June 2021. DOI: 10.1177/00368504211019854
26. *Proceedings of the 4th Summer School on Cyber-Physical Systems and Internet-of Things / ed.: L. Jozwiak, R. Stojanovic, Ch. Antonopoulos*. Vol. IV. Montenegro, Podgorica. June 2023, 963 p.

27. *Rifai T.* In *Tourism and the Sustainable Development Goals: Journey to 2030* [Electronic source]. URL: <https://www.unwto.org/tourism4sdgs> (accessed: 12.09.23).
28. *Siamak Seyfi C., Hall M., Saarinen J.* Rethinking sustainable substitution between domestic and international tourism: a policy thought experiment // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2022. DOI: 10.1080/19407963.2022.2100410.
29. *Varzaru A.A., Vocean C.G., Cazacu M.* Rethinking Tourism Industry in Pandemic COVID-19 Period // *Sustainability* 2021. Vol. 13. P. 6956. DOI: 10.3390/su13126956.
30. *Vasarainen M., Paavola S., Vetoshkina L.* A Systematic Literature Review on Extended Reality: Virtual, Augmented and Mixed Reality in Collaborative Working Life Setting // *International Journal of Virtual Reality*. Vol. 21 (2). P. 1–28. DOI: 10.20870/IJVR.2021.21.2.4620.
31. *Yafasov A., Kibalnikov S., Merkulov A., Gordeeva E.* Additive Technologies for Adaptive Creativity Flexible Express Design in an Exponential Economy. Ecosystems without Borders Opportunities and Challenges // *Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, 2022. Vol. 474. P. 231–242. DOI: 10.1007/978-3-031-05778-6.

Об авторах:

Яфасов Абдурашид Яруллаевич, начальник управления инновационной деятельностью Калининградского государственного технического университета (Калининград, Российская Федерация), доктор технических наук; yafasov@list.ru

Кибальников Сергей Владимирович, профессор кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор технических наук, профессор; kibalnikov@gmail.com

Меркулов Александр Алексеевич, начальник технопарка Калининградского государственного технического университета (Калининград, Российская Федерация), кандидат технических наук; vsmcense@mail.ru

Посконный Дмитрий Александрович, заместитель генерального директора по развитию ООО «РИД» (Москва, Российская Федерация), umka59@yandex.ru

References

1. Bagdasaryan V.E., Birzhakov M.B., Bobylev V.Yu., Zhitenev S.Yu. et al. *History of Russian tourism* / ed. and comp. J.S. Putrik; Reviewers: A.A. Korolev, S.I. Resnyansky, K.A. Pshenko, E.M. Nikolaev. SPb. : Federal Agency for Tourism, 2014. 256 p. (in Rus).
2. Vaino A.E. Capitalization of the future // *Issues of economics and law*. 2012. N 4. P. 42–57 (in Rus).
3. Gnatyuk V.I., Merkulov A.A., Yafasov A.Ya. Universal model of organization as a tool for implementing a holistic approach in the management of socio-economic systems // *Marine intelligent technologies*. 2018. Vol. 2. N 2 (40). P. 145–156 (in Rus).
4. Dimov G.V., Komarov M.M., Privorotskaya S.G., Vishnevsky K.O. Prospects of the Internet of Things // *ISIEZ HSE* 19.01.202 3 [Electronic source]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/808987699.pdf> (accessed: 12.09.23) (in Rus).
5. Dynkin A.A., Milovidov V.D. The science of vision: how to succeed in strategic forecasting and planning // *Forecasting problems*. 2023. N 3 (198). P. 6–23. DOI: 10.47711/0868-6351-198-6-23 (in Rus).
6. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. *Synergy and forecasts of the future*. M. : Yeditorial URSS. 3rd ed. 2003, 288 p. (in Rus).
7. Kostrikova N.A., Merkulov A.A., Yafasov A.Ya. Technology of synthesis of distributed intelligent control systems as a tool for sustainable development of territories and complex facilities // *Marine intelligent technologies*. 2017. Vol. 37. N 3. P. 135–141 (in Rus).
8. Malinetsky G.G. Synergetics of a new style of thinking: Subject knowledge, mathematical modeling and philosophical reflection in the new reality. M. : URSS. 2022. 288 p. (Synergy: from the past to the future, N 165, *Future Russia*, N 35) (in Rus).
9. Fyodorov P.N., Paskar A.Yu., Yafasov A.Ya., Baranov V.D. Strategic logistics of the investment project “Fish Village” // *Architect*. 21st century. 2005. N 2 (18). P. 42–47 (in Rus).
10. Yafasov A.Ya. Civilization Matrix of Russian Entrepreneurship // *Izvestia KSTU*. 2023. N 69. P. 123–138. DOI: 10.46845/1997-3071-2023-69-123-138 (in Rus).

11. Abbas J., Mubeen R., Iorember P.T., Raza S., Mamirkulova G. Exploring the impact of COVID-19 on tourism: Transformational potential and implications for a sustainable recovery of the travel and leisure industry // *Curr. Res. Behav. Sci.* 2021. Vol. 2. P. 100033.
12. Arlou S. International Tourism and Recreation Development Trends In 2022: New Tourism Trends. Conference: International Conference on "Education, Management, Humanities & Social Sciences" (EMHSS-23) // Porto, Portugal. December 2022. DOI: 10.47750/pnr.2022.13.S09.425.
13. Boluk K., Cavaliere C., Higgins-Desbiolles F. A critical framework for interrogating the United Nations Sustainable Development Goals 2030 Agenda in Tourism // *J. Sustain. Tour.* 2019. Vol. 27. P. 847–864.
14. Boluk K., Rasoolimanesh S.M. Deepening our understandings of the roles and responsibilities of the tourism industry towards the United Nations Sustainable Development Goals (SDGs) // *Tour. Manag. Perspect.* 2022. Vol. 41. P. 100944.
15. Fletcher R., Mas I.M., Blazquez-Salom M., Blanco-Romero A. Tourism, Degrowth, and the COVID-19 Crisis // *Political Ecology Network* [Electronic source]. URL: <https://politicalecology-net-work.org/2020/03/24/tourism-degrowth-and-the-covid-19-crisis> (accessed: 12.09.23).
16. Gössling S., Scot D., Hall C.M. Pandemics, tourism and global change: A rapid assessment of COVID-19 // *J. Sustain. Tour.* 2020. Vol. 29.
17. Haken H. Synergetics: an introduction : nonequilibrium phase transitions and self-organization in physics, chemistry, and biology. Berlin, New York : Springer-Verlag, 1978. ISBN 0-387-08866-0. OCLC 396602.
18. Haken H. Synergetik in der Psychologie Selbstorganisation verstehen und gestalten (in German). Göttingen, Bern, Wien, Toronto, Seattle, Oxford, Prag : Hogrefe, 2006. ISBN 3-8017-1686-4. OCLC 181495870
19. Hall C.M., Lundmark L., Zhang J.J. Degrowth and Tourism: New perspectives on Tourism Entrepreneurship, Destinations and Policy in the Series Contemporary Geographies of Leisure, Tourism and Mobility. London, UK : Routledge, 2021.
20. Maitakov F.G., Merkulov A.A., Petrenko E.V., Yafasov A.Ya. A System for Training Innovative Entrepreneurs with the Use of an Aggregator Platform for the Digital Economy. Ecosystems Without Borders Opportunities and Challenges // *Lecture Notes in Networks and Systems.* Springer, 2022. Vol. 474. P. 177–196. DOI: 10.1007/978-3-031-05778-6.
21. Maitakov F.G., Merkulov A.A., Petrenko E.V., Yafasov A.Ya. A Universal Model of a Subject Area for Situational Centers // *Communications in Computer and Information Science.* 2019. Vol. 947. P. 415–423.
22. Maitakov F.G., Merkulov A.A., Petrenko E.V., Yafasov A.Ya. Development of Decision Support Systems for Smart Cities // *Communications in Computer and Information Science.* 2019. Vol. 947. P. 52–63.
23. Muller T. Why the Corona Virus Crisis Is a Unique and Once in a Lifetime Opportunity for Destinations and the Tourism Industry. *VoyagesAfric.* 2020 [Electronic source]. URL: <https://voyagesafriq.com/2020/03/23/why-the-corona-virus-crisis-is-a-unique-and-once-in-a-lifetime-opportunity-for-destinations-and-the-tourism-industry> (accessed: 12.09.23).
24. Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C., Kerwan A. et al. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review // *Int. J. Surg.* 2020. Vol. 78. P. 185–193.
25. Onyeaka H., Anumudu C.K., Al-Sharif Z.T., Egele-Godswill E. et al. COVID-19 pandemic: A review of the global lockdown and its far-reaching effects // *Science Progress.* Vol. 104. Is. 2. April-June 2021. DOI: 10.1177/00368504211019854
26. Proceedings of the 4th Summer School on Cyber-Physical Systems and Internet-of Things / ed.: L. Jozwiak, R. Stojanovic, Ch. Antonopoulos. Vol. IV. Montenegro, Podgorica. June 2023, 963 p.
27. Rifai T. In Tourism and the Sustainable Development Goals: Journey to 2030 [Electronic source]. URL: <https://www.unwto.org/tourism4sdgs> (accessed: 12.09.23).
28. Siamak Seyfi C., Hall M., Saarinen J. Rethinking sustainable substitution between domestic and international tourism: a policy thought experiment // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events.* 2022. DOI: 10.1080/19407963.2022.2100410.
29. Varzaru A.A., Bocean C.G., Cazacu M. Rethinking Tourism Industry in Pandemic COVID-19 Period // *Sustainability* 2021. Vol. 13. P. 6956. DOI: 10.3390/su13126956.
30. Vasarainen M., Paavola S., Vetoshkina L. A Systematic Literature Review on Extended Reality: Virtual, Augmented and Mixed Reality in Collaborative Working Life Setting // *International Journal of Virtual Reality.* Vol. 21 (2). P. 1–28. DOI: 10.20870/IJVR.2021.21.2.4620.
31. Yafasov A., Kibalnikov S., Merkulov A., Gordeeva E. Additive Technologies for Adaptive Creativity Flexible Express Design in an Exponential Economy. Ecosystems without Borders Opportunities

About the authors:

Abdurashid Ya. Yafasov, Head of Innovation Department, Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russian Federation), Doctor of Technical Sciences, yafasov@list.ru

Sergey V. Kibalnikov, Professor of the Department of Recreational Geography and Tourism of the Geographical Faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Technical Sciences, Professor, kibalnikov@gmail.com

Alexander A. Merkulov, Head of the Technopark of the Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences, vsmcenose@mail.ru

Dmitry A. Poskonny, Deputy General Director for Development of LLC "REED" (Moscow, Russian Federation), umka59@yandex.ru

Общественное участие в бюджетном процессе: теория и методология

Дзгоева Д. Т. *, Романов И. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *dzgoeva-dt@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье проведен анализ различных подходов к пониманию общественного участия в бюджетном процессе зарубежных и отечественных исследователей. В контексте целевого подхода представлены и систематизированы аспекты, связанные с пониманием целей внедрения общественного участия в бюджетный процесс возможных его участников. Кроме того, проведен анализ мотивов участников программ общественного участия в бюджетном процессе.

Актуальность исследования обоснована тем, что развитие общественного участия в бюджетном процессе, в частности инициативного бюджетирования, является одним из современных направлений развития бюджетной политики в Российской Федерации.

Результаты исследования заключаются, во-первых, в сущностном анализе общественного участия в бюджетном процессе в политологическом дискурсе. Во-вторых, в систематизации различных подходов к определению целей внедрения общественного участия в бюджетный процесс. В-третьих, в определении мотивов участников программ общественного участия в бюджетном процессе. Было определено, что ключевым элементом общественного участия в бюджетном процессе является непрерывность процесса взаимодействия общественности и органов публичной власти. Понимание целей и мотивы общественного участия в бюджетном процессе у возможных участников отличаются, однако наиболее заинтересованными в реализации программ общественного участия в бюджетном процессе являются органы государственной власти и граждане — некоммерческие и коммерческие организации же заинтересованы меньше, но их участие позволяет обеспечить дополнительными ресурсами программы общественного участия в бюджетном процессе.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, партисипаторное бюджетирование, участие граждан в бюджетном процессе, открытый бюджет, коммуникация власти и общества

Для цитирования: Дзгоева Д. Т., Романов И. С. Общественное участие в бюджетном процессе: теория и методология // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 114–121.

Public Participation in the Budget Process: Theory and Methodology

Diana T. Dzgoeva*, Ilya S. Romanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation, *dzgoeva-dt@ranepa.ru

ABSTRACT

This article analyzes various approaches to understanding public participation in the budget process of foreign and domestic researchers. In the context of the target approach, aspects related to understanding the goals of introducing public participation into the budget process of its possible participants are presented and systematized. In addition, an analysis was made of the motives of participants in public participation programs in the budget process.

The relevance of the study is justified by the fact that the development of public participation in the budget process, in particular initiative budgeting, is one of the modern directions in the development of budget policy in the Russian Federation.

The results of the study are, firstly, in the essential analysis of public participation in the budget process in political science discourse. Secondly, in the systematization of various approaches to determining the goals of introducing public participation in the budget process. Thirdly, in determining the motives of participants in public participation programs in the budget process. It was determined that a key element of public participation in the budget process is the continuity of the process of interaction between the public and public authorities. Understanding the goals and motives of public participation in the budget process differs among potential participants, however, the most interested in the implementation of public participation programs in the budget process are state authorities and citizens — non-profit and commercial organizations are less interested, but their participation makes it possible to provide additional resources for public participation programs in the budget process.

Keywords: initiative budgeting, participatory budgeting, participation of citizens in the budget process, open budget, communication between government and society

For citing: Dzgoeva D. T., Romanov I. S. Public Participation in the Budget Process: Theory and Methodology // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 114–121.

Введение

Общественное участие в бюджетном процессе, являясь одним из способов реализации прямой демократии, способствует развитию гражданского самосознания и расширению прав и возможностей граждан. Кроме того, существует прямая корреляция с уровнем транспарентности власти и коррупционности управленческой системы.

Общественное участие также позволяет развивать инклюзивное управление, учитывать гражданские интересы, привлекая наиболее уязвимые группы населения: инвалидов, пенсионеров, необеспеченные семьи и так далее.

Перечисленные последствия общественного участия в бюджетном процессе создают возможность для общего развития системы государственного управления в сфере выражения и обеспечения удовлетворения интересов граждан.

Кроме вышеперечисленных положений, следует отметить, что развитие практик общественного участия в бюджетном процессе, в частности инициативного бюджетирования, является одним из направлений бюджетной политики на 2023, 2024 и 2025 гг. С учетом всего перечисленного можно утверждать об актуальности работы.

Понятие общественного участия в бюджетном процессе

В настоящий момент в российской практике и законодательстве нет единого понятия «общественного участия в бюджетном процессе». Существует определение частных практик, например, инициативных проектов и инициативного бюджетирования. Анализ зарубежных научных публикаций показал различные формулировки данного термина. Анух де Сойса, Брайн Вамплер определяют общественное участие в бюджетном процессе как механизм влияния граждан на распределение государственных ресурсов [4, с. 1]. Верб определяет общественное участие как процесс влияния граждан, которые не имеют формального права принятия решений, на лиц, наделенных соответствующими полномочиями. Ив Кабаннес рассматривает общественное участие в бюджетном процессе как форму принятия решений, которая активно вовлекает граждан в процесс распределения бюджетных средств [6; 7].

Каролина Джонсон под общественным участием в бюджетном процессе подразумевает совокупность институтов, которые позволяют гражданам участвовать в обсуждении и влиять на процесс распределения бюджетных средств [10, с. 3].

Всемирный банк определяет общественное участие как процесс, при котором стейкхолдеры могут повлиять на принятие конкретных инициатив, решений и распределение ресурсов¹.

Анализ научных публикаций отечественных авторов позволил выделить ряд формулировок общественного участия в бюджетном процессе. Т.И. Виноградова под общественным участием понимает «участие некоммерческих организаций и отдельных жителей в обсуждении и принятии решений органами власти и контроль за выполнением этих решений» [2, с. 23]. В.А. Федосов определяет его как «процесс взаимодействия граждан и организаций с органами власти в сфере осуществления их бюджетных полномочий. Процессный подход, по его мнению, позволяет охватить общественное участие в бюджетном процессе во всей целостности» [4, с. 4].

На наш взгляд, и в контексте задач государственного управления, и с учетом развития современной российской политической системы уместно говорить об общественном участии в бюджетном процессе как о непрерывном процессе взаимодействия граждан и некоммерческих организаций с органами государственной власти в сфере распределения бюджетных средств с учетом потребностей общественности, вместе с тем, полагая его значимым механизмом коммуникации власти и граждан при решении актуальных задач общественного развития [3, с. 118].

Цели общественного участия в бюджетном процессе

Целями общественного участия в бюджетном процессе изначально являлись улучшение общего состояния системы государственного и муниципального управления, развития демократии и искоренения коррупции [11, с. 23]. Первые проекты инициативного бюджетирования появились в Бразилии в 1989 г. Как пишет Брайан Вамплер, «с момента восстановления демократии в 1985 г., в бразильской политике по-прежнему доминировали патернализм, эксклюзивность социальных институтов и коррупция. Многочисленные органы государственной власти, некоммерческие организации, общественные движения и политические партии обратились к идеям и ценностям партисипативного бюджетирования с целью улучшения результатов государственной политики и развития молодой демократии Бразилии» [11, с. 23]. Основной целью вовлечения граждан в бюджетный процесс являлось улучшение условий жизни малообеспеченных слоев населения. Рабочая партия Бразилии экспериментировала с различными методиками распределения бюджетных средств с целью выявления и эффективного использования расходов, направленных на социальную политику.

Лука Барточчи выделяет пять групп исследователей в зависимости от определения целей внедрения практик общественного участия в бюджетном процессе, в частности, инициативного бюджетирования.

Первая группа исследователей (Тачно и Вамплер) использует бразильский опыт и утверждает, что основными целями являются повышение качества принятия решений и улучшение аллокации ресурсов. Бразильский опыт показывает использование инициативного бюджетирования в сфере здравоохранения и образования. Изменение процесса принятия решения о расходовании бюджетных средств первая группа исследователей напрямую связывает с повышением качества проводимой государственной политики в указанных сферах.

Вторая группа исследователей (Хименес) считает, что инициативное бюджетирование может применяться как инструмент сокращения бюджетных расходов. Участие

¹ World Bank participation sourcebook / World Bank. Washington, D. C., 1996. 280 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/289471468741587739/pdf/multi-page.pdf>. (дата обращения: 20.06.2023).

населения в бюджетном процессе позволяет сократить бюджетные расходы с меньшим количеством потерь и конфликтных ситуаций.

Третья группа исследователей (Голдфранк и Шнайдер) рассматривает инициативное бюджетирование как способ легитимации принятых решений по вопросам бюджета, а также обеспечения дополнительной политической поддержки.

Четвертая группа (Суонер) выделяет целью инициативного бюджетирования повышение доверия к правительству, подотчетности и открытости бюджета.

Пятая группа исследователей (Пиннингтон) рассматривает инициативное бюджетирование как инструмент развития гражданского самосознания и чувства общности. Граждане при включении в местное общественное поле интенсивно коммуницируют друг с другом, что позволяет укрепить местные социальные связи [5, с. 12].

Ив Кабаннес дополнительно выделяет целью практик инициативного бюджетирования создание и нахождение дополнительных финансовых ресурсов, кроме государственного бюджета [6, с. 265]. Бизнес-сообщество, некоммерческие организации, группы граждан могут генерировать и создавать новые ресурсы, которые необходимы для реализации проектов. Например, участие волонтеров в процессе реализации проектов или самообложение граждан.

В. А. Федосов выделяет целью общественного участия «совместный поиск органами государственной власти, гражданами и организациями наилучших решений в реализации бюджетной политики публично-правовым образованием» [4]. Сформулированную В. А. Федосовым цель можно отнести к цели повышения общей эффективности управления. Однако при такой постановке цели нельзя обеспечить контроль достижения поставленной цели, необходимы количественные характеристики. Поэтому были разработаны отдельные индексы, на основании которых задаются целевые показатели. Например, индекс открытости бюджета, индекс участия общественности в бюджетном процессе, индекс бюджетного надзора и другие.

В. В. Вагин рассматривает инициативное бюджетирование как способ выдвижения для финансирования наиболее приоритетных проектов, обеспечение прозрачности бюджетных решений, экономии бюджетных средств, контроля за подрядчиками и бережной эксплуатации объектов. Механизм софинансирования, как отмечает В. В. Вагин, позволяет привлечь дополнительные средства от самих граждан, бизнес-сообществ и муниципалитетов на реализацию проектов инициативного бюджетирования. Самое главное, инициативное бюджетирование позволяет сформировать сопричастность граждан к «судьбам своих городов», уменьшить иждивенческие настроения и увеличить ответственность за города, где они проживают [9].

Участники программ общественного участия имеют различную мотивацию для участия в бюджетном процессе, которую мы рассмотрим подробнее далее. Мотивы могут варьироваться от постройки игровой площадки во дворе до создания прозрачной публичной финансовой системы. Участники программ общественного участия в бюджетном процессе изображены на рис.

Программы общественного участия в бюджетном процессе позволяют обеспечить поддержку граждан на следующих выборах, либо повысить прозрачность работы государственных органов в целом. По своей сути, программы общественного участия подразумевают взаимодействие граждан и групп граждан с органами государственной власти. Двухсторонняя симметричная коммуникация позволяет сформировать доверительное отношение к государственным органам, что позволит проводить государственную политику более эффективно. Непосредственное участие граждан в программах общественного участия в бюджетном процессе формирует ядро активных жителей тех или иных районов, на которых в процессе реализации государственной политики органы государственной власти могут опираться. Поэтому одна из причин внедрять программы общественного участия в бюджетном про-

Рис. Участники программ общественного участия в бюджетном процессе
 Fig. Participants in public participation programs in the budget process

цессе состоит в получении необходимой поддержки для реализации государственной политики.

Второй причиной внедрения программ общественного участия органами государственной власти является перераспределение ресурсов с целью наиболее полного удовлетворения потребностей граждан. Программы общественного участия, благодаря равному диалогу между гражданами и органами государственной власти, позволяют обеспечить перераспределение бюджетных средств от нецелесообразных проектов в сторону необходимых. Брайн Вамплер также отмечает, что одной из причин внедрения органами государственной власти программ общественного участия является обеспечение социальной справедливости. Малообеспеченные граждане и незащищенные слои общества имеют возможность участвовать в процессе распределения ресурсов для улучшения своего благополучия. В программах общественного участия им не требуется конкурировать с более обеспеченными гражданами за общественные блага и ресурсы. Также диалог между малообеспеченными гражданами и органами государственной власти может проводить более эффективную социальную политику и создать инклюзивное общественное пространство.

Третьей причиной внедрения органами государственной власти программ общественного участия является повышение гражданского самосознания и уровня знаний о работе органов власти. Во многих развивающихся странах граждане не имеют базовых знаний о полномочиях органов государственной власти различных уровней. Такая проблема также присутствует в Российской Федерации. Как пишет Дарья Димке, «Минус системы управления как в России, так и в других странах, в том, что люди не знают, что сколько стоит, например, сколько действительно стоит установка скамейки или детской площадки. Это мешает полноценно участвовать не только в проектах вроде «Твоего бюджета», но и использовать другие способы гражданского участия»¹. Программы общественного участия позволяют повысить уровень знаний граждан о системе государственного управления, что способствует развитию доверительных отношений между органами государственной власти и гражданами.

Четвертой причиной внедрения органами государственной власти программ общественного участия в бюджетном процессе является повышение прозрачности работы органов государственной власти и снижение коррупции. Например, в про-

¹ Проект партиципаторного бюджетирования «Твой бюджет»: интервью с Дарьей Димке [Электронный ресурс]. URL: <https://eusp.org/news/proekt-participatornogo-byudzhetrovaniya-tvoy-byudzh-et-intervyu-s-darey-dimke>. (дата обращения: 19.06.2023).

граммах инициативного бюджетирования граждане могут контролировать процесс реализации проекта и расходования бюджетных средств.

Граждане и группы граждан имеют свои основания для включения в бюджетный процесс. Во-первых, это возможность высказаться и обратить внимание на конкретные социально-экономические проблемы. Публичные обсуждения и дискуссии дают возможность вовлекаться гражданам в процессы управления и развивать диалог государства и структур гражданского общества.

Во-вторых, речь идет о получении необходимой информации о бюджетном процессе и работе органов государственной власти. Чаще всего для граждан процесс принятия бюджета, его реализации и работы органов государственной власти представляет собой «черный ящик», где входы и выходы известны только узкой группе специалистов и работников государственных органов. Непосредственное участие в бюджетном процессе позволяет гражданам получать необходимую информацию с региональной политической и социальной спецификой. В дополнение граждане могут получить знания в таких узких областях, как землепользование и государственные закупки.

В-третьих, уместно говорить о повышении качества реализуемых проектов. Граждане самостоятельно выбирают необходимые для них проекты, а также утверждают план выполнения работ.

Некоммерческие организации чаще всего принимают косвенное участие в программах общественного участия в бюджетном процессе. Некоммерческие организации в большинстве случаев выступают посредником между гражданами и органами государственной власти. Примером такого участия является деятельность Европейского университета в Санкт-Петербурге. В составе университета существует центр «Республика», который осуществлял обучение членов бюджетной комиссии в рамках проекта «Твой бюджет», к обучению были привлечены специалисты в области архитектуры, права и экономики.

Коммерческие организации, как и некоммерческие, чаще всего напрямую не заинтересованы в реализации программ общественного участия в бюджетном процессе. По причине общего повышения прозрачности финансовой системы города или региона программы общественного участия способствуют получению заказов на выполнение работ мелкими подрядчиками, которые не обладают системой связей с органами государственной власти. Ввиду возможных положительных экстерналий коммерческие организации осуществляют частичное финансирование реализованных общественных проектов. Например, финансирование будет направлено на проекты, которые нацелены на благоустройство улицы, за счет чего на ней повысится активность [11, с. 39–44].

Заключение и выводы

Результаты исследования заключаются, во-первых, в сущностном анализе общественного участия в бюджетном процессе в политологическом дискурсе. Во-вторых, в систематизации различных подходов к определению целей внедрения практик общественного участия в бюджетный процесс. В-третьих, в определении мотивов участников программ общественного участия в бюджетном процессе.

Анализ подходов и целей общественного участия в бюджетном процессе показал:

- 1) ключевым элементом общественного участия в бюджетном процессе является непрерывный характер взаимодействия органов публичной власти и общественности;
- 2) подходы к определению целей общественного участия в бюджетном процессе разнятся, начиная с обеспечения политической поддержки, заканчивая привлечением дополнительных внебюджетных финансовых ресурсов;

- 3) мотивы участников различны, однако, наиболее заинтересованными в реализации программ общественного участия в бюджетном процессе являются органы государственной власти и граждане — некоммерческие и коммерческие организации заинтересованы намного меньше, однако, их участие позволяет обеспечить дополнительными ресурсами программы общественного участия в бюджетном процессе.

Литература

1. Вагин В. В., Шаповалова Н. А., Гаврилова Н. В. Мониторинг развития инициативного бюджетирования: методика и практика организации // Финансовый журнал. 2019. № 2 (48). С. 51–64.
2. Виноградова Т. И. Общественное участие в бюджетном процессе. Некоторые теоретические аспекты // Общественное участие в бюджетном процессе: опыт и технологии / под ред. Т. И. Виноградовой. СПб. : Норма, 2002. С. 11–33.
3. Дзгоева Д. Т. Институциональные основания модификации общественно-государственного диалога в современной России // Управленческое консультирование. 2016. № 7 (91). С. 116–127.
4. Федосов В. А. Сущность общественного участия в бюджетном процессе // Вестник евразийской науки. 2017. № 3 (40).
5. Bartocci L. The journey of participatory budgeting: a systematic literature review and future research directions / L. Bartocci, G. Grossi, S. G. Mauro, C. Ebdon // International Review of Administrative Sciences. 2022. 17 February. 18 p.
6. Cabannes Y. The impact of participatory budgeting on basic services: municipal practices and evidence from the field // Environment and Urbanization. 2015. Vol. 27. N 1. P. 257–284.
7. Cabannes Y. Revisiting the democratic promise of participatory budgeting in light of competing political, good governance and technocratic logics // Environment and Urbanization. 2017. Vol. 30. N 1. P. 67–84.
8. Ewens H. Organizational complexity and participatory innovation: participatory budgeting in local government / H. Ewens, J. van der Voet // Public Management Review. 2019. Vol. 21. Is. 12. P. 1848–1866.
9. Johnson B. Stakeholder networks and inclusive public participation mechanisms in the public budgeting process/ B. Johnson, P. A. Jones, V. Reitano // Urban Governance. 2021. N 1. P. 98–106.
10. Johnson C. Engaging Democracy: An Institutional Theory of Participatory Budgeting: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington, 2017. 259 p.
11. Participatory budgeting / ed. Anwar Shah. Washington : World bank, cop. 2007. XXXIII, 269 p.

Об авторах:

Дзгоева Диана Таймуразовна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; dzgoeva-dt@ranepa.ru

Романов Илья Сергеевич, студент факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); iromanov-19@edu.ranepa.ru

References

1. Vagin V. V., Shapovalova N. A., GavriloVA N. V. Monitoring the development of initiative budgeting: methodology and practice of the organization // Financial journal [Finansovyi zhurnal]. 2019. N 2 (48). P. 51–64 (in Rus.).
2. Vinogradova T. I. Public participation in the budget process. Some theoretical aspects // Public participation in the budget process: experience and technology / ed. T. I. Vinogradova. SPb. : Norma, 2002. P. 11–33 (in Rus.).
3. Dzgoeva D. T. Institutional foundations of modification of public-state dialogue in modern Russia / D. T. Dzgoeva // Administrative consulting. 2016. N 7 (91). P. 116–127 (in Rus.).

4. Fedosov V.A. The essence of public participation in the budget process // Bulletin of the Eurasian Science [Vestnik evraziiskoi nauki]. 2017. N 3 (40) (in Rus.).
5. Bartocci L. The journey of participatory budgeting: a systematic literature review and future research directions / L. Bartocci, G. Grossi, S. G. Mauro, C. Ebdon // International Review of Administrative Sciences. 2022. 17 February. 18 p.
6. Cabannes Y. The impact of participatory budgeting on basic services: municipal practices and evidence from the field // Environment and Urbanization. 2015. Vol. 27. N 1. P. 257–284.
7. Cabannes Y. Revisiting the democratic promise of participatory budgeting in light of competing political, good governance and technocratic logics // Environment and Urbanization. 2017. Vol. 30. N 1. P. 67–84.
8. Ewens H. Organizational complexity and participatory innovation: participatory budgeting in local government / H. Ewens, J. van der Voet // Public Management Review. 2019. Vol. 21. Is. 12. P. 1848–1866.
9. Johnson B. Stakeholder networks and inclusive public participation mechanisms in the public budgeting process/ B. Johnson, P.A. Jones, V. Reitano // Urban Governance. 2021. N 1. P. 98–106.
10. Johnson C. Engaging Democracy: An Institutional Theory of Participatory Budgeting: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington, 2017. 259 p.
11. Participatory budgeting / ed. Anwar Shah. Washington : World bank, cop. 2007. XXXIII, 269 p.

About the authors:

Diana T. Dzgoeva, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; dzgoeva-dt@ranepa.ru

Ilya S. Romanov, Student of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); iromanov-19@edu.ranepa.ru

Ушинский и советская школа

(из исторического опыта создания отечественной системы образования)*

Гуркина Н.К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nina-gurkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения основоположника национальной школы и педагогики — К. Д. Ушинского. Интерес к творчеству выдающихся педагогов, наблюдаемый в информационно-образовательном пространстве страны, был обусловлен не только юбилеем, и объявлением 2023 г. Годом педагога и наставника. В выполнении задач, сформулированных в Указе Президента «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», значительное место отводится отечественной системе образования. Задача суверенизации образования должна решаться, по мнению Президента РФ В. В. Путина, с опорой на опыт и достижения национальной педагогики и школы.

В статье рассматриваются некоторые аспекты образовательной политики Советского государства в период формирования отечественной модели школы, вобравшей лучшие дореволюционные традиции и достижения советского периода. Необходимость «перевода школы на обучение и воспитание в духе национально-государственного патриотизма» потребовала возвращения в педагогическую теорию и практику творческого наследия К. Д. Ушинского. Особое место в этом процессе принадлежало народному комиссару просвещения РСФСР В. П. Потемкину, во многом — «духовному наследнику» Ушинского. Русская история и литература, достижения русской культуры и педагогики прочно вошли в практику обучения и воспитания, став сильнейшей особенностью одной из «лучших школ» в мире.

Ключевые слова: суверенная система образования, основоположник национальной школы и педагогики, советская школа, творческое наследие Ушинского, национальные духовно-нравственные ценности, народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин

Для цитирования: Гуркина Н.К. Ушинский и советская школа (из исторического опыта создания отечественной системы образования) // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 122–131.

Ushinsky and the Soviet School (From the Historical Experience of the Creation of the National Education System)

Nina K. Gurkina

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-Western Institute of Management RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation; nina-gurkina@yandex.ru

ABSTRACT

In 2023, the founder of the national school and pedagogy, K. D. Ushinsky, turned 200 years old. The interest in the work of outstanding teachers observed in the information and educational space of the country was due not only to the youth, but also to the announcement of 2023. The year of the

* Статья подготовлена в рамках участия автора в июне 2023 г. в VII Международном Невском форуме «Роль России в формировании многополярного мира: вызовы, возможности, перспективы, управленческие решения».

teacher and mentor. In carrying out the tasks formulated in the Presidential Decree “On the approval of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”, a significant place is given to the domestic education system. The task of the sovereignty of education should be solved, according to the President of the Russian Federation V.V. Putin, based on the experience and achievements of national pedagogy and school. The article examines some aspects of the educational policy of the Soviet state during the formation of the national school model, which absorbed the best pre-revolutionary traditions and achievements of the Soviet period. The need to “transfer schools to education and upbringing in the spirit of national-state patriotism” required the return of K. D. Ushinsky’s creative heritage to pedagogical theory and practice. A special place in this process belonged to the People’s Commissar of Enlightenment of the RSFSR V.P. Potemkin, in many ways — the “spiritual heir” of Ushinsky. Russian history and literature, achievements of Russian culture and pedagogy have firmly entered into the practice of teaching and upbringing, becoming the strongest feature of one of the “best schools” in the world.

Keywords: sovereign education system, founder of national school and pedagogy, Soviet school, Ushinsky’s creative heritage, national spiritual and moral values, People’s Commissar of Education of the RSFSR V.P. Potemkin

For citing: Gurkina N.K. Ushinsky and the Soviet School (From the Historical Experience of the Creation of the National Education System) // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 122–131.

Школа является важнейшим общественным институтом, формирующим и сохраняющим цивилизационно-культурные основы государства. «В целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии реформы в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта при условии проведения широкого общественного обсуждения», — подчеркивается в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Задача создания суверенной системы образования на современном историческом этапе должна решаться, по мнению президента РФ В. В. Путина, с опорой на опыт и достижения национальной педагогики и школы. Правоммерно и символично 2023 год был объявлен Годом педагога и наставника.

Выбор 2023 г. был во многом обусловлен юбилеем — 200-летием со дня рождения К. Д. Ушинского. «Отец русской школы», «народный педагог», «создатель национальной педагогики», «учитель всех учителей», «наше все», «человек и педагог с большой буквы» — пресса и кинодокументалистика юбилейного года не скупилась на эпитеты и яркие характеристики, отмечая бесспорность и значимость заслуг великого педагога и ученого не просто в истории образования, а в целом — в истории российской цивилизации [2; 9; 24; 28 и др.]. Неоднократно цитировались слова друга и соратника Ушинского Л. Н. Модзалевского: «Ушинский — это наш действительно народный педагог точно так же как Ломоносов наш народный учитель, Суворов — наш народный полководец, Пушкин — наш народный поэт, Глинка — наш народный композитор».

Признание вклада К. Д. Ушинского в развитие отечественной школы и педагогики произошло уже в дореволюционный период. Книги «Детский мир» и «Родное слово» стали образцовыми для начального обучения. «Детский мир» переиздавался 68 раз (43 издания до революции). «Родное слово» было переиздано в течение полувека 146 раз. «Педагогическая антропология (Человек как предмет воспитания)» выдержала до революции 14 изданий [15, с. 382]. В многочисленных трудах, посвященных жизни и деятельности К. Д. Ушинского, вышедших в дореволюционный

период, исследовались не только его новации в сфере теории и практики обучения и воспитания, но и отмечалась одна из главных заслуг педагога — привлечение внимания общества к этой важнейшей сфере деятельности государства, постановка задачи создания национальной модели школы [4; 13; 17; 19; 20 и др.]. Работы Ушинского «О народности в общественном воспитании», «Родное слово», «Как русские школы сделать русскими» и другие стали теоретическим фундаментом в последующей разработке и попытках претворения в жизнь этой «основной идеи образования». Система педагогического образования в России создавалась во многом благодаря опубликованной в 1861 г. в журнале Министерства народного просвещения статье К. Д. Ушинского «Проект учительской семинарии», в которой убедительно обосновывалась сама идея создания в России специальных учебных заведений для подготовки народных учителей. К последователям К. Д. Ушинского современный учебник по истории педагогики и образования относит не только педагогов В. И. Водовозова, Н. Ф. Бунакова, В. Я. Стоюнина, но и государственных и общественных деятелей, представителей науки и культуры — К. П. Победоносцева, С. А. Рачинского, Л. Н. Толстого, К. Н. Леонтьева, Д. И. Менделеева и других [12, с. 332–340].

Советская система образования, ставшая всемирно известным брендом страны и эпохи, сформировалась во второй половине 1930-х — 1940-е гг. в результате длительного процесса развития. Создаваемая и реформируемая государством образовательная система являлась не просто средством преодоления экономической и культурной отсталости, но и механизмом развития и преобразования страны во всех аспектах. Образовательная политика была частью широкой программы культурной революции, в полной мере развернувшейся в годы предвоенных пятилеток. Главными задачами образования и просвещения провозглашались полная ликвидация неграмотности, переход к всеобщему обучению, подготовка специалистов для народного хозяйства, воспитание нового человека. Не только материальные возможности молодого государства, но и многочисленные реорганизации и эксперименты в общеобразовательной и высшей школе, вызванные в том числе увлеченностью левыми идеями и западными методиками, не позволили в 20-е годы создать систему образования, соответствующую курсу на модернизацию всех сфер жизни страны и общества.

В 30–40-е годы в развитии общеобразовательной и высшей школы в СССР произошли крупные и принципиальные изменения. Всеобщность и обязательность школьного образования, формирование устойчивой образовательной системы с четкой структурой и регламентацией деятельности, утверждение как важнейших принципов — фундаментальности и преемственности в содержании образования — способствовали заметному повышению эффективности обучения в школах и вузах. Начавшийся в 30-е годы в стране «культурно-исторический поворот», являвшийся важнейшим механизмом патриотического воспитания и «духовной мобилизации» народа накануне Великой Отечественной войны, осуществлялся по многим направлениям теоретической и практической деятельности с использованием всех средств науки, образования, литературы и искусства [подробно: 7, с. 181–191]. Перед системой образования была поставлена настоятельная задача «перевода школы на обучение и воспитание в духе национально-государственного патриотизма» [3, с. 142]. В школе утверждался новый «культурно-исторический стандарт» в гуманитарных дисциплинах, повышалась роль воспитательной работы. Специальными постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании в школе истории, географии, русского языка подчеркивались значение и роль данных предметов (наряду с литературой) в качестве базовых элементов общего фундаментального образования и в патриотическом воспитании подрастающего поколения. В многоплановой работе по формированию отечественной модели образования школа отбирала и синтезировала

лучшие идеи и практики как из дореволюционных достижений и традиций, так и из опыта учебных заведений советского периода. Одним из важнейших элементов в построении национальной школы стало возвращение в общественную и культурную жизнь страны, в педагогическую науку, в теорию и практику обучения и воспитания имени и творческого наследия основоположника русской педагогики К. Д. Ушинского. Такой школе Ушинский стал жизненно необходим.

Имя К. Д. Ушинского никогда не исчезало из образовательного пространства страны. Известна высокая оценка его учебников для младшей школы Н. К. Крупской. Непререкаемым авторитетом оставался великий педагог для тысяч народных учителей, особенно выпускников учительских семинарий и учительских институтов, теоретические и организационные основы деятельности которых заложил К. Д. Ушинский. В революционные и «экспериментальные» 20-е годы многие традиционные сильные стороны отечественной школы удалось сохранить благодаря дореволюционным педагогам, привлеченным на сторону советской власти, нацеленной на развитие страны и личности образовательной политикой.

Идеи Ушинского и других педагогов дореволюционного периода о взаимосвязи педагогики с социокультурным фоном, о множестве факторов влияния на формирование личности активно использовались в советской школе. «Мы ясно осознаем, что воспитание в тесном смысле этого слова, как преднамеренная воспитательная деятельность — школа, воспитатель и наставник *ex officio* — вовсе не единственные воспитатели человека, и столь же сильными, а может быть, и гораздо сильнейшими воспитателями его являются воспитатели не преднамеренные: природа, семья, общество, народ, его религия и его язык — словом, природа и история в обширных понятиях» [23, с. 149–150], — писал К. Д. Ушинский, ставя задачи обязательного объединения обучения и воспитания, широкого развития общественного воспитания, как действенного средства влияния на формирование подрастающего поколения: «Нужно с намерением закрыть глаза, чтобы не видеть, какое ничтожное влияние оказывает воспитание на нравственность общества, как мало оно возвышает дух над телом и выдвигает вперед общественные потребности, когда воспитание направлено дурно, т. е. когда духовная сторона людей, подвергавшихся в молодости воспитательному процессу, не была развита как следует. Жажда денег, неверие в добро, отсутствие нравственных правил, презрение к мысли, любовь к окольным тропинкам, равнодушие к общественному благу, снисходительность к нарушению законов чести... — вот враги воспитания, с которыми оно призвано бороться» [15, с. 387]. Идеи К. Д. Ушинского о значении и роли труда в воспитании личности (работа «Труд в его психическом и воспитательном значении» и др.) активно использовались в педагогической практике еще одним знаменитым (и наиболее упоминаемым в Год педагога и наставника) педагогом — А. С. Макаренко и т. д.

Библиография работ К. Д. Ушинского и работ об Ушинском советского периода огромна, однако именно со второй половины 30–40-х годов отмечается его полноценное присутствие в информационном пространстве отечественной педагогической и общественной мысли [1; 5; 10; 11; 14; 16; 22; 25; 26; 27 и др.]. С 1936 г. начинают публиковаться отдельные работы педагога, статьи (в основном в журнале «Советская педагогика») о принципах и методах его учебно-воспитательной работы. В 1939 г. выходят «Избранные сочинения» в двух томах. Начиная с 40-х годов (особенно с 1945 г.) появляются многочисленные статьи в журналах и газетах (не только в педагогических), брошюры и монографии, посвященные жизни и творчеству, неоднократно переиздаются отдельные работы и «Избранные сочинения» педагога. С 1948 по 1952 г. выходят 11 томов Собрания сочинений, с 1959 по 1962 г. — Архив К. Д. Ушинского, давшие «читателю яркое представление об образе педагога-гуманиста, всесторонне, почти энциклопедически образованного, ставившего перед собой и перед читателем

глубокие и принципиальные философские и педагогические вопросы и привлекавшего для их рассмотрения различные области знаний — естественные науки, экономику, географию, историю, художественную литературу» [18, с. 238]. Не счесть переизданий «Родного слова», «Рассказов и сказок», «Русских сказок» (для дошкольников, для младших школьников)! Наряду с центральными издательствами — Академии педагогических наук, «Педагогика», «Учпедгиз», «Детгиз», «Просвещение», книги К. Д. Ушинского публикуют издательства Ашхабада, Баку, Алма-Аты, Киева, Риги, Владивостока, Курска, Магадана, Волгограда, Иваново и других городов и республик СССР.

Огромную роль в окончательном и полномесном возвращении в отечественную систему образования, общественную и культурную жизнь страны К. Д. Ушинского сыграл народный комиссар просвещения РСФСР с 1940 по 1946 г. В. П. Потемкин. Многогранная деятельность наркома Потемкина, выпускника историко-филологического факультета Московского университета, преподавателя с многолетним опытом педагогической работы, государственного и партийного деятеля, дипломата, ученого, создателя Академии педагогических наук — нашла отражение во многих работах историков, педагогов, дипломатов. Признанием роли и места В. П. Потемкина в истории Советского государства стало его захоронение у Кремлевской стены. При наркоме Потемкине были доведены до совершенства начатые в 30-е гг. преобразования, превратившие советскую школу в «одну из лучших в мире». Это была школа высоких образовательных стандартов и качественных знаний для всех, школа постоянного развития и совершенствования, сознательной дисциплины и высокой бытовой культуры, школа, в которой учитель занимал главное место. Реформы в сфере образования, проводившиеся в тяжелейших условиях военного времени, определили вектор развития советской школы на десятилетия вперед [6; 7].

«В языке одухотворяется весь народ и вся его родина... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое», — писал К. Д. Ушинский [15, с. 397]. Под руководством наркома Потемкина в стране развернулась настоящая борьба за грамотность школьников («проблема государственной важности»), включающая пересмотр программ и учебных планов по русскому языку и литературе, подготовку новых учебников, массовое издание книг для внеклассного чтения, наполнивших школьные библиотеки. Во всех своих выступлениях — перед учителями, руководителями образования, ректорами университетов и педагогических вузов (находившихся также в подчинении Наркомата просвещения) В. П. Потемкин обращался к проблемам преподавания родного языка и литературы. Не только отчеты и доклады, но и личные впечатления, полученные при посещении уроков и экзаменов, позволяли наркому предметно говорить о «крайне низком» уровне культуры речи школьников, ее грамматической и стилистической неправильности, непонимании «коренных русских слов» русскими детьми, «отсутствии чутья родного языка», засорении его штампованными выражениями и т. п., а в целом — констатировать недостаточное овладение «этим подлинным сокровищем нашей национальной культуры». На Всероссийском совещании по народному образованию 1943 г. В. П. Потемкин сформулировал своеобразную «сверхзадачу»: «Школа призвана привить неугасимую любовь к родной стране, к русскому языку, к русской литературе» [21, с. 178]. В учебных планах 40-х годов русский язык и литература были на первом месте, занимая 20–25% учебного времени. Утверждалась программа школьного литературного образования (в основе — русская классика), которая в общих чертах существовала до 1991 г.

«Русский человек всего менее знаком с тем, что всего ближе к нему: со своей родиной... с родным ему языком, литературой, историей, географией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т. д.», — с горечью писал К. Д. Ушинский, ратая за полноценное изучение в отечественных учебных заведе-

ниях русского языка, русской литературы, русской истории и географии. «Знание оснований своей религии и знание своей родины» являлось, по мнению педагога, таким же необходимым знанием, как умение читать, писать и считать [15, с. 409]. Понятие «родиноведение» уже во второй половине XIX в. стало использоваться в педагогических практиках учеников и последователей Ушинского.

Во многом благодаря руководству профессионального историка и ученого В. П. Потемкина, убежденного, что ничто так не способствует воспитанию патриотизма, как глубокое знание прошлого своей страны, русская история и литература, достижения национальной педагогики и культуры прочно вошли в практику обучения и воспитания в советской школе, составили концептуальную основу содержания образования. Деятельность созданной по инициативе наркома Академии педагогических наук строилась на «лучших традициях национальной русской педагогики», самобытность и оригинальность которой можно проследить начиная с «Поучения Владимира Мономаха, «золотой фонд» которой составили труды Бецкого, Новикова, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Пирогова, Льва Толстого, Ушинского». Главными чертами национальной русской педагогики, которые призвана была культивировать Академия, являлись «гуманизм, демократизм, пламенная вера в творческую силу науки и просвещения, глубокий патриотизм и народность, бережное отношение к личности ребенка и стремление развить в нем лучшие черты, свойственные нашему великому народу — трудолюбие, скромность, самоотверженную преданность Родине, любовь к свободе» [21, с. 206].

В эти годы были переработаны учебные программы по истории, написаны новые учебники (все учебники нарком утверждал лично) — «живые», интересные, без излишней детализации, но с углублением принципиальных положений («спорные вопросы оставить ученым»), книги для чтения по истории — в том числе «для повышения общего уровня исторической культуры в нашей стране». Фундаментальность и устойчивость знаний должны были отличать выпускников не только средней школы, но и семилетки — основного типа общеобразовательных учебных заведений: «Можно ли считать нормальным, что окончившие семилетку не знают отечественной истории, новой истории, слабо знакомы с русской литературой?» [21, с. 167] Программа семилетней школы была пересмотрена в сторону формирования более законченного цикла общеобразовательных знаний.

Одной из задач, поставленных наркомом в области исторического образования, была «ликвидация последних остатков разлагающихся антипатриотических тенденций», выражающихся «в неуважительном отношении к нашему историческому прошлому», в «пренебрежительной оценке важнейших этапов нашей борьбы за жизненные интересы нашего народа», в «трактовании свысока основ нашей национальной внешней политики и заслуг русской дипломатии» [21, с. 168, 238].

В статьях и выступлениях В. П. Потемкина военных лет (наиболее полно в статье в «Известиях» от 23 мая 1945 г. «Народ-герой, народ-победитель») были сформулированы принципиальные положения, определяющие характер войны, источники и историческое значение Победы, сыгравшие важную роль в формировании концептуальных и методологических основ преподавания истории на десятилетия. «Никому и никогда не уступим мы права нашего превосходства во всемирном историческом подвиге — сокрушении врагов человечества — немецкого фашизма», — обращался к советскому учительству В. П. Потемкин, давая оценку закончившейся Сталинградской битве [21, с. 238], положив таким образом начало борьбе с фальсификацией истории. События военного времени, победы Красной армии, подвиги героев изучались на уроках истории, обсуждались на внеклассных мероприятиях, на методических совещаниях учителей истории. В ноябре 1941 г. была принята Директива Наркомпроса для школ, музеев и других культурно-просветительских учреждений «О сборе материалов Великой Отечественной войны». В июне 1942 г. были разосланы письма

наркомпросам автономных республик, краевым и областным отделам народного образования «О сборе, учете и обработке материалов о памятниках и памятных местах Великой Отечественной войны». С 1942 по 1944 г. в СССР было создано более 20 музеев, посвященных событиям и героям войны. Школьные учителя, библиотекари, музейные работники под руководством своего наркома начали огромную работу по изучению великого подвига страны и народа, закладывая основы сохранения исторической памяти будущими поколениями.

Ключевую роль в отечественной школе призван был играть, по глубокому убеждению К. Д. Ушинского, педагог — «живой, деятельный член великого организма, борющегося с невежеством и пороками человечества, посредник между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранитель святых заветов людей, боровшихся за истину и за благо» [15, с. 391–392]. В образовательной системе государства значительное место занимают учредители учебных заведений, органы управления, начальство, советы преподавателей и т.д., но «главнейшее всегда будет зависеть от личности непосредственного преподавателя, стоящего лицом к лицу с воспитанником: влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений» [15, с. 390]. Очень важно, считал К. Д. Ушинский, чтобы учитель был не просто профессионально подготовлен, но и убежден в правильности своей программы и методов воспитания, «развит умственно и нравственно».

Система педагогической подготовки, соответствующая задачам создаваемой отечественной модели образования, сформировалась в 30-е годы. К 1940/41 учебному году в СССР насчитывалось, кроме педагогических училищ, 397 педагогических и учительских институтов и университетов, в том числе в РСФСР — 227 [21, с. 29]. В 1930-е годы были приняты эффективные меры для улучшения материального положения учительства, повышения статуса и престижа педагогической деятельности. Несмотря на тяжелое материальное положение страны, в годы войны повышалась заработная плата учителей, принимались решения о различных льготах, наградах, званиях, расширении прав учителей — выпускников дореволюционных учебных заведений, в том числе духовных [8, с. 150–151].

Значительное внимание наряду с проблемами материального обеспечения нарком Потемкин уделял вопросам укрепления авторитета педагогов. Целый ряд мер (приказ «Об укреплении дисциплины в школе». «Правила для учащихся» и др.) был направлен на создание в школе атмосферы высокой требовательности и дисциплины, что являлось, по мнению наркома, важнейшим фактором повышения качества обучения и воспитания. «Необходимо решительно пресекать даже малейшее проявление грубости, невыдержанности, недисциплинированности, неуважения к старшим, к преподавателю... Для укрепления дисциплины нужно, чтобы и учитель, и директор, и органы народного образования глубоко прониклись сознанием своих прав... Мы обязаны возможно выше поднять авторитет учителя; мы должны создать для него такое положение, чтобы он не боялся не только приказывать, но, когда нужно, и наказывать строптивного нарушителя порядка...», — из доклада В. П. Потемкина на Всероссийском совещании по народному образованию 1943 г. [21, с. 177].

Из этого же доклада: «Советский учитель, воспитатель молодого поколения, должен быть увлекающим, обаятельным примером для учащейся молодежи — всегда, всем, даже внешним обликом он должен вызывать у нашего юношества желание ему подражать» [21, с. 176]. Повышение общекультурного и научно-профессионального уровня педагогов являлось, по мнению наркома, важнейшей задачей отечественной школы. Конференции, совещания, собрания разного уровня (с этого времени существуют теперь уже традиционные «августовские совещания»), система заочного обучения, расширение сети институтов усовершенствования

учителей, активная деятельность Академии педагогических наук, развернувшей широкую издательскую деятельность («Педагогическая энциклопедия», «Историко-педагогическая библиотека», «Библиотека учителя» и др.) — все формы повышения квалификации создавались и курировались Наркомпросом и лично наркомом. При этом во всех своих выступлениях — устных и в прессе В. П. Потемкин высказывал убеждение, что «духовный рост человека» без постоянного самообразования невозможен. В «Учительской газете» в марте 1945 г. свой рассказ о формах самообразования студентов историко-филологического факультета Московского университета в период студенчества Потемкина, которые не ограничивались лекциями Ключевского, Виноградова, Герье, Веселовского, Трубецкого и других корифеев науки, нарком закончил призывом: «Учиться и учить» [21, с. 228].

По инициативе наркома в январе 1946 г. было организовано чествование К. Д. Ушинского, приуроченное к 75-летию со дня смерти «основоположника науки о воспитании», ставшее рубежным этапом в возвращении его имени и творчества в педагогику и культурную жизнь страны. Всесоюзный комитет по подготовке к памятной дате был создан постановлением СНК СССР. Решениями правительства учреждались награды лучшим преподавателям и ученым, именные стипендии учащимся, присваивались имена образовательным учреждениям, формировались программы издательской деятельности. Память К. Д. Ушинского была увековечена в мемориальных досках, портретах и бюстах (к юбилею — в конференц-зале Академии педагогических наук). В 1956 г. памятник Ушинскому был установлен перед зданием Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Во вступительном слове на торжественном заседании 3 января 1946 г. В. П. Потемкин, отмечая заслуги великого русского педагога, перечислил принципы и требования Ушинского для «школы, которая воспитывает молодое поколение в духе лучших заветов многовековой и богатой русской культуры»: народность как живая основа образования и культуры, школа, отвечающая запросам народных масс и действительно служащая их интересам; родной язык как самое могущественное средство воспитания и обучения; широкое познание русской природы, русской истории, русской географии, литературы, искусства — как важнейший элемент общего образования, как источник святой любви к родине; подготовка учащихся к творческому труду — этому истинному призванию человека, этому делу чести, доблести и геройства; построение педагогики на научных основаниях; необходимость для учителя самой серьезной самообразовательной работы в продолжение всей преподавательской деятельности... [21, с. 288]. Для советской школы эти требования — «как нельзя более современные» — стали, по мнению наркома, руководящими принципами практической деятельности.

Затронутыми в статье сюжетами проблема творческого использования наследия К. Д. Ушинского в процессе построения национальной системы образования (советской школы) не исчерпывается. Педагоги и психологи никогда не теряли интереса к важнейшему труду великого педагога — «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», активно использовали в практической деятельности его дидактические идеи и учебно-методические наработки.

Современный этап исторического развития страны в очередной раз актуализировал имя и идеи К. Д. Ушинского. По мнению известного исследователя М. Богуславского, «сложный процесс формирования новой стратегии образования» в настоящее время должен включать две главные составляющие — «последовательную девестернизацию» и «действенную суверенизацию» системы российского образования [2]. Идеи К. Д. Ушинского о создании национальной школы на базе духовно-нравственных ценностей народа, нацеленной на развитие страны и защиту ее национальных интересов, сегодня стали жизненно необходимы. Задача научного и педагогического сообщества — не только сохранять память об историческом опыте создания суве-

ренной системы образования, обеспечившей свершения страны и превращение ее в сверхдержаву в XX в., но и использовать ее главные принципы и достижения в педагогической практике. Система образования в современных условиях должна стать важнейшим фактором сохранения и воспроизводства цивилизационной идентичности молодого поколения. Значительное увеличение объема курса «История России» и введение специальной дисциплины «Основы российской государственности» являются важными шагами в данном направлении.

Литература

1. Архив К. Д. Ушинского. Т. 1–4. М., 1959–1962.
2. Богуславский М. Наше все... Константин Дмитриевич Ушинский. К 200-летию со дня рождения творца русской национальной педагогики // Учительская газета. 2023. № 7. 14 февраля.
3. Вдовин А. И. Русские в XX веке. Триумфы и трагедии великого народа. М., 2013.
4. Волкович В. Национальный воспитатель — К. Д. Ушинский. СПб., 1913.
5. Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского. М., 1974.
6. Гуркина Н. К. «Долгом чести педагога является работа не только над образованием молодежи, но и над воспитанием ее в духе высокой культуры, достойной нашей великой страны... (народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин о школе) // Клио. 2020. № 2. С. 124–129.
7. Гуркина Н. К., Исаев А. П. Культурное наследие в патриотическом воспитании накануне и в годы Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2016. № 5. С. 181–191.
8. Гуркина Н. К. Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развития образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156.
9. Данилевич Е. От уроков были в восторге. Каким был основатель педагогики Ушинский? // Аргументы и факты. 2023. 18 августа.
10. Зажурило В. К. К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах / ред. и вступ. статья проф. Н. Г. Казанского. М.-Л., 1950.
11. Зажурило В. К. Ушинский в Петербурге. Л., 1979.
12. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: учеб. пособие / под ред. А. И. Пискунова. 3-е изд. М., 2009.
13. К. Д. Ушинский. Материалы для «Педагогической антропологии» и материалы для биографии. СПб., 1908.
14. К. Д. Ушинский и современность : сб. науч. трудов Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1975.
15. Латышина Д. И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X — начало XX века) : учеб. пособие. М., 1998.
16. Лордкипанидзе Д. О. Педагогическое учение К. Д. Ушинского. М., 1954.
17. Модзалевский Л. Н. К биографии К. Д. Ушинского. Тифлис, 1881.
18. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1941–1961 гг. М., 1988.
19. Памяти К. Д. Ушинского. Сборник по случаю 25-летия со дня его кончины. СПб., 1896.
20. Песковский М. Л. К. Д. Ушинский. СПб., 1892.
21. Потемкин В. П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л., 1947.
22. Романовский А. К., Барсук П. Я. Жизнь во имя будущего. Киев, 1974.
23. Ромм Т. А. История социальной педагогики: учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2010.
24. Сабилло И. Вторая ипостась педагогики // На русских просторах. 2023. № 2. С. 252–259.
25. Струминский В. Я. Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского. М., 1960.
26. Ушинский К. Д. Избр. соч. в 2 т. М., 1974.
27. Ушинский К. Д. Собр. соч. М., 1948–1952.
28. Федорова О. Реформатор Смольного института // Санкт-Петербургские ведомости. 2023. 3 марта.

Об авторе:

Гуркина Нина Константиновна, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор, nina-gurkina@yandex. ru

References

1. Archive of K.D. Ushinsky. Vol. 1–4. M., 1959–1962 (in Rus).
2. Boguslavsky M. Our everything... Konstantin Dmitrievich Ushinsky. To the 200th anniversary of the birth of the creator of Russian national pedagogy // Teacher's newspaper [Uchitel'skaya gazeta]. 2023. N 7. Feb. 14 (in Rus).
3. Vdovin A.I. Russians in the twentieth century. Triumphs and tragedies of the great people. M., 2013 (in Rus).
4. Volkovich V. National educator — K.D. Ushinsky. SPb., 1913 (in Rus).
5. Goncharov N.K. Pedagogical system K.D. Ushinsky. M., 1974 (in Rus).
6. Gurkin N.K. "The duty of honor of the teacher is to work not only on the education of young people, but also on educating them in the spirit of a high culture worthy of our great country... (People's Commissar of Education of the RSFSR V.P. Potemkin about the school) // Clio. 2020. N 2. P. 124–129 (in Rus).
7. Gurkina N.K., Isaev A.P. Cultural heritage in patriotic education on the eve and during the Great Patriotic War // Administrative consulting. 2016. N 5. P. 181–191 (in Rus).
8. Gurkina N.K. Russian school during the Great Patriotic War (features of management and development of the educational system) // Administrative consulting. 2020. N 10. P. 146–156 (in Rus).
9. Danilevich E. From the lessons were delighted. What was the founder of pedagogy Ushinsky? // Arguments and facts. 2023. Aug. 18 (in Rus).
10. Zazhurilo V.K. K.D. Ushinsky in portraits, illustrations, documents/ed. and entry. article prof. N.G. Kazansky. M. – L., 1950 (in Rus).
11. Lit V.K. Ushinsky in St. Petersburg. L., 1979 (in Rus).
12. History of pedagogy and education. From the birth of upbringing in a primitive society to the end of the twentieth century: a textbook / ed. A.I. Piskunov. 3rd ed. M., 2009 (in Rus).
13. K.D. Ushinsky. Materials for "Pedagogical Anthropology" and materials for biography. SPb., 1908 (in Rus).
14. K.D. Ushinsky and modernity: Sat. scientific works of the Leningrad Pedagogical Institute. A.I. Herzen. L., 1975 (in Rus).
15. Latyshina D.I. History of pedagogy. Education and education in Russia (X — beginning of the XX century): a textbook. M., 1998 (in Rus).
16. Lordkipanidze D.O. Pedagogical teaching K.D. Ushinsky. M., 1954 (in Rus).
17. Modzalevsky L.N. To the biography of K.D. Ushinsky. Tiflis, 1881 (in Rus).
18. Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. 1941–1961. M., 1988 (in Rus).
19. In memory of K.D. Ushinsky. Collection on the 25th anniversary of his death. SPb., 1896 (in Rus).
20. Peskovsky M.L. K.D. Ushinsky. SPb., 1892 (in Rus).
21. Potemkin V.P. Articles and speeches on public education. M. – L., 1947 (in Rus).
22. Romanovsky A.K., Badger P.Ya. Life for the future. Kyiv, 1974 (in Rus).
23. Romm T.A. History of social pedagogy: a textbook. Rostov-on-Don, 2010 (in Rus).
24. Sabilo I. The second hypostasis of pedagogy // In the Russian expanses. 2023. N 2. P. 252–259 (in Rus).
25. Struminsky V.Ya. Essays on the life and pedagogical activities of K.D. Ushinsky. M., 1960 (in Rus).
26. Ushinsky K.D. Selected works in two volumes. M., 1974 (in Rus).
27. Ushinsky K.D. Collected works. Moscow, 1948–1952 (in Rus).
28. Fedorova O. Reformer of the Smolny Institute // St. Petersburg Vedomosti. 2023. March 3 (in Rus).

About the author:

Nina K. Gurkina, Professor of the Faculty of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; nina-gurkina@yandex.ru

Improving the Energy Sector and Renewable Energy Resources in Egypt

(Challenges, Achievements, And Most Important Projects)

Oleg N. Misko*, Alaa Sh. Darwish

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; *misko-on@ranepa.ru

ABSTRACT

Egypt faces a challenge in providing sufficient resources for energy needs, especially, since Egypt relies mainly on oil and natural gas to meet its energy needs, on which the percentage of dependence has reached 95% of Egypt's total energy needs. All studies indicate that despite Egypt's possession of reserves from these sources, due to the growing use of these resources and the high cost of extracting them, Egypt will face a deficit in covering its needs from these resources. Although it is expected that the balance between oil and gas production will return with uses within few years after overcoming the economic difficulties that faced the oil and gas sector, according to Egypt's energy strategy for the year 2030 and its current update to reach it for the year 2035, it is expected that Egypt will become a permanent importer. Oil and gas within a period not exceeding several years from the beginning of the third decade of this century. This situation represents an additional challenge to the Egyptian economy, as it becomes exposed to price turmoil in the global energy markets, which cannot be expected or controlled. This is in addition to the drain on Egypt's foreign exchange resources, the impact on the balance of trade, and the reduction of the competitiveness of the national economy. Therefore, the diversification of energy sources must be reconsidered in order to achieve maximum benefit from local resources, which are characterized by sustainability and stability in prices, which are features that characterize electricity production projects from renewable sources, taking into account Egypt's richness in these resources.

Therefore, Egypt has already started implementing many projects that work to provide Egypt's energy needs, through the project of the nuclear power plant in "Al-Dabaa" in northern Egypt on the Mediterranean coast, as well as power generation projects from renewable energy sources available in Egypt, such as "wind energy" and "solar energy".

Keywords: Egypt, Economy, Energy, Resources, Renewable Energy, Electricity, Wind Energy, Solar Energy

For citing: Misko O. N., Darwish A. Sh. Improving the Energy Sector and Renewable Energy Resources in Egypt (challenges, achievements, and most important projects) // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 132–139.

Совершенствование энергетического сектора и возобновляемых источников энергии в Египте (проблемы, достижения и наиболее важные проекты)

Мисько О. Н. *, Дарвиш А. Ш.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *misko-on@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Египет сталкивается с проблемой обеспечения достаточных ресурсов для удовлетворения энергетических потребностей, особенно потому, что Египет в основном полагается на нефть и природный газ для удовлетворения своих энергетических потребностей, процент зависимости от которых достигает 95% от общих энергетических потребностей Египта. Все исследования показывают, что несмотря на наличие у Египта запасов из этих источников, из-за растущего использования этих ресурсов и высокой стоимости их добычи Египет столкнется с дефицитом покрытия своих потребностей. Хотя ожидается, что баланс добычи нефти и газа восстановится в течение нескольких лет после преодоления эконо-

мических трудностей, с которыми столкнулся нефтегазовый сектор, однако в соответствии с энергетической стратегией Египта на 2030 г. и ее текущим обновлением, чтобы достичь ее к 2035 г. ожидается, что Египет станет постоянным импортером. Эта ситуация представляет собой дополнительную проблему для египетской экономики, поскольку она подвергается воздействию ценовых потрясений на мировых энергетических рынках, которые невозможно предвидеть или контролировать. Это в дополнение к истощению валютных ресурсов Египта, влиянию на торговый баланс и снижению конкурентоспособности национальной экономики. Следовательно, необходимо пересмотреть диверсификацию источников энергии, чтобы получить максимальную выгоду от местных ресурсов, которые характеризуются устойчивостью и стабильностью цен, что является чертой, характеризующей проекты производства электроэнергии из возобновляемых источников, принимая во внимание богатство Египта этими ресурсами.

Поэтому Египет уже приступил к реализации многих проектов, которые работают на обеспечение энергетических потребностей страны, посредством проекта атомной электростанции в «Ал-Дабаа» на севере Египта на побережье Средиземного моря, а также проектов по выработке электроэнергии из доступных возобновляемых источников энергии, таких как энергия ветра и солнечная энергия.

Ключевые слова: Египет, экономика, энергия, ресурсы, возобновляемая энергия, электричество, энергия ветра, солнечная энергия

Для цитирования: Мисько О. Н., Дарвиш А. Ш. Совершенствование энергетического сектора и возобновляемых источников энергии в Египте (проблемы, достижения и наиболее важные проекты) // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 132–139.

1. Introduction

Egypt has a significant role in the international energy market due to many reasons, particularly due to its location [15]. Egypt is located in North Africa and the Arab region with approximately 3000 km of coastlines on the Mediterranean, Red Sea, and the Gulf of Suez and Aqaba, and also at the crossroads between Europe, Middle East, Asia, and Africa [20]. Additionally, Egypt is home to one of the key transportation routes of the world ‘the Suez Canal’ and the Suez-Mediterranean Pipeline (SUMED). These help Egypt to be in a strategic position in the international energy market.

Egypt is Africa’s greatest oil exporter, despite not being an associate with the Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC) [1]. It is also the continent’s second largest supplier of natural gas. The country is, nevertheless, Africa’s largest user of oil and natural gas, with a growth rate in energy utilization greater than 6% per annum [4]. Global power requirements are primarily fulfilled by oil and natural gas, which are the most extensively used fuels, with natural gas accounting for 95% of total world energy consumption [19]. Provided that the Egyptian government still meets its growing energy demand using the conventional power generation techniques, CO₂ emissions are expected to increase from around 800 Mmt in 2012 to above 1800 Mmt in 2035, marking a massive 125% increment [8].

Egypt witnessed violent political, economic and social unrest after the revolution of January 25, 2011, and this state of instability continued for more than three years, until the revolution of June 30, 2013, and President Abdel Fattah El-Sisi took over the reins of power in Egypt in the middle of the year. In 2014, the return to stability gradually began. Since then, the Egyptian government has begun to develop a new strategy in order to improve the conditions of the Egyptian citizen economically, socially, and environmentally which is the strategy of “Egypt’s Vision 2030” [10].

Egypt’s Vision 2030 strategy relies on three main dimensions to achieve its goals, which are summarized in achieving sustainable development and improving the quality

of life of the Egyptian citizen. The strategy also aims for Egypt to be among the best thirty countries in the world in terms of economic development indicators, combating corruption and human development, market competitiveness and quality of life [10].

The energy pillar is considered one of the most important pillars on which the economic dimension of the strategy depends in achieving its desired goals, which required a lot of work, effort and attention from the government, especially after the difficult period of revolutions that Egypt went through, which led to a significant deterioration of the economic situation due to the great shortage of energy sources needed to meet the needs of the various economic sectors, as well as the family sector. That period witnessed power outages for very long periods during the day, in daily manner, in addition to the severe shortage of Petroleum derivatives and fuels such as (gasoline and diesel), which had a significant negative impact on the economic activity and the social aspect in Egypt during that period. Indeed, the government has begun to implement the part of the energy file stipulated in the strategy (Egypt's Vision 2030) quickly and effectively.

Egypt, like most countries in the world, at present relies more heavily on non-renewable resources than renewables; more than 90 percent of its power supply is generated from fossil fuels (Petroleum Oil, Coal, Natural gas) [11].

But it is expected that the country's reserves of crude oil, which is natural gas from non-renewable energy sources, will be depleted within 15 years or so [3], and accordingly the government moved to reconsider diversifying energy sources to make the most of local resources that are characterized by sustainability and stability in Prices, which are characteristics of electricity production projects, whether through renewable energy sources and nuclear energy.

One of the major contributors for the development in Egypt is the energy sector. It generates more than 20% of the total GDP and more than 300,000 people are employed in such sector in year 2017 [26]. So, If Renewable Energy projects will rise and increase, then this will create more job opportunities that will definitely reduce the unemployment. The usage of Renewable Energy will encourage businesses and firms to put into consideration opening businesses with the aim of providing Renewable Energy. This will increase the domestic competition, and the competition among different countries will increase since the high-tech inputs needed for energy can accelerate exports. In addition, substituting energy to the usage of more Renewable Energy will have a direct positive effect on subsidies. Giving more support for investments of Renewable Energy to switch the usage of diesel generators to solar pumping especially in agriculture, this will give the chance for many small domestic firms to compete in such field and this will replace the subsidy for diesel.

The problem here is that since year 2007, the country faced many obstacles in such sector especially in the electricity due to the tremendous increase in electricity consumption. Regarding the renewable energy, from the beginning of year 2008, the awareness concerning the crucial importance of RE has increased. This was obvious by adopting new national RE strategy by Egyptian solar plan and by announcing the feed-in tariff for wind and solar photovoltaic (PV) projects. There was tax reduction applied for the renewable equipment in 2014 and offering tax incentives for Renewable Energy in 2015 [16].

Egypt's Vision 2030 anticipates that the energy sector will be able to meet all the requirements of sustainable development using renewable energy resources and maximize the utilization of its both non-renewable and renewable resources. The aim is to contribute effectively to promoting economic growth, competitiveness and social justice, as well as preserving the environment and achieving leadership in the development of renewable energy sources while keeping pace with the international goals of sustainable development [9].

2. The renewable energy resources in Egypt

In Egypt, there are many kinds of renewable energy resources.

2.1. Hydroelectricity

Hydropower is an integral part of the electricity generation of many countries. Some countries such as India, Russia, Canada, the United States, Brazil, China and Norway generate at least 50% of their electricity from hydro; where the estimated global hydro-power capacity has increased from 35 GW in 2014 to about 1055 GW as of July 2018. It has been predicted that hydropower will account for around 15% of the world's electrical energy needs by 2040. Hydropower is the highest utilized renewable energy source worldwide, and its growth is expected to continue due to its effectiveness and given the future availability of water sources [3].

The River Nile is Egypt's most important hydroelectric resource, with the greatest potential at Aswan, where a series of hydropower stations are located, with a combined capacity of 2,800 MW and a corresponding annual electric generation capacity of 13,545 GWh [2]. Egypt's hydroelectric power capacity accounted for approximately half of the country's total energy generation capacity between 1960 and 1970. However, as a result of the escalation in the segment of thermal power plants, the energy share generated from hydroelectric power stations has decreased dramatically denoting 7.2% of the overall electricity generated in the years 2015 and 2016. By 2011/2012 to 2015/2016, Egypt's hydropower industry has grown at the fastest pace of any of the country's renewable energy technologies, with a mean growth rate of 1.2% per annum in power generated from hydroelectric facilities [5]. Unfortunately, due to the governmental focus on solar, wind, and conventional power stations utilizing gas turbines, the development in hydropower station has ceased since 2016.

2.2. Solar Energy

Egypt has the highest daily typical irradiance values in Northern Africa, averaging from 2000 to 3200 kWh/m²/y with average sunshine of 9–11 h/d. In 2020, solar energy in Egypt accounted only for 1.9% of the produced electricity, making it the country's second-highest renewable energy source. Egypt is the second-highest solar energy generator in Africa after South Africa, whilst it is the thirty-first worldwide [21].

Egypt possesses extraordinary solar resources that can be applied to a vast variety of solar energy systems and industries, including photovoltaic (PV) or concentrated solar power (CSP) plant establishments [6]. Egypt has a solar energy potential of 74 billion MWh per year, according to the Global Solar Atlas [14].

Solar energy projects have long been noted to be economically viable. Numerous solar energy collection and generation projects have been built or are in the process of being built to collect solar energy and produce electrical power using a variety of solar energy technologies [28].

The most three major solar power projects in Egypt, which are the "Benban Solar Park", "Siwa Solar Plant", and "Kuraymat Concentrated Solar Power (CSP) plant". Benban Solar Park is expected to grow to be the world's largest solar photovoltaic facility when completed forecasting an average contribution to the total electricity generation in Egypt of approximately 18% [18]. Moreover, the Siwa Solar Plant is an off-grid station that is not connected with the national electricity grid, providing power to around 6,000 houses, accounting for 30% of the entire electrical demand in Siwa City and its environs. Furthermore, the Kuraymat power plant is an integrated solar combined cycle, where the supremacy of solar energy and the advantages of a combined cycle are blended into a single system accounting for 3% of the total energy production in Egypt [1].

2.3. Wind Energy

Egypt is endowed with a plethora of inexhaustible wind energy supply, specifically in the region of the Sinai Peninsula and areas surrounding the Gulf of Suez. Egypt is one of the foremost places on Earth for harvesting wind energy [28] because of its high consistent wind velocities, which vary between 8 and 10 meters per second at a height of 100 m, and the presence of large uninhabited deserted regions. Egypt enjoys excellent wind along the Gulf of Suez with an average wind speed of 10.5 m/sec. It is just one of 38 countries in the world with a published National Wind Atlas. Egypt's wind-generated power capacity is expected to reach 7 GW by 2023, making it an important contributor to the renewable energy mix.

Since 2001, a series of large-scale wind farms with a total capacity of 1.2 GW were established in cooperation with Germany (KFW), Denmark (DANIDA), Spain (Siemens Gamesa), and Japan (JICA).

In the Gulf of Suez, a 540 MW project is under construction, with another 580 MW project in financing. In addition, a feasibility study is underway for a 200 MW project in the West Nile. More projects are under preparation in cooperation with Germany, AFD, EIB and the EU (200 MW), MASDAR (200 MW), Germany and AFD (200 MW), and Japan (200 MW).

The Egyptian government recently allocated around 7,845 square kilometers in the Gulf of Suez region and the Nile Banks for NREA to implement additional wind energy projects. The 262.5 MW Ras Ghareb wind farm project near the Gulf of Suez was inaugurated in December 2019. Executed by a consortium led by the French company Engie (Engie 40%, Toyota Tsusho 40%, and Orascom 20%), the farm will supply power to approximately 500,000 households. It is the first project in wind energy to follow the BOO (Build-Own-Operate) model. Additionally, Lekela's West Bakr Wind Farm located Gulf of Suez will generate 250 MW of clean energy. This project is a BOO (Build, Own, and Operate).

The government is working on refurbishing and repowering NREA's wind farms in Zaafarana and Gabal El Zeit with additional pipeline capacity. Preliminary estimates indicated that Zaafarana projects can yield a significantly higher energy and have improved efficiency at a much lower cost with the refurbishment of some turbines according to the Minister of Electricity and Renewable Energy. This farm includes around 700 turbines [18].

2.4. Bioenergy

Egypt has multiple unused energy sources, whilst the extensively used resources for power generation are limited to petroleum and natural gases. The nation generates vast quantities of solid waste which were recorded to be 89 Mt in 2012. If used optimally, through solid waste recycling processes rather than dumping into landfills or incinerating, these wastes could be a hidden treasure for centuries, generating enough electricity to supply millions of houses. This would significantly reduce the need to obtain energy from other conventional resources. [3].

Egypt has excellent potential for bioenergy resources for applications such as heat and combined power plants. Egypt produces a substantial quantity of biomass of approximately 40 Mt/y. The agricultural sector constitutes around 14.5% of the gross domestic products in the national economy as of 2014 [22]. The largest volume of residues is generated from the agricultural sector every year, followed by municipal and animal wastes. Open burning is the most frequently used technique for waste disposal in Egypt. Around 52% of agricultural residues have been directly burned in fields or in effective burners. Egypt is one of the eleven fastest-growing countries emitting greenhouse gases globally and the main contributors to these emissions are wastes from the agriculture, energy, and industry sectors [12]. To overcome this problem, residues from agriculture should be used as feedstock to generate energy. These residues are divided mainly into two types: livestock and crop residues.

3. The renewable energy sector's challenges in Egypt

There are many challenges facing the renewable energy sector in Egypt, which the government had to overcome in order to be able to carry out a comprehensive development process for this sector, which are technical, manufacturing, political and economic challenges.

The manufacturing of Renewable Energy technologies is challenged by the following factors:

1. Lack of competencies [7]: this includes a lack of qualifications for operation and maintenance. Egyptian technology is still under development in the solar energy field and investments, are still at the experimental stage and have not reached the level of massive production [24].
2. Low command of technologies: this includes lack of technical knowledge about the design and manufacturing of solar energy components and the design of wind energy components.
3. Lack of extensive use of geothermal energy resources: there is a considerable lack of suitable equipment for direct geothermal applications, and the available equipment is operating with low efficiencies and poor durability. This means the country has not reached the international level in terms of technological development.
4. Absence of specialized training centers for skills development.
5. The shortage of individuals skilled in RE technology is one of the main barriers that can hinder the rise in the RE generation [23].
6. Technical challenges due to the absence of adequate storage technologies [7].
7. The low production rates are due to the absence of investments and governmental initiatives.

As for the legislative challenges, which are among the reasons for slowing the development of the renewable energy sector in Egypt, which are:

1. The missing of the standards and norms: the lack of the establishment of a coherent regional regulatory framework (including conditions for electricity trade, regulation, etc.).
2. Non-harmonized regulations between the government sectors.
3. Limited grid access for third parties and limited capacity of the electrical grids [7].
4. Lack of guidelines and regulations or decrees governing geothermal energy. The government is still lagging behind in terms of investment opportunities and support for the industrialization of geothermal energy.
5. The lack of governmental control on the investment scale in the renewable energy sector and the adaptation of industrial investment direction.
6. Non-governmental organizations are not participating in the publication of RE [13].

The development of Renewable Energy industries encounters some economic challenges that include:

1. Fossil fuel subsidies: the low energy prices (mostly for conventional non-renewable energies) resulted in over-dependency on the conventional energy resources and limited the attraction towards the slightly high-priced Renewable Energy technologies.
2. Some rural communities are below the poverty line, not supported by government subsidies, and cannot afford to consume costly Renewable Energy [27].

Additionally, one of the most important challenging factors that impede the implementation and the financing of renewable energy technologies in Egypt is the infrastructure, especially in transmitting energy from wind farms which requires transmitting electricity to special substations and high voltage cables.

4. The nuclear energy

On November 19, 2015, Egypt signed an IGA with Russia for the construction and operation of NPP [17]. The nuclear power plant will be set up at El Dabaa, located in the province of Marsa Matruh on the Mediterranean coast. The plan will be implemented by a Russian state-owned company (Rosatom). The reactor will consist of four nuclear power units, each of which will be able to produce 1,200 megawatts of power (4,800 megawatts). Work on the El Dabaa station, west of Alexandria, began in December 2017 and the company will maintain the station's four reactors for 60 years [25].

The first 1200 MW reactor is expected to enter commercial operation in 2026. The remaining three reactors should be up and running by 2028, Rosatom has announced.

References

1. Abdelrahman Tarek, Mohamed Gaber, Nour A. Moharram, Seif Bayoumi. Brief review on Egypt's renewable energy current status and future vision // Energy Reports. 2022. Vol. 8. Suppl. 9. P. 165–172. DOI: 10.1016/j.egy.2022.06.103.
2. Abdel-Shafy H. I., Kamel A. H. Groundwater in Egypt issue: Resources, location, amount, contamination, protection, renewal, future overview // Egypt J Chem. 2016. Vol. 59. P. 321–62.
3. Abeykoon C., Mahmoud Eltaweel, Salah, Salma I. Towards a sustainable energy future for Egypt: A systematic review of renewable energy sources, technologies, challenges, and recommendations // Cleaner Engineering and Technology. 2022. Vol. 8. P. 100–497. DOI: 10.1016/j.clet.2022.100497.
4. Al-Riffai P., Breisinger C., Eldidi H., Mondal Mah et al. Long-term optimization of Egypt's power sector: Policy implications // Energy. 2019. Vol. 166. P. 1063–1073. DOI: 10.1016/j.energy.2018.10.158.
5. Aliyu A. K., Modu B., Tan C. W. A review of renewable energy development in Africa: A focus in South Africa, Egypt and Nigeria // Renew Sustain Energy Rev. 2018. Vol. 81. P. 2502–2518. DOI: 10.1016/j.rser.2017.06.055.
6. Bayoumi S., El-Maghlany W. M., Hanafy A. A., Moharram N. A. Techno-economic analysis of a combined concentrated solar power and water desalination plant // Energy Convers Manag. 2021. Vol. 228. P. 113–629. DOI: 10.1016/j.enconman.2020.113629.
7. Berrada A., Loudiyi K., Mentessidi K., Svendsen H. G. Grid code status for wind farms interconnection in Northern Africa and Spain: descriptions and recommendations for Northern Africa // Renew. Sustain. Energy Rev. Vol. 81. P. 2584–2598. DOI: 10.1016/j.rser.2017.06.065.
8. Bottoms I. Egypt's Future Electricity Pathways [Electrpnrc source]. URL: <https://ecesr.org/wp-content/uploads/2016/03/80-Gigawatts-of-Change-En-Pages.pdf> (accessed: 12.10.2023).
9. Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS). Egypt Vision 2030: Sustainable Development [Electrpnrc source]. URL: <http://sdsegypt2030.com/wp-content/uploads/2016/05/ةي داصتقال-ة-ةم ن ل ل.pdf> (accessed: 12.10.2023) (in Arabic)
10. Egypt vision 2030 [Electrpnrc source]. URL: <https://andp.unescwa.org/sites/default/files/2020-09/Sustainable%20Development%20Strategy%20%28SDS%29%20-%20Egypt%20Vision%202030.pdf> (accessed: 12.10.2023).
11. Egypt's voluntary review 2018 [Electrpnrc source]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/20269EGY_VNR_2018_final_with_Hyperlink_9720185b45d.pdf (accessed: 12.10.2023).
12. El Haggag S., Hassan M. G., Nakhla D. A. Impact of Biomass in Egypt on Climate Change. 2013. DOI: 10.4236/ns.2013.56083.
13. Elnokaly A., Elseragy A. et al. What Impedes the Development of Renewable Energy Technology in Egypt. 2007 [Electrpnrc source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/311351636_What_impedes_the_development_of_renewable_energy_technology_in_Egypt (accessed: 12.10.2023).
14. Global solar atlas. 2022 [Electrpnrc source]. URL: <https://globalsolaratlas.info/map?c=11.523088,8.173828,3> (accessed: 12.10.2023).
15. Hegazy K. Egypt's Energy Sector: Regional Cooperation Outlook and Prospects of Furthering Engagement with the Energy Charter. 2015 [Electrpnrc source]. URL: <https://www.energycharter.org/what-we-do/knowledge-centre/occasional-papers/egypts-energy-sector-regional-cooperation-outlook-and-prospects-of-furthering-engagement-with-the-energy-charter/> (accessed: 12.10.2023).

16. Hosny N.A., Salman D. The nexus between Egyptian renewable energy resources and economic growth for achieving sustainable development goals // *Futur Bus J.* 2021. Vol. 7. N 47. DOI: 10.1186/s43093-021-00091-8.
17. IGA, Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Arab Republic of Egypt on Cooperation in Construction and Operation of the Nuclear Power Plant on the Territory of the Arab Republic of Egypt. Cairo, 2015 [Electronic source]. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-172786.pdf> (accessed: 12.10.2023).
18. International Trade Administration. 2022 [Electronic source]. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/egypt-electricity-and-renewable-energy#:~:text=Egypt%20is%20working%20on%20increasing,conventional%20energy%20sources%2057.33%20percent> (accessed: 12.10.2023).
19. International — U. S. energy information administration (EIA). 2020 [Electronic source]. URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/EGY> (accessed: 12.10.2023).
20. IRENA, R. E. S., 2018b. Renewable Energy Outlook: Egypt. International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi. Technical Report. IRENA, 2021. Renewable Capacity Statistics 2021 // Technical Report. Abu Dhabi [Electronic source]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2018/Oct/IRENA_Outlook_Egypt_2018_En.pdf (accessed: 12.10.2023).
21. IRENA, 2021. Renewable Capacity Statistics 2021 // Technical Report, Abu Dhabi [Electronic source]. URL: <https://www.irena.org/publications/2021/March/Renewable-Capacity-Statistics-2021> (accessed: 12.10.2023).
22. Jia J., Li X., Long H., Wang H. Biomass resources and their bioenergy potential estimation: a review // *Renew. Sustain. Energy Rev.* 2013. Vol. 26. P. 344–352. DOI: 10.1016/j.rser.2013.05.035.
23. Njoh A. J. A systematic review of environmental determinants of renewable energy performance in Ethiopia: a PESTECH analysis // *Renew. Sustain. Energy Rev.* 2021. Vol. 147. P. 111–243. DOI: 10.1016/j.rser.2021.111243.
24. Patlitzianas K.D. Solar energy in Egypt: significant business opportunities // *Renew. Energy.* 2013. Vol. 36. P. 2305–2311 [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/251627461_Solar_energy_in_Egypt_Significant_business_opportunities (accessed: 12.10.2023).
25. Shaul Shay. Russia and Egypt signed a “comprehensive cooperation and strategic partnership agreement” // Institute for policy and strategy publications. 2018 [Electronic source]. URL: <https://www.runi.ac.il/media/fusgznh/shaulshayrussiaegypt28-10-18a.pdf> (accessed: 12.10.2023).
26. Springborg R. Egypt's economic transition: challenges and prospects // *Combining economic and political development.* 2018. P. 184–210 [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/345211546_Egypt's_Economic_Transition_Challenges_and_Prospects (accessed: 12.10.2023).
27. Suman A. Role of renewable energy technologies in climate change adaptation and mitigation: a brief review from Nepal // *Renew. Sustain. Energy Rev.* 2021. Vol. 151. P. 111524. DOI: 10.1016/j.rser.2021.111524.
28. The ministry of electricity and renewable energy. 2022 [Electronic source]. URL: http://www.moe.gov.eg/english_new/home.aspx 30 (accessed: 12.10.2023).

About the authors:

Oleg N. Misko, Head of the Department of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); misko-on@ranepa.ru

Alaa Sh. Darwish, PHD student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); amokhameddarvi-20@edu.ranepa.ru

Об авторах:

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; misko-on@ranepa.ru

Дарвиш Алаа Шавки, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); amokhameddarvi-20@edu.ranepa.ru

Роль наставника в современном обществе: обзор социологических исследований

Зорина И. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; ira.zori18@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Введение: в данной статье рассмотрен вопрос о роли наставника в современном обществе. Раскрыта значимость наставнической деятельности в различных направлениях и областях.

Материалы и методы: в процессе подготовки и написания данной статьи были использованы русскоязычные и англоязычные научные публикации, содержащие результаты проведенных социологических исследований по указанной теме. В исследовании были использованы теоретические методы: изучение, анализ научной литературы, систематизация данных.

Результаты исследования: по результатам анализа научных публикаций было определено, что в настоящее время общество характеризуется быстрым темпом развития, но в то же время выражена необходимость в передаче знаний, навыков. Цифровизация экономики способствовала тому, что наставники стали необходимы не только молодому поколению, но и старшему, которые начали взаимодействовать с Интернетом и нуждаются в повышении уровня цифровой грамотности, сотрудникам на предприятии, педагогам, медицинским работникам, подрастающему поколению. Роль наставника определена необходимостью облегчения процесса социализации и адаптации сотрудников, при этом как при реализации прямого, так и обратного наставничества. Данную функцию способны выполнить лица, которые должны обладать необходимыми для этого компетенциями и желанием к обучению, поддержке других лиц. Кроме того, наставник может выполнять как функции руководителя службы сопровождения, осуществлять социальное сопровождение, оказывать помощь при решении различных вопросов.

Обсуждение и заключение: проанализированы отечественные и зарубежные социологические исследования, на основе которых сделаны выводы о важности наставника в различных социальных сферах. На основе исследований определены необходимые личные качества и приобретаемые навыки, важные для наставника. Роль наставника в современном мире определена необходимостью в ограниченное время передать опыт, сформировать направленность на результативность, интегрировать в профессиональную среду и оказать поддержку. Наставничество является двусторонним процессом и позволяет развивать важные в современном мире компетенции и самим наставникам. Однако важным является вопрос об определении этики, принципах и нормативной основы данной деятельности.

Ключевые слова: наставник, наставничество, современное общество, обзор, социологические исследования

Для цитирования: *Зорина И. А.* Роль наставника в современном обществе: обзор социологических исследований // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 140–148.

The Role of a Mentor in Modern Society: A Review of Sociological Research

Irina A. Zorina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; ira.zori18@yandex.ru

ABSTRACT

Introduction: this article discusses the role of a mentor in modern society. The importance of mentoring activities in various directions and areas is revealed.

Materials and methods: in the process of preparing and writing this article, Russian and English-language scientific publications containing the results of sociological research on this topic were used. Theoretical methods were used in the study: study, analysis of scientific literature, systematization of data.

Research results: based on the results of the analysis of scientific publications, it was determined that at the present time society is characterized by a rapid pace of development, but at the same time the need for the transfer of knowledge and skills is expressed. The digitalization of the economy has contributed to the fact that mentors have become necessary not only for the younger generation, but also for the older ones who have started interacting with the Internet and need to increase the level of digital literacy, employees at the enterprise, teachers, medical workers, the younger generation. The role of the mentor is determined by the need to facilitate the process of socialization and adaptation of employees, while both in the implementation of direct and reverse mentoring. This function can be performed by persons who must have the necessary competencies and the desire to learn, support others. In addition, the mentor can act as the head of the support service, provide social support, provide assistance in solving various issues.

Discussion and conclusion: domestic and foreign sociological studies are analyzed, on the basis of which conclusions are drawn about the importance of a mentor in various social spheres. Based on the research, the necessary personal qualities and acquired skills that are important for a mentor are determined. The role of a mentor in the modern world is determined by the need to transfer experience in a limited time, form a focus on effectiveness, integrate into the professional environment and provide support. However, it is important to determine the ethics, principles and regulatory framework of this activity.

Keywords: mentor, mentoring, modern society, review, sociological research

For citing: Zorina I.A. The Role of a Mentor in Modern Society: A Review of Sociological Research // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 140–148.

Наставник — это лицо, которое осуществляет функцию передачи опыта, поддержки и социализации. В современном мире переосмысляются многие социальные функции, которые в информационном пространстве могут нести иное значение, а ценный опыт распространяться более широко, это касается и деятельности наставника. При этом в современном мире можно наблюдать осмысление значимости наставничества для реализации эффективной деятельности, интеграции в профессиональную или образовательную среду, оказания поддержки и помощи [18].

Наставничество как социальный феномен играет важную роль и в настоящее время, включая такие формы, как коучинг, менторство, фасилитация, тьюторинг. При этом коуч является опытным сотрудником, который обладает навыками организации процесса обучения, который выстраивает обучение на партнерском взаимодействии, умеет направлять деятельность наставляемых для достижения поставленных целей. Также в настоящее время деятельность коуча распространена в бизнес-сфере при ведении предпринимательской работы. Он передает модель поведения, показывая, как должно делать, а также предлагает задания и следит за процессом их выполнения. Фасилитатор реализует поддерживающую функцию, облегчает процесс адаптации и социализации, выстраивает положительное коммуникативное взаимодействие в определенной социальной среде. Тьютор оказывает консультативную помощь, при этом сам обучаемый и наставляемый действует в большей мере самостоятельно [19]. В рамках настоящего теоретического исследования рассмотрены данные относительно всех форм наставничества.

На значимость наставничества в современном мире указывает обращение первых лиц государства, учреждение различных конкурсов, реализация проектов, в которых особое внимание уделяется роли наставников.

Достаточно выражен интерес к определению роли наставника в различных его формах в социологических исследованиях. Анализируя социологические исследова-

ния по теме «наставник», мы отметили, что данную функцию выполняют лица различного возраста, представители разных профессий.

А.Т. Гаспаршвили акцентирует внимание на том, что современное цифровое общество предъявляет особые требования к личности: необходимость постоянного развития и совершенствования навыков и компетенций. Наставник в данном процессе занимает значимое место, так как он фасилитирует и контролирует данную деятельность. Также автор отмечает следующее: наставничество в настоящее время внедряется в различные сферы жизни: образование, здравоохранение, предпринимательство, производство, а также культуру и спорт [5].

Н.В. Локтюхина провела социологическое исследование в рамках реализации программы «Старшее поколение» в республике Башкортостан посредством анкетирования. По результатам исследования было определено, что обучение видится самим предпенсионерам как необходимый ресурс успешного наставничества. Необходимым является прохождение для наставников образовательных программ, направленных на изучение теории поколений, управлений конфликтами, формирование цифровой грамотности. Важными для наставников, по мнению исследуемых данной выборки, является развитие таких умений и качеств, как умение доходчиво объяснять, терпение и лидерство. При этом наставническая деятельность направлена не только на обучение и поддержку наставляемых, но и позволяет самим наставникам-предпенсионерам реализовать собственный потенциал, осознать собственную необходимость [14].

Н.В. Дулина провела социологическое исследование и представила социально-демографический портрет наставника молодежи в селах Волгоградской области. Результаты показали, что наставниками преимущественно являются мужчины от 45 лет и старше, имеющие семью с детьми, то есть в определенной мере они уже осуществляют деятельность по передаче опыта, являются носителями определенных паттернов поведения. Характерно и то, что у большинства наставников высшее образование, а сами себя они идентифицируют со средним социальным слоем. При этом социологическое исследование показало, что у наставников, которые работают на селе, выражена направленность на благотворительность, а мотивация их деятельность обусловлена стремлением помочь другим людям, научить их чему-то важному. То есть они действуют не для получения определенной выгоды, а исходя из собственных убеждений и принципов. Роль наставников в селах определяется необходимостью включения молодых специалистов в производственную деятельность, в реализации поддержки молодых семей [10].

Востребовано наставничество в медицинской сфере [22], о чем свидетельствуют результаты экспертных интервью, полученные в результате социологического исследования «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», проведенного по заказу Департамента здравоохранения Москвы. Респонденты отметили, что практика наставничества является необходимой и способствует повышению качества медицинских услуг [21]. Наставники в данной сфере реализуют деятельность, направленную на поддержку молодых специалистов, также осуществляется обратное наставничество, когда специалисты младшего возраста обучают специалистов старшего возраста информационным технологиям. Обратное наставничество реализуется по следующим причинам: врачи, являющиеся экспертами в своей области, переходят к исследовательской и преподавательской деятельности; молодые специалисты могут иметь большее количество знаний относительно современных тенденций.

Важным является вопрос и о том, согласны ли сами врачи стать наставниками. Проведенный Ю.В. Бурдастовой анкетный опрос показал, что часть врачей не готовы становиться наставниками, несмотря на возможное материальное поощрение, так как не располагают для этого временем и силами, часть врачей уже занимаются наставничеством, помогая молодым врачам адаптироваться на рабочем месте,

всего 7% отметили, что сами нуждаются в наставнике. Принципиальным является и вопрос о получении обратной связи, осуществляемой в процессе наставничества, так как он позволяет оценивать эффективность реализуемой деятельности [4]. Наставник должен понимать результативность своей деятельности, на основе этого выстраивать траекторию будущей работы, внося необходимые коррективы. Наставляемые могут поделиться впечатлениями, отметить, что для них было более значимым и ценным в данном процессе, какие долгосрочные результаты они получали.

В образовательной практике наставник выполняет функции, способствующие адаптации молодого педагога, а также по передаче, распространению педагогического опыта. Так, исследователь А. А. Моисеев отмечает, что в образовательном пространстве наставники являются участниками определенной Платформы, которые могут как обучать других людей, так и сами получать необходимые знания и компетенции. Следовательно, реализуется взаимодействие между педагогами, методистами, руководителями и другими субъектами профессиональной деятельности, в результате чего каждый получает ценностный опыт и улучшает эффективность собственной деятельности.

Т. И. Гришина выделяет 5 принципов организации наставничества в образовании [7].

1. Принцип мозаичности, сущность которого заключается в гибкости построения образовательного процесса, основанного на учебе типологических и индивидуальных особенностей детей и подростков. То есть педагог «подбирает» необходимые элементы для реализации образовательного процесса таким образом, чтобы учитывать особенности наставляемых, но в то же время и способствовать их усвоению образовательной программы или планируемых результатов программы наставничества в полном объеме. Данный принцип реализуется на основе личностно-ориентированного подхода, позволяет как можно более полно реализовать потенциал обучаемых и наставляемых, а также приобрести самому педагогу важные в современном мире компетенции.

2. Принцип безусловного принятия личности ребенка, исключающий оценку его личных качеств. Данный принцип требует от педагога высокого уровня развития эмоционального интеллекта, т. е. способности понимать свое эмоциональное состояние и эмоциональное состояние других людей, способность управлять своим эмоциональным состоянием, наличие эмпатии, умение сопереживать детям. Осуществляя данный принцип, педагог выступает фасилитатором, оказывает поддерживающее влияние.

3. Принцип диалогизма направлен на организацию конструктивного и эффективного взаимодействия субъектов образовательного или воспитательного процесса, своевременное решение конфликтных ситуаций, наличие взаимопонимания между педагогом/наставником и родителями. Следовательно, наставник может играть роль медиатора в решении сложных, спорных вопросов. Для этого ему необходимо обладать конфликтологическими компетенциями и знаниями из области психологии.

4. Принцип нелинейности означает выбор разных форм, видов, средств деятельности и также допускает «возврат» к пройденным темам, для обобщения, закрепления полученных знаний, умений и навыков, опыта наблюдений, развития [1].

5. Принцип обратной связи предполагает развитие рефлексивных умений и навыков наставников, что позволит им оценить результаты своей деятельности, скорректировать формы и методы деятельности, спрогнозировать будущую деятельность, а также получение оценки проведенных мероприятий со стороны, при независимой экспертизе [26].

Следовательно, реализация данных принципов предполагает наличие определенных качеств у наставников: ответственность, инициативность, коммуникабельность, креативность, высокий уровень развития рефлексии, критическое мышление, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, овладению необходимыми компетенциями.

На производстве наставничество также является необходимым для адаптации сотрудников и передачи опыта. Анализ материалов, представленных финалистами Республиканского конкурса «Лучший наставник» (2020 г.) показал, что на определенных предприятиях отсутствуют отделы, в которых реализована система наставничества. При этом в тех отделах, где наставники реализуют свою деятельность, эффективность предприятия выше, а текучесть кадров имеет более низкий процент [20].

Наставник в данном случае выстраивает горизонтальное взаимодействие, создает для нового сотрудника условия, которые позволяют ему как можно легче адаптироваться и более эффективно выполнять профессиональные обязанности.

При этом он должен осуществлять свою деятельность ответственно, с учетом законодательных норм и актов, осуществлять контроль за работой нового специалиста, обучать его приемам и методам труда, рациональной организации рабочего времени, организационной этики.

Остро стоит вопрос о функционировании системы наставников в социальной сфере при социализации детей-сирот. При этом система наставничества в данной области осуществляется на основе договора с НКО. Е. А. Байер провела исследование и представила схему определения модельных личностных качеств наставника-волонтера: доброжелательность, отзывчивость, гуманность, терпимость, эмпатийность, умение найти общий язык с наставляемыми детьми. Роль наставника в указанном направлении заключается в социализации и адаптации как детей, проживающих в детских домах, так и выпускников учреждений. Исследователь отмечает, что деятельность наставника в процессе социализации детей-сирот обладает определенными преимуществами перед другими видами деятельности ввиду своей личностно-ориентированной направленности, неформальности, возможности включения воспитанников в более широкий социальный и культурный мир [3].

В многочисленных исследованиях указано о необходимости институционализации наставничества и определена важная роль наставника в образовательном пространстве [2; 6; 8; 9; 11; 12; 17]. Однако закономерным является вопрос и основных проблемах функционирования системы наставников. По результатам социологического исследования А. А. Марголис, в котором приняли участие педагоги из разных областей, было определено, что данные проблемы связаны с непониманием круга обязанностей, отсутствием желания, времени и сил у опытных педагогов выполнять данную функцию, отсутствием нормативных документов в данной области.

Кроме того, нередко наставляемые педагоги считают, что им оказывают не поддержку, а контролируют их деятельность, из чего вытекает определенное противоречие между необходимостью наставничества и организацией, содержанием данной деятельности [15].

Исследовательский коллектив американских ученых в результате социологического исследования пришел к выводу о том, что наставники, как и наставляемые, нуждаются в обучении. Сами наставники при этом отметили, что стремятся получить знания об эффективных методах и средствах обучения студентов, а большую часть времени в данной деятельности занимает процесс планирования и проведения инструкций. Однако, на их взгляд, наиболее важным в процессе наставничества является проведение рефлексивных бесед, более личностный подход к наставникам [24]. По их мнению, обучение наставников является необходимым условием эффективного наставничества.

Необходимо отметить, что в зарубежных социологических исследованиях большое внимание уделяется процессу менторинга и роли менторов в разных областях деятельности. Так, А. Малдерз считает, что ментор оказывает поддержку молодому специалисту, позволяет ему вырасти как в профессиональном, так и личностном плане, интегрировать в профессиональную среду [23].

В контексте рассмотрения данной проблематики необходимо привести и типологию качеств наставника, представленную авторами Н. Б. Лисовской и Н. В. Колесниченко. Так, они выделяют четыре уровня наставничества и, следовательно, типы наставников [13].

Первый уровень — индивидуально-исполнительский или инструментальный, то есть характеристика поведения наставника, выбора им методов и форм деятельности, наличие опыта, способность обучать, профессионализм.

Второй уровень — это индивидуально-психологический тип, связанный с индивидуальными особенностями личности наставника: характер, темперамент, активность, организованность, ответственность, стремление к самосовершенствованию и саморазвитию.

Третий уровень — социально-психологический, то есть способы и особенности взаимодействия наставника с наставляемыми и с окружающим социальным миром.

Четвертый уровень — духовно-нравственный, что отражает нравственные качества, мировоззрение личности, а также отзывчивость, чуткость и эмпатийность.

То есть наставники на высоком уровне развития выступают трансляторами духовно-нравственных ценностей и культуры, передают не только опыт, но и паттерны поведения, необходимые для нормального функционирования и развития общества.

На основе проведенного обзора социологических исследований были определены личные качества и приобретаемые навыки наставников. Личными качествами являются: гуманность, терпимость, эмоциональная устойчивость, доброжелательность, уверенность в себе, готовность взять на себя ответственность.

Для организации наставничества важно, чтобы наставник обладал такими личностными характеристиками, как эмпатия, высокий уровень компетенции и коммуникативных навыков, знание возрастных и личностных особенностей категории наставляемых, с которой он работает или осуществляет взаимодействие. К приобретаемым навыкам относятся: умение наблюдать и анализировать, навыки эффективной коммуникации, знание особенностей обучения лиц разного возраста, профессиональные знания, умение осуществлять контроль [24; 25]. То есть наставник должен постоянно развиваться и совершенствоваться как в профессиональном и личностном плане, приобретая новые компетенции и знания. Кроме того, наставник может координировать, стимулировать деятельность и управлять различными процессами, которые могут действовать как параллельно, так и дополнительно к другим методам. Следовательно, наставник обладает следующими правами: вносить коррективы по улучшению качества деятельности, обмениваться опытом с другими наставниками, предоставлять характеристику на наставляемых, в случае конфликтных ситуаций обращаться за помощью к другим специалистам.

Для наставника является важным высокий уровень мотивации к данной деятельности, компетенций, позволяющих осуществлять деятельность эффективно и планомерно. Наставник не просто передает опыт, он также реализует ценностно-ориентационную функцию в своей деятельности.

Таким образом, роль наставника в современном обществе очевидна и распространяется на различные сферы деятельности. Наставники необходимы на предприятиях, в медицинской и социальной сфере, в образовательном пространстве. При этом в большей мере институт наставничества востребован и развивается в педагогической практике. Роль наставника значима и в воспитании подрастающего поколения, в формировании нравственных качеств, передаче духовно-нравственных ценностей.

Отметим, что существует необходимость в объективизации описания необходимых компетенций наставника, уточнении представлений о социальном портрете наставника на основе анализа общественного мнения, определения этических норм, прав

и обязанностей наставников и их востребованности в различных сферах общественной деятельности. Однако сейчас можно отметить, что роль наставника в современном мире имеет важную значимость, определяется направленностью на распространение опыта, поддержку, социализацию и адаптацию. К основным видам деятельности наставника можно отнести: наблюдение за наставляемыми, их поведением, ростом; консультирование по разным вопросам; анализ и планирование деятельности в различных направлениях; помощь наставляемым в решении сложных вопросов.

Так, если наставничество — это инструмент социализации и инкультурации, то наставник является агентом данного социокультурного процесса на этапах культуры детства и культуры взрослости.

Литература

1. Ангеловская С. К. Теоретические подходы к проблеме наставничества в профессиональном образовании. Копейск : Издательство ГБПОУ «Копейский политехнический колледж имени С. В. Хохрякова», 2017. С. 5–9.
2. Андрущенко Т. Ю., Аржаных Е. В., Виноградов В. Л., Минюрова С. А. и др. Проблемы профессиональной адаптации молодых педагогов // Психологическая наука и образование. (2017) Т. 9. № 2. С. 1–16.
3. Байер Е. А., Аваков С. И. Профессионально значимые личностные качества наставника-волонтера в социализации детей-сирот // Вестник педагогических наук. 2020. № 2. С. 4–9.
4. Бурдастова Ю. В. Наставничество в медицине: факторы готовности врачей становиться наставниками // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы : Сб. материалов V Международной научно-практической конференции, Москва, 3 декабря 2019 года. М. : Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2020. С. 40–44.
5. Гаспаришвили А. Т. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии // Народное образование. 2019. № 5 (1476). С. 109–115.
6. Гисматуллина А. И., Валева Р. Р. Роль наставника в современном образовании // Миллионщиков-2019 : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО «ГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова». Грозный, 30–31 мая 2019 года. Т. II. 2019. С. 439–441.
7. Гришина Т. А. Новые черты традиционной практики наставничества: актуальность и механизм внедрения // Научный альманах. 2021. № 8–1 (82). С. 13–22.
8. Донина И. А. К вопросу о проблеме кадрового дефицита в ДОУ: привлечение и удержание молодых специалистов // Педагогический вестник. 2020. № 16. С. 16–19.
9. Дудина Е. А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 25–36.
10. Дулина Н. В. Социально-демографический портрет наставника молодежи российского села (по итогам социологического исследования, проведенного в Волгоградской области) // Старшее поколение современной России : материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 13–14 октября 2021 г. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 130–134.
11. Круглова И. В. Наставничество в повышении профессиональной компетентности молодого учителя // Педагогическое образование и наука. 2007. № 1. С. 25–28.
12. Ленская Е., Пинская М. Российские педагоги в зеркале международного сравнительного исследования педагогического корпуса (TALIS 2013). М. : Изд. дом ВШЭ, 2015. 23 с.
13. Лисовская Н. Б., Колесниченко К. В. Профессионально-психологический портрет наставников молодых специалистов // Письма в Эмиссия Оффлайн. 2012. The Emissia Offline Letters. С. 290–298.
14. Локтюхина Н. В. Развитие системы наставничества: российский и зарубежный опыт // Непрерывное образование: XXI век. 2019. Вып. 4 (28). С. 98–105.
15. Марголис А. А., Аржаных Е. В., Хуснутдинова М. Р. Институционализация наставничества как ресурс профессионального развития российских педагогов // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 133–159.

16. *Моисеев А. М.* Модель системы дистанционного наставничества и методической поддержки (НИМП) студентов и молодых учителей в педагогическом университете // Педагогика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 2. № 3. С. 20–40.
17. *Радостина Н. Б.* Особенности педагогического наставничества в сравнении с наставничеством в других профессиональных сферах // Стратегические направления развития образования в Оренбургской области : Научно-практическая конференция с международным участием, Оренбург, 29 сентября 2017 г. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2017. С. 591–595.
18. *Сазонова В. П.* Базовые принципы для развития системы наставничества в современных условиях // Сборник научных трудов молодых ученых Сургутского государственного педагогического университета. Том Вып. 3. Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2021. С. 110–112.
19. *Саркисова И. В.* К вопросу о сущности понятия «наставничество» в зарубежной и отечественной литературе // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70–5. С. 24–27.
20. *Сизоненко Р. В.* Роль наставничества в профессиональной социализации молодых специалистов в условиях качественных преобразований социально-трудовых отношений // Молодежный Вестник УГАТУ. 2021. № 1 (24). С. 96–101.
21. *Ярашева А. В.* Исследование кадрового потенциала московского здравоохранения // Московская медицина. 2019. № 3 (31). С. 6–11.
22. *Clarke A. J.* The role of reverse mentoring in medical education: current insights // Advances in medical education and practice. 2019. P. 693–701.
23. *Malderez A.* New ELT professionals // English Teaching Professional. 2001. N 19. P. 57–58.
24. *Sánchez B.* Everyday acts of resistance: Mexican, undocumented immigrant children and adolescents navigating oppression with mentor support // Journal of Research on Adolescence. 2022. Vol. 32. N 2. P. 398–416.
25. *Schenk L.* An examination of the role of mentees' social skills and relationship quality in a school based mentoring program // American Journal of Community Psychology. 2020. Vol. 65. N 1–2. P. 149–159.
26. *Shier M. L., Larsen-Halikowski J., Gouthro S.* Characteristics of volunteer motivation to mentor youth // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 111. P. 104885.

Об авторе:

Зорина Ирина Александровна, аспирант кафедры социальных технологий факультета социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ira.zori18@yandex.ru

References

1. Angelovskaya S. K. Theoretical approaches to the problem of mentoring in vocational education. Kopeysk : Publishing House of the Kopeysky Polytechnic College named after S. V. Khokhryakov, 2017. P. 5–9 (in Rus.).
2. Andrushchenko T. Yu., Arzhanykh E. V., Vinogradov V. L., Minyurova S. A. et al. Problems of professional adaptation of young teachers // Psychological Science and Education. (2017) Vol. 9. N 2. P. 1–16 (in Rus.).
3. Bayer E. A., Avakov S. I. Professionally significant personal qualities of a mentor-volunteer in the socialization of orphans // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2020. N 2. P. 4–9 (in Rus.).
4. Burdastova Yu. V. Mentoring in medicine: factors of doctors' readiness to become mentors // Incomes, expenses and savings of the Russian population: trends and prospects : Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 03, 2019. M. : Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 40–44 (in Rus.).
5. Gasparishvili A. T. Mentoring as a social phenomenon: modern challenges and new realities // Public education. 2019. N 5 (1476). P. 109–115 (in Rus.).
6. Gismatullina A. I., Valeeva R. R. The role of a mentor in modern education // Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists dedicated to the 100th anniversary of the FSBEI HE "GNTU named after Academician M. D. Millionshchikov". Grozny, May 30–31. 2019. Vol. II. 2019. P. 439–441 (in Rus.).

7. Grishina T.A. New features of traditional mentoring practice: relevance and mechanism of implementation // Scientific almanac. 2021. N 8–1 (82). P. 13–22 (in Rus.).
8. Donina I.A. On the issue of the problem of personnel shortage in the Preschool educational institution: attracting and retaining young specialists // Pedagogical Bulletin. 2020. N 16. P. 16–19 (in Rus.).
9. Dudina E.A. Mentoring as a special type of pedagogical activity: essential characteristics and structure // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2017. Vol. 7. N 5. P. 25–36 (in Rus.).
10. Dulina N. V. Socio-demographic portrait of the mentor of the youth of the Russian village (based on the results of a sociological study conducted in the Volgograd region) // The older generation of modern Russia : materials of the international scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, October 13–14, 2021. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, 2021. P. 130–134 (in Rus.).
11. Kruglova I.V. Mentoring in improving the professional competence of a young teacher // Pedagogical education and science. 2007. N 1. P. 25–28 (in Rus.).
12. Lenskaya E., Pinskaya M. Russian teachers in the mirror of the international comparative study of the pedagogical corps (TALIS 2013). M. : HSE Publishing House, 2015. 23 p. (in Rus.).
13. Lisovskaya N.B., Kolesnichenko K.V. Professional and psychological portrait of mentors of young specialists // Letters to Issue Offline. 2012. The Emissia Offline Letters. P. 290–298 (in Rus.).
14. Loktyukhina N.V. Development of the mentoring system: Russian and foreign experience // Continuing education: the XXI century. 2019. Is. 4 (28). P. 98–105 (in Rus.).
15. Margolis A.A., Arzhanykh E.V., Khusnutdinova M.R. Institutionalization of mentoring as a resource for professional development of Russian teachers // Education issues. 2019. N 4. P. 133–159 (in Rus.).
16. Moiseev A.M. Model of the system of remote mentoring and methodological support (NIMP) of students and young teachers at the Pedagogical University // Pedagogy: yesterday, today, tomorrow. Vol. 2. N 3. 2019. P. 20–40 (in Rus.).
17. Radostina N.B. Features of pedagogical mentoring in comparison with mentoring in other professional spheres // Strategic directions of education development in the Orenburg region: Scientific and practical conference with international participation, Orenburg, September 29, 2017. Orenburg : Orenburg State University, 2017. P. 591–595 (in Rus.).
18. Sazonova V.P. Basic principles for the development of the mentoring system in modern conditions // Collection of scientific papers of young scientists of Surgut State Pedagogical University. Is. 3. Surgut : Surgut State Pedagogical University, 2021. P. 110–112 (in Rus.).
19. Sarkisova I.V. On the question of the essence of the concept of “mentoring” in foreign and domestic literature // Trends in the development of science and education. 2021. N 70–5. P. 24–27 (in Rus.).
20. Sizonenko R.V. The role of mentoring in the professional socialization of young professionals in the conditions of qualitative transformations of social and labor relations // UGATU Youth Bulletin. 2021. N 1 (24). P. 96–101 (in Rus.).
21. Yarasheva A.V. Research of the personnel potential of Moscow healthcare // Moscow medicine. 2019. N 3 (31). P. 6–11 (in Rus.).
22. Clarke A.J. The role of reverse mentoring in medical education: current insights // Advances in medical education and practice. 2019. P. 693–701.
23. Malderez A. New ELT professionals // English Teaching Professional. 2001. N 19. P. 57–58.
24. Sánchez B. Everyday acts of resistance: Mexican, undocumented immigrant children and adolescents navigating opposition with mentor support // Journal of Research on Adolescence. 2022. Vol. 32. N 2. P. 398–416.
25. Schenk L. An examination of the role of mentees’ social skills and relationship quality in a school-based mentoring program // American Journal of Community Psychology. 2020. Vol. 65. N 1–2. P. 149–159.
26. Shier M. L., Larsen-Halikowski J., Gouthro S. Characteristics of volunteer motivation to mentor youth // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 111. P. 104885.

About the author:

Irina A. Zorina, Postgraduate student of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); irazori18@yandex.ru

Развитие теоретико-методологических подходов государственного управления: от «железной клетки» бюрократии до цифрового управления и клиентоцентричности

Ляликов А. А.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; alexanderlyalikov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье представлен анализ классических («Old Public Administration», «New Public Management», «Good Governance») и относительно новых подходов в государственном управлении (E-government, Цифровое государственное управление, клиентоцентричный, процессный и проектный подходы).

Цель исследования — провести комплексный анализ каждого подхода и изучить, как их совместное использование может привести к более эффективному предоставлению государственных услуг.

В исследовании использован метод систематического обзора литературы соответствующих научных источников, за которым последовал сравнительный анализ ключевых особенностей и характеристик каждого подхода.

Результаты анализа показывают, что каждый подход имеет свой уникальный вклад и ограничения, а их эффективность зависит от ряда контекстуальных факторов. Old Public Administration сосредоточен на иерархии, правилах и процедурах и эффективен в обеспечении административной эффективности и подотчетности. New Public Management подчеркивает рыночные принципы, такие как бюджетирование на основе результатов, децентрализация и конкуренция, и направлен на повышение эффективности, результативности. Good Governance подчеркивает демократические ценности, прозрачность, подотчетность и участие граждан в процессах принятия решений. Подходы электронного правительства и цифрового государственного управления направлены на использование технологий для повышения эффективности управления, доступности и качества государственных услуг. Подход, ориентированный на клиента, сосредоточен на понимании потребностей и предпочтений граждан и предоставлении индивидуальных услуг, отвечающих их ожиданиям.

Процессный подход подчеркивает важность систематического планирования, реализации и оценки государственной политики и услуг для достижения желаемых результатов. Проектный подход фокусируется на использовании принципов управления проектами, таких как привлечение заинтересованных сторон, управление рисками и мониторинг эффективности, для реализации сложных государственных проектов.

При разработке и реализации государственной политики и услуг необходимо учитывать контекст, потребности и предпочтения граждан, а также более широкие общественные интересы. Исследование подчеркивает важность постоянного обучения и адаптации в сфере государственного управления для решения меняющихся задач и потребностей общества.

Исследование позволяет сделать вывод, что не существует универсального подхода к государственному управлению, и для эффективного и результативного функционирования государственного аппарата необходим многогранный подход.

Ключевые слова: государственное управление, электронное правительство, цифровое государственное управление, клиентоцентричное управление, процессное управление, проектный подход

Для цитирования: Ляликов А. А. Развитие теоретико-методологических подходов государственного управления: от «железной клетки» бюрократии до цифрового управления и клиентоцентричности // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 149–160.

Development of Theoretical and Methodological Approaches to Public Administration: From The “Iron Cage” Bureaucracy to Digital Governance and Client-Centeredness

Alexander A. Lyalikov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; alexanderlyalikov@gmail.com

ABSTRACT

This article presents an analysis of classical (“Old Public Administration”, “New Public Management”, “Good Governance”) and relatively new approaches in public administration (E-government, Digital Public Administration, client-centered, process and project approaches).

The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of each approach and explore how their combined use can lead to more effective delivery of public services.

The study used the method of a systematic literature review of relevant scientific sources, followed by a comparative analysis of the key features and characteristics of each approach.

The results of the analysis show that each approach has unique contributions and limitations, and their effectiveness depends on a number of contextual factors. Old Public Administration focuses on hierarchy, rules and procedures and is effective in ensuring administrative efficiency and accountability. New Public Management emphasizes market principles, such as results-based budgeting, decentralization and competition, and aims to improve efficiency, effectiveness. Good Governance emphasizes democratic values, transparency, accountability and citizen participation in decision-making processes. E-government and digital government approaches aim to use technology to improve the efficiency of government, accessibility and quality of public services. The customer-centered approach focuses on understanding the needs and preferences of citizens and providing customized services that meet their expectations.

The process approach emphasizes the importance of systematic planning, implementation and evaluation of public policies and services to achieve the desired results. The project-based approach focuses on the use of project management principles, such as stakeholder engagement, risk management and performance monitoring, to implement complex public projects.

The design and implementation of public policies and services must take into account the context, citizen needs and preferences, and broader societal interests. The study emphasizes the importance of continuous learning and adaptation in public administration to meet the changing challenges and needs of society.

The study concludes that there is no one-size-fits-all approach to public administration, and a multifaceted approach is necessary for the effective and efficient functioning of the state apparatus.

Keywords: public administration, e-government, digital public administration, client-centered management, process management, project-based approach

For citing: Lyalikov A.A. Development of Theoretical and Methodological Approaches to Public Administration: From The “Iron Cage” Bureaucracy to Digital Governance and Client-Centeredness // Administrative consulting. 2023. N 11. P. 149–160.

Введение

Государственное управление стало темой, вызывающей значительный интерес в последние годы не только в научной среде, но и в публичной сфере, поскольку правительства по всему миру стремятся повысить эффективность, результативность и подотчетность своих учреждений государственного сектора.

Целью данной работы является изучение концепций государственного управления, базовых теоретических подходов и современных прикладных методов управления в государственном секторе.

Особый акцент планируется сделать на концепциях электронного правительства и цифрового государственного управления, сравнении процессного и проектного подходов в госсекторе, а также внедрения принципов клиентоцентричности в работу органов государственной власти.

В научном сообществе аналогичные исследования направлены на изучение эволюции государственного управления, одновременно с этим лишь немногие из них исследовали взаимосвязь между вышеперечисленными подходами и методами. Данная исследовательская работа призвана восполнить этот пробел в литературе путем углубленного анализа этих тем, опираясь на ряд научных источников и тематических исследований как зарубежного, так и российского опыта.

Материалы и методы

Научные методы, используемые в работе, включают систематический обзор соответствующей литературы по государственному управлению.

Кроме того, для иллюстрации применения этих концепций на практике будут использованы тематические исследования, основанные на примерах из российского опыта. Анализ будет основан на критической оценке сильных и слабых сторон этих концепций и их практических последствий для государственного управления.

В целом данная исследовательская работа призвана способствовать более глубокому пониманию эволюции государственного управления и его теоретических подходов, а также потенциальных преимуществ и проблем методов государственного управления.

Результаты

1. Теоретические основания государственного управления

Одно из первых определений государственного управления дано Вудро Вильсоном в эссе «Изучение администрации» (1887). Вильсон определил государственное управление как «детальное и систематическое исполнение государственного закона». Он считал, что государственное управление должно руководствоваться принципами эффективности, результативности и подотчетности [33, с. 199].

Вместе с тем В. Вильсон акцентировал внимание на различии «Управления» (Administration) от «Политической деятельности» (Politics). Согласно тезису Вудро Вильсона о «дихотомии власти», политика включает в себя осуществление власти и формулирование политики, а управление (или администрирование) — реализацию этой политики государственными служащими. Ф. Гуднау также проводил различие между политической и административной деятельностью, утверждая, что эти два понятия должны быть разделены для обеспечения эффективного и беспристрастного управления государственными делами [20].

Действительно, государственные служащие играют важнейшую роль в системе государственного управления. Они отвечают за реализацию государственной политики и программ, управление государственными ресурсами и предоставление государственных услуг гражданам. От государственных служащих ожидается, что они будут действовать профессионально и беспристрастно, служа общественным интересам, а не каким-либо конкретным политическим или частным интересам. Их роли и функции могут варьироваться в зависимости от уровня ответственности, сферы компетенции и характера государственного учреждения, в котором они работают.

Между тем сам термин *государственное управление* является комплексным понятием, которое развивалось с течением времени и продолжает развиваться по мере изменения общества и государственных структур.

Согласно Р. Эшворту, государственное управление — это механизм государственного аппарата, который предполагает реализацию политики через набор бюрократических процедур. Н. Генри акцентировал внимание на том, что государ-

ственное управление относится к реализации политических решений и управлению государственными программами и услугами для удовлетворения потребностей граждан [22]. Аналогичным образом Дж. Шафриц, Е. Рассел и К. Борик определяют государственное управление как изучение процессов, процедур и структур, которые способствуют предоставлению государственных товаров и услуг [27]. Это определение подчеркивает важность государственного управления для продвижения общественных интересов и улучшения качества жизни граждан. Кроме того, Р. Дэнхарт и Т. Котлоу утверждают, что государственное управление — это сложная область, требующая применения различных теорий и принципов из таких дисциплин, как политология, социология и менеджмент [18].

Таким образом, государственное управление — это междисциплинарная область, которая занимается изучением механизмов реализации государственной политики, процессов принятия решений и управления ресурсами государства. Концепция государственного управления развивалась с течением времени, и различные ученые определяли ее по-разному, исходя из своих теоретических взглядов.

Кроме того, на государственное управление влияют различные факторы, такие как политика, экономика, нормативно-правовая база, общественное мнение. Как следствие оно требует использования специальных навыков и знаний, чтобы государственные служащие могли ориентироваться в сложной среде, в которой они работают. Еще одной важнейшей характеристикой государственного управления является его направленность на подотчетность и прозрачность.

2. Классические теоретические подходы в госуправлении

Система государственного управления с годами претерпела значительные изменения, что привело к появлению различных подходов. В научной литературе принято акцентировать внимание на трех базисных подходах, на основании и в развитии которых в XX–XXI в. происходило научное осмысление феномена «государственное управление». К таковым подходам относятся «Old Public Administration», «New Public Management», «Good Governance».

«Old Public Administration» (OPA) является традиционной формой деятельности бюрократической формы организации государственного управления, представленной Максом Вебером как идеальный тип рациональной формы правления на основе нормотворчества и реализации принципа «железной клетки» бюрократии [32]. Он характеризуется иерархическим, бюрократическим и централизованным подходом к государственному управлению. В центре внимания OPA стоит поддержание закона и порядка, а также предоставление общественных товаров и услуг стандартизированным и предсказуемым образом. На принципы OPA повлияла классическая теория управления, которая подчеркивала важность бюрократии, формальных правил и безличных отношений в общественных организациях [29].

В отличие от этого, концепция «New Public Management» (далее — NPM) является следствием кризиса применения неоконсервативных подходов к государственному управлению (1970–1980), основанных на классической модели бюрократии и OPA [25]. NPM появился в 1980-х годах и нашел свое отражение среди общемировых тенденций по реформированию механизмов государственного управления с 1990 по 2000 г. NPM нацелен на повышение эффективности и результативности государственных организаций за счет внедрения таких методов из бизнес-среды, как бюджетирование на основе результатов, конкуренция и приватизация [23]. На принципы NPM повлияла неолиберальная идеология, которая подчеркивала важность рынка в распределении ресурсов и стимулировании экономического роста.

А. А. Косоруков и М. Н. Кшеменецкая выделяют следующие инструменты (принципы) NPM: (1) деконструкция моделей государственных структур, (2) внедрение

конкурентных принципов в систему предоставления государственных услуг гражданам, (3) финансовое стимулирование [7, с. 29].

В последнее время в качестве нового подхода к государственному управлению появилось понятие «Good Governance» (GG). GG подчеркивает важность прозрачности, подотчетности и участия граждан в процессах принятия государственных решений. Принципы GG основаны на идее о том, что надлежащее управление необходимо для обеспечения устойчивого развития и сокращения бедности [31]. Для GG характерен акцент на правах человека, гендерном равенстве и верховенстве закона, а также стремление отстаивать интересы всех граждан, особенно тех, кто находится в маргинальном или неблагоприятном положении.

Следует выделить следующие характеристики, относящиеся к концепции GG: сотрудничество и совместная работа граждан и власти (Participatory); признание верховенства права (Rule of Law); прозрачность власти и ее решений (Transparency); отзывчивость реагирования, оперативность (Responsiveness); ориентация на консенсус (Consensus Oriented); равенство и отсутствие дискриминации (Equity and Inclusiveness); результативность, эффективность и экономичность (Effectiveness and Efficiency), подотчетность власти гражданам (Accountability) [13].

Эволюция подходов к системе государственного управления привела к появлению различных парадигм, каждая из которых имеет свои принципы, ценности и цели. Если в рамках OPA делается акцент на бюрократическом контроле, то NPM сосредоточен на рыночных подходах, а GG концентрируется на демократических ценностях и участии граждан в госуправлении. Государственные служащие должны понимать различные подходы к государственному управлению, чтобы принимать обоснованные решения и способствовать эффективному и действенному управлению.

3. Современные методологические подходы в госуправлении

3.1. Электронное правительство

В последние годы концепция *электронного правительства (e-government)* привлекла значительное внимание как средство повышения эффективности и результативности государственного управления за счет использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Электронное правительство подразумевает использование ИКТ для предоставления гражданам онлайн-доступа к государственным услугам, информации об органах власти и коммуникации с их представителями [21].

Инициативы электронного правительства могут принимать различные формы, такие как предоставление онлайн-услуг, разработка правительственных порталов и использование социальных сетей для вовлечения граждан в процессы принятия государственных решений [30].

Одним из ключевых преимуществ электронного правительства является то, что оно может помочь упорядочить государственные процессы и снизить административные расходы. Предоставляя гражданам онлайн-доступ к услугам, государственные учреждения могут сократить потребность в бумажных формах, личных встречах и ручной обработке информации. Это может привести к значительной экономии времени и затрат как для граждан, так и для государственных учреждений [34].

Помимо повышения эффективности, предоставляя гражданам онлайн-доступ к правительственной информации, электронное правительство может повысить прозрачность и уменьшить возможности для коррупции. Кроме того, электронное правительство может способствовать участию граждан в процессах принятия решений, предоставляя им онлайн-платформы для обратной связи, подачи жалоб и участия в онлайн-консультациях [26].

Концепция электронного правительства является важным этапом в эволюции государственного управления, поскольку оно предлагает множество потенциальных преимуществ для граждан и государственных учреждений. Однако реализация инициатив электронного правительства требует тщательного планирования и учета социального, экономического и политического контекста, в котором они реализуются.

3.2. Цифровое госуправление

Для успешного применения указанных принципов следует осуществить не только внедрение системы автоматизации внутренних процессов и цифровых технологий, но в том числе провести комплексную трансформацию всей системы и структуры государственного аппарата с учетом социально-организационных изменений. Применение только мер по автоматизации и цифровизации способно усложнить процессы документооборота, равно как и внести дополнительные сложности в процесс осуществления служебно-бюрократических коммуникаций, так как создание инструментов и технологических решений без работы с организационным развитием сотрудников и их готовности к изменениям не способно обеспечить эффективный результат [9, с. 151].

Аналогичного видения придерживается и Дж. Фонтейн, указывающий, что основной управленческой проблемой 1990–2000-х годов стал поиск решений по реорганизации и реструктуризации институтов институционального устройства сектора Government-to-Government [12, с. 53].

Цифровое государственное управление — это относительно новая концепция в области государственного управления, основанная на использовании цифровых технологий для повышения эффективности и результативности государственного аппарата, одновременно с этим предполагается интеграция цифровых технологий во все аспекты государственного управления [24].

В перечень ключевых направлений цифрового государственного управления включают использование аналитики больших данных, искусственного интеллекта, технологии блокчейн и облачных вычислений. Внедрение перечисленных технологий в деятельность и основу государственного управления направлено на улучшение процессов принятия решений, предоставляя государственным учреждениям и служащим данные и аналитику в режиме реального времени. Это может помочь ведомствам выявлять тенденции и закономерности, прогнозировать будущие потребности и принимать более точные и эффективные решения на основе данных [2].

3.2.1. Различия между концепциями электронного правительства и цифрового государственного управления

Электронное правительство и цифровое государственное управление — два понятия, которые часто используются как взаимозаменяемые, но они имеют разные значения. Электронное правительство — это использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для улучшения предоставления государственных услуг, повышения прозрачности и подотчетности, а также расширения участия граждан [4]. С другой стороны, цифровое государственное управление — это более широкое понятие, которое включает в себя электронное правительство и другие аспекты цифровой трансформации в государственном секторе, такие как использование аналитики больших данных, искусственного интеллекта и технологии блокчейн.

Одно из ключевых различий между электронным правительством и цифровым государственным управлением заключается в их направленности. Электронное правительство в первую очередь занимается повышением эффективности и результативности государственных услуг, в то время как цифровое государственное

управление имеет более стратегическую цель преобразования всего государственного сектора. Цифровое государственное управление направлено на создание принципиально новой модели государственного аппарата, основанного на принципах открытости, доступности, прозрачности и инноваций [11].

3.3. Клиентоцентричный подход

Выделяются модели государственного управления с применением клиентоцентричных принципов, где гражданин выступает в роли клиента, а государство — поставщиком услуг. Таким образом, цель функционирования государственного аппарата направлена на обеспечение максимального результата оказания услуг гражданам в соответствии с высокими стандартами качества и эффективными процедурами, установленными административными регламентами [5]. Исследования показали, что подход, ориентированный на клиента, может привести к повышению уровня удовлетворенности граждан государственными услугами, улучшению прозрачности и подотчетности, а также повышению эффективности государственного управления [19].

Трансформация подходов к интерпретации взаимоотношений государства и гражданина в качестве «поставщик госуслуг» — «клиент» выражается в том числе в рамках концепции перехода от понятий «администрирования» (англ. administration) и «правительство» (англ. government) к понятию «руководство» (англ. governance), предполагающего модель общественного управления, направленного в первую очередь на оказание услуг гражданам [1, с. 171].

Клиентоцентричный подход основан на принципах обслуживания клиентов, проектирования пользовательского опыта и широко распространен в частном секторе. Однако он также начинает применяться в государственном секторе как средство повышения удовлетворенности граждан и доверия к правительству [17, с. 171]. Применительно к государственному сектору подчеркивается важность удовлетворения потребностей и ожиданий граждан как клиентов государственных услуг. Этот подход требует перехода от бюрократического мышления к более ориентированному на клиента мышлению, когда государственные учреждения сосредоточены на предоставлении высококачественных услуг, отвечающих потребностям граждан [28].

Одной из ключевых особенностей подхода, ориентированного на клиента, является сосредоточенность на понимании потребностей и предпочтений граждан. Это предполагает сбор отзывов и данных о впечатлениях граждан от государственных услуг и использование этой информации для улучшения качества обслуживания. Кроме того, подход, ориентированный на клиента, предполагает создание удобных интерфейсов и процессов, в которых легко ориентироваться и которые понятны гражданам [6].

Таким образом, клиентоцентричный подход — это концепция государственного управления, которая ставит потребности и интересы граждан в центр принятия государственных решений и предоставления услуг. Этот подход направлен на обеспечение того, чтобы государственные услуги разрабатывались и предоставлялись таким образом, чтобы они отвечали потребностям граждан и обеспечивали положительный пользовательский опыт [14].

Вместе с тем этот подход требует фундаментального изменения отношения государственных служащих к своим функциям и обязанностям, перехода от традиционного внимания к регламентам и процедурам к ориентации на потребности граждан. Для внедрения подхода, ориентированного на клиента, правительства должны принять ряд стратегий и практик, которые: (1) ставят во главу угла вовлечение и участие граждан в процесс принятия решений, (2) обеспечивают удобные цифровые интерфейсы для доступа к государственным услугам, (3) разрабатывают механизмы получения обратной связи и вклада граждан в качество государственных услуг.

3.4. Процессное и проектное государственное управление

К государственному управлению можно подходить, используя различные методы, и два наиболее часто используемых подхода в последнее время — процессный подход и проектный подход. Эти подходы различаются по своей направленности, целям и методологии.

Процессный подход направлен на повышение эффективности и результативности процессов государственного управления. Он предполагает определение этапов предоставления государственных услуг и анализ каждого этапа с целью выявления возможностей для улучшения. Этот подход направлен на рационализацию процессов, снижение бюрократии и повышение качества услуг, предоставляемых гражданам. Процессный подход предполагает непрерывный цикл совершенствования, включающий планирование, реализацию, мониторинг и оценку эффективности процесса [10, с. 88].

С другой стороны, проектный подход в государственном управлении направлен на достижение конкретных целей в установленные сроки и в рамках установленного бюджета. Этот подход предполагает создание проектной группы, которая отвечает за планирование, реализацию и мониторинг проекта. Проектный подход часто используется для решения конкретных политических задач, таких как строительство новой государственной инфраструктуры, разработка новой государственной политики или внедрение новой услуги [15].

Одним из ключевых различий между процессным и проектным подходами является их временной горизонт. Процессный подход предполагает долгосрочную перспективу, когда основное внимание уделяется постоянному совершенствованию в течение длительного времени. В отличие от него, проектный подход ориентирован на краткосрочную и среднесрочную перспективу, когда целью является достижение конкретных целей в определенных сроки [3].

Еще одно различие между этими двумя подходами заключается в их методологии. Процессный подход опирается на анализ данных для выявления возможностей улучшения предоставления государственных услуг. Он предполагает составление схемы процессов и анализ каждого этапа для выявления неэффективности и узких мест. В отличие от этого, проектный подход предполагает более структурированную методологию с определенным планом проекта, сроками и бюджетом [8].

Обсуждение и выводы

Анализ различных подходов в государственном управлении показывает, что каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны. «Old Public Administration» фокусируется на бюрократическом контроле государственного сектора, но он подвергается критике за неэффективность и отсутствие реакции на потребности общества. «New Public Management» подчеркивает использование методов управления из бизнеса в государственном секторе, что ведет к повышению эффективности, но вызывает опасения по поводу возможности приватизации и пренебрежения общественными ценностями. «Good Governance» делает акцент на прозрачности, подотчетности и участии граждан в принятии государственных решений, однако он подвергается критике за свою расплывчатость и отсутствие четкой теоретической базы.

Концепции электронного правительства и цифрового государственного управления подчеркивают использование технологий в государственном управлении, но их эффективность зависит от наличия и доступности цифровой инфраструктуры и цифровой грамотности граждан.

Клиентоориентированный подход направлен на повышение качества государственных услуг путем акцентирования внимания на потребностях и предпочтениях граждан.

Процессный подход и проектные подходы в государственном управлении подчеркивают важность систематических и структурированных процессов принятия решений, но они отличаются тем, что процессный подход фокусируется на управлении текущей деятельностью в отличие от реализации разовых проектов, предусмотренных проектным подходом.

В целом каждый подход к государственному управлению имеет свой уникальный вклад в эту область, а их совместное использование на практике может привести к более эффективному и результативному предоставлению государственных услуг.

Литература

1. Баранова И. В. Новый государственный менеджмент как инструмент повышения эффективности государственного управления // Сибирская финансовая школа. 2016. № 4. С. 171–175.
2. Добролюбова Е. И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 70–93.
3. Дышловой И. Н. и др. Проектный и процессный подходы к реализации программ развития региона // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. Т. 14. № 1. С. 55–67.
4. Ерженин Р. В. Электронное правительство России: обзор научных публикаций и исследований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvo-rossii-obzor-nauchnyh-publikatsiy-i-issledovaniy> (дата обращения: 23.03.2023).
5. Зотов В. В. От нового государственного управления к государственному менеджменту публичных ценностей (новая философия публичного управления) // Сб. статей по итогам научно-практической конференции с международным участием. Курск : Курский государственный университет, 2018. С. 204–208.
6. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / под ред. О. В. Линник, А. В. Ожаровского, М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. 180 с.
7. Косоруков А. А., Кшеменецкая М. Н. Цифровое управление как современный этап развития государственного управления (на примере открытых данных) // Тренды и управление. 2019. № 1. С. 27–34.
8. Кропотина О. Е. Проектный и процессный подходы в управлении: достоинства и недостатки // Образование и право. 2019. № 9. С. 167–172.
9. Логинова И. В. Трансформация понятия «государственное управление» в рамках становления информационного общества // Социальные процессы в полиэтничном обществе: II Казанские студенческие социологические чтения. Сборник материалов конференции студентов и аспирантов с международным участием. Казань : Изд-во Казанского университета, 2017. С. 149–155.
10. Пинчук В. О. Процессный подход в сфере государственного управления // Бюджет. 2020. № 3. С. 88–90 [Электронный ресурс]. URL: https://bujet.ru/article/401003.php?sphrase_id=7512183 (дата обращения: 23.03.2023).
11. Сидоренко Э. Л., Барциц И. Н., Хисамова З. И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-tsifrovogo-gosudarstvennogo-upravleniya-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty> (дата обращения: 23.03.2023).
12. Фонтейн Д. Институциональное развитие в виртуальном государстве: недостающее звено в технологическом видении e-government // Политическая наука. 2007. № 4. С. 50–77.
13. Чугунов А. В. Электронное правительство: эффективность политики внедрения информационно-коммуникационных технологий в государственное управление // Всероссийский конкурсный отбор обзорно-аналитических статей по приоритетному направлению «Информационно-телекоммуникационные системы». 2008. Т. 55.
14. Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- klientotsentrichnost-gosudarstvennogo-kontrolya-otsenka-grazhdan (дата обращения: 22.03.2023).
15. Яновский В. В., Исаев А. П., Нещерет А. К. О реализации проектного подхода в государственном управлении и местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2018. № 7 (115). С. 8–16.
 16. Ashworth R. et al. Theorizing contemporary public management: international and comparative perspectives // British Journal of Management. 2013. Vol. 24. P. 1–17.
 17. Alford J., O'Flynn J. Rethinking public service delivery: Managing with external providers. Bloomsbury Publishing, 2012.
 18. Denhardt R. B., Catlaw T. J. Theories of public organization. Cengage learning, 2014.
 19. Goodin R. E., Bovens M., Schillemans T. (ed.). The Oxford handbook public accountability. Oxford University Press, 2014.
 20. Goodnow F. J. Politics and administration: A study in government. Macmillan, 1900.
 21. Heeks R. Implementing and managing eGovernment // Implementing and Managing eGovernment. 2005. P. 1–304.
 22. Henry N. Public administration and public affairs. Routledge, 2011.
 23. Hood C. A public management for all seasons? // Public administration. 1991. 69. N 1. P. 3–19.
 24. Hur J. Y. et al. The “smart work” myth: how bureaucratic inertia and workplace culture stymied digital transformation in the relocation of South Korea’s capital // Asian Studies Review. 2019. Vol. 43. N. 4. P. 691–709.
 25. Miller H. T. Post-progressive public administration: Lessons from policy networks // Public Administration Review. 1994. P. 378–386.
 26. OECD. Promise and Problems of e-Democracy: Challenges of Online Citizen Engagement. OECD. 2003
 27. Shafritz J. M., Russell E. W., Borick C. P. Introducing public administration. Routledge, 2011
 28. Smirnova V. V. The role of citizen-centricity and reputation resources of the region in the functioning of the modern public administration system // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. N 6. P. 31–39.
 29. Stillman R. J. Public administration: concepts and cases (International ed.) // Belmont, CA : Wadsworth Cengage Learning. 2009.
 30. United Nations E-Government Survey. Gearing e-government to support transformation towards sustainable and resilient societies. 2018.
 31. UNDP. Governance for sustainable human development: A UNDP policy document. United Nations Development Programme. 1997.
 32. Weber M. Political Writings. Cambridge University Press, 1994. 428 p.
 33. Wilson W. The study of administration // Political Science Quarterly. 1887. N 2 (2). P. 197–222.
 34. World Bank Group. World development report 2016: Digital dividends. World Bank Publications, 2016.

Об авторе:

Ляликов Александр Александрович, аспирант кафедры политической теории факультета управления и политики МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация); alexanderlyalikov@gmail.com

References

1. Baranova I. V. New state management as a tool to improve the effectiveness of public administration // Siberian Financial School. 2016. N 4. P. 171–175 (in Rus).
2. Dobrolyubova E. I. Public Management by Results in the Era of Digital Transformation: Review of Foreign Experience and Prospects for Russia // Issues of State and Municipal Administration [Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya]. 2018. N 4. P. 70–93 (in Rus).
3. Dyshlova I. N. et al. Project and process approaches to the implementation of regional development programs // Modern problems of service and tourism [Sovremennye problemy servisa i turizma]. 2020. Vol. 14. N. 1. P. 55–67 (in Rus).
4. Erzhenin R. V. E-government of Russia: review of scientific publications and research // Issues of State and Municipal Administration [Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya]. 2018. N 3 [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvovrossii-obzor-nauchnyh-publikatsiy-i-issledovaniy> (accessed: 23.03.2023) (in Rus).

5. Zotov V.V. From new public administration to state management of public values (new philosophy of public administration) // Collection of articles based on the results of scientific-practical conference with international participation [Sbornik statej po itogam nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem]. 2018. P. 204–208 (in Rus).
6. The Client-Centric Approach in Public Administration: Digital Transformation Navigator / ed. by O.V. Linnik, A.V. Ozharovsky, M.S. Shklyaruk. M. : Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2020. 180 p. (in Rus).
7. Kosorukov A. A., Kshemenetskaya M. N. Digital governance as a modern stage in the development of public administration (on the example of open data) // Trends and Management [Trendy i upravlenie]. 2019. N 1. P. 27–34 (in Rus).
8. Kropotina O.E. Project and process approaches in management: advantages and disadvantages // Education and law. 2019. N. 9. P. 167–172 (in Rus).
9. Loginova I.V. Transformation of the concept of “public administration” in the formation of the information society // Social processes in multi-ethnic society: II Kazan student sociological readings. Proceedings of the conference of students and graduate students with international participation. Kazan : Kazan University Press, 2017. P. 149–155 (in Rus).
10. Pinchuk V.O. Process approach in the sphere of public administration // Budget. 2020. N 3. P. 88–90 [Electronic source]. URL: https://bujet.ru/article/401003.php?sphrase_id=7512183 (accessed: 23.03.2023) (in Rus).
11. Sidorenko E.L., Bartsits I.N., Khisamova Z.I. Efficiency of digital public administration: theoretical and applied aspects // Problems of State and Municipal Administration. 2019. N 2 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-tsifrovogo-gosudarstvennogo-upravleniya-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty> (accessed: 23.03.2023) (in Rus).
12. Fontaine D. Institutional development in the virtual state: the missing link in the technological vision of e-government // Political Science. 2007. N 4. P. 50–77 (in Rus).
13. Chugunov A.V. E-government: the effectiveness of policy implementation of information and communication technologies in public administration // All-Russian competitive selection of review-analytical articles on the priority direction “Information and telecommunication systems”. 2008. Vol. 55 (in Rus).
14. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Client-centricity of state control: citizens’ assessment // Issues of State and Municipal Administration [Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya]. 2022. N 3 [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientotsentrichnost-gosudarstvennogo-kontrolya-otsenka-grazhdan> (accessed: 22.03.2023) (in Rus).
15. Yanovsky V.V., Isaev A.P., Nesheret A.K. On the implementation of the project approach in public administration and local self-government // Management Consulting. 2018. N 7. (115). P. 8–16.
16. Ashworth R. et al. Theorizing contemporary public management: international and comparative perspectives // British Journal of Management. 2013. Vol. 24. P. 1–17.
17. Alford J., O’fynn J. Rethinking public service delivery: Managing with external providers. Bloomsbury Publishing, 2012.
18. Denhardt R. B., Catlaw T.J. Theories of public organization. Cengage learning, 2014.
19. Goodin R.E., Bovens M., Schillemans T. (ed.). The Oxford handbook public accountability. Oxford University Press, 2014.
20. Goodnow F.J. Politics and administration: A study in government. Macmillan, 1900.
21. Heeks R. Implementing and managing eGovernment // Implementing and Managing eGovernment. 2005. P. 1–304.
22. Henry N. Public administration and public affairs. Routledge, 2011.
23. Hood C. A public management for all seasons? // Public administration. 1991. 69. N 1. P. 3–19.
24. Hur J.Y. et al. The “smart work” myth: how bureaucratic inertia and workplace culture stymied digital transformation in the relocation of South Korea’s capital // Asian Studies Review. 2019. Vol. 43. N. 4. P. 691–709.
25. Miller H.T. Post-progressive public administration: Lessons from policy networks // Public Administration Review. 1994. P. 378–386.
26. OECD. Promise and Problems of e-Democracy: Challenges of Online Citizen Engagement. OECD. 2003
27. Shafritz J.M., Russell E.W., Borick C.P. Introducing public administration. Routledge, 2011
28. Smirnova V.V. The role of citizen-centricity and reputation resources of the region in the functioning of the modern public administration system // Intelligence. Innovation. Investments. 2022. N 6. P. 31–39.

29. Stillman R. J. Public administration: concepts and cases (International ed.) // Belmont, CA : Wadsworth Cengage Learning. 2009.
30. United Nations E-Government Survey. Gearing e-government to support transformation towards sustainable and resilient societies. 2018.
31. UNDP. Governance for sustainable human development: A UNDP policy document. United Nations Development Programme. 1997.
32. Weber M. Political Writings. Cambridge University Press, 1994. 428 p.
33. Wilson W. The study of administration // Political Science Quarterly. 1887. N 2 (2). P. 197–222.
34. World Bank Group. World development report 2016: Digital dividends. World Bank Publications, 2016.

About the author:

Alexander A. Lyalikov, PhD student, Department of Political Theory, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); alexanderlyalikov@gmail.com

В РАНХиГС Санкт-Петербург состоялось заседание Попечительского совета

10 ноября в РАНХиГС Санкт-Петербург состоялось заседание Попечительского совета института. Впервые мероприятие прошло на площадке обновленного после комплексной реконструкции корпуса юридического факультета на Каменноостровском проспекте.

Открыл заседание председатель Попечительского совета Петербургского кампуса Президентской академии, научный руководитель факультета экономики и финансов РАНХиГС Санкт-Петербург, доктор экономических наук, профессор, иностранный член РАН В. Л. Квинт, который отметил особый символизм встречи членов Совета именно 10 ноября, когда отмечается Всемирный день науки за мир и развитие.

Директор Петербургского кампуса Президентской академии А. Д. Хлутков приветствовал участников традиционного мероприятия, которые собрались в этот день в обновленном, оснащеном по последнему слову техники зале Ученого совета в корпусе юридического факультета на Каменноостровском проспекте.

Одним из важнейших событий этого года стало решение президента России Владимира Путина поддержать идею возрождения Царскосельского лицея на базе РАНХиГС Санкт-Петербург. «В настоящий момент членами рабочей группы ведется работа по проработке плана реализации проекта. К февралю будут окончательно определены критерии, на основании которых будут зачисляться обучающиеся. Ведется подбор здания для нового учебного заведения. Планируется, что уже 1 сентября 2024 года Лицей Президентской академии распахнет свои двери для первых учеников», — рассказал членам Попечительского совета научный руководитель РАНХиГС Санкт-Петербург В. А. Шамахов.

Активными участниками дискуссий стали депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, первый заместитель председателя комитета Государственной думы по контролю М. В. Романов, председатель Законодательного собрания Ленинградской области С. М. Бебенин, советник губернатора Санкт-Петербурга Н. В. Буров, председатель Геральдического совета при президенте Российской Федерации — государственный герольдмейстер Российской Федерации, заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной работе Г. В. Вилинбахов и другие члены Попечительского совета вуза.

На фото: директор РАНХиГС Санкт-Петербург А. Д. Хлутков (слева) и научный руководитель РАНХиГС Санкт-Петербург В. А. Шамахов во время заседания

По окончании официальной части заседания директор вуза А. Д. Хлутков и научный руководитель В. А. Шамахов провели для гостей экскурсию по корпусу, в ходе которой члены Совета смогли лично ознакомиться с техническим оснащением аудиторий, комфортными зонами для работы, библиотекой и актовым залом обновленного исторического здания на Каменноостровском проспекте.

Директор РАНХиГС Санкт-Петербург принял участие в Евразийском деловом форуме «Интеграция»

15 ноября на площадке ГК «Президент-отель» в Москве состоялся V Евразийский деловой форум «Интеграция». Юбилейное мероприятие прошло в год председательства России в ЕАЭС и объединило представителей правительств стран

На фото: директор РАНХиГС Санкт-Петербург профессор А. Д. Хлутков (слева) и член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии академик РАН С. Ю. Глазьев

Экономического союза, крупнейших российских и зарубежных компаний, ученых, экспертов в области бизнеса, таможенного дела, логистики и финансов. Основной целью делового события стало обсуждение видения Стратегии опережающего развития ЕАЭС с акцентом на Большое Евразийское партнерство.

Программа мероприятия включала широкий набор разнообразных форматов для выстраивания бизнес-взаимодействия, обсуждения насущных вопросов и презентации передовых решений — панельные дискуссии, зона прямых переговоров, тематические и отраслевые секции. Одним из ключевых событий форума стал международный деловой форум «Космическая интеграция», в ходе которого эксперты рассмотрели вопросы сотрудничества стран ЕАЭС в космической сфере с точки зрения совместных возможностей промышленности, фундаментальной и прикладной науки, цифровизации, интеграции образования и социально-экономического развития стран-участниц.

Директор Петербургского кампуса Президентской академии А. Д. Хлутков представил вуз в качестве одной из ведущих исследовательских площадок, активно занимающейся вопросами развития Евразийского экономического союза.

В РАНХиГС Санкт-Петербург состоялись Пятые международные «Горчаковские чтения»

23 ноября состоялась Пятая международная научно-практическая конференция по вопросам государственного управления и общественного развития «Горчаковские чтения», организатором которой является Северо-Западный институт управления РАНХиГС.

Конференция посвящена одному из выдающихся выпускников Императорского Царскосельского лицея — министру иностранных дел и последнему канцлеру Российской империи Александру Михайловичу Горчакову, служит продолжению традиций воспитания просвещенных государственных служащих России.

С приветственными словами выступили директор РАНХиГС Санкт-Петербург А. Д. Хлутков, руководитель аппарата Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга К. Н. Гриневич.

Авторитетные спикеры обсудили вопросы государственного, регионального и местного управления, перспективы общественного развития, международных отношений, обеспечения национальной безопасности, таможенного администрирования.

Уже несколько лет подряд партнерами «Горчаковских чтений» становятся органы государственной власти и Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук. Среди участников мероприятия — руководители органов государственной власти и местного самоуправления, государственные и муниципальные служащие, политики, общественные деятели, эксперты в области государственного, муниципального и общественного управления, представители бизнеса, научных и образовательных организаций, выпускники РАНХиГС Санкт-Петербург.

В мероприятии приняли участие свыше 200 экспертов из России, Армении, Белоруссии и Казахстана.

2023. № 11(179) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 11.11.2023.
Подписано к печати 29.11.2023.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,22. Тираж 50 экз.
Заказ № 11/23.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72